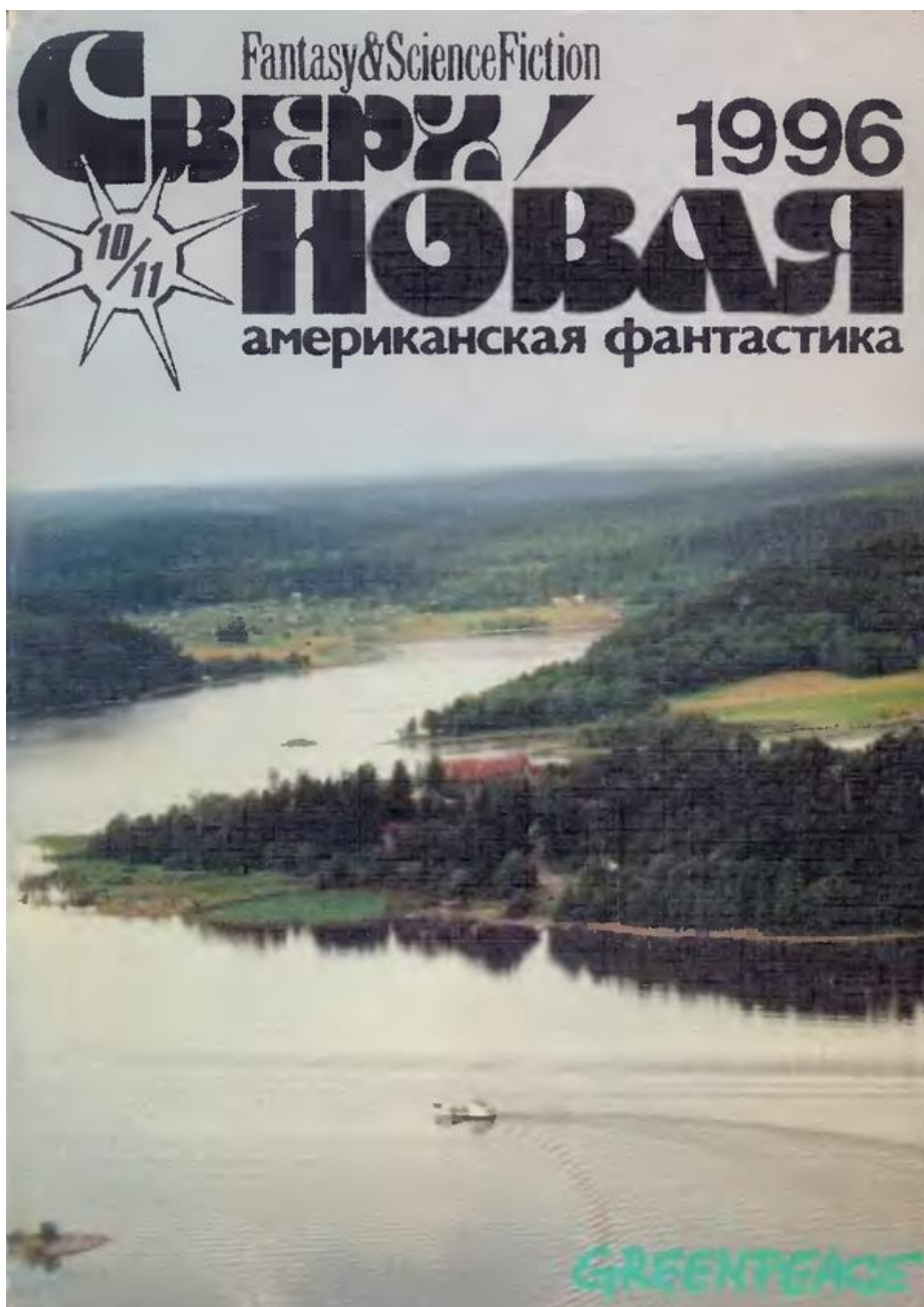

**Лариса Григорьевна Михайлова Брайан М.
Стэблфорд Линда Нагата Лоис Тилтон Рудольфо
Анайя Нэнси Спрингер Пол Ди Филиппо А. Е.
Сенделинг Алексис де Токвиль Иван Антонович
Ефремов Артур Чарлз Кларк Грегори Бенфорд**

**Сверхновая американская фантастика, 1996 № 10-
11**

Сверхновая американская фантастика (журнал) - 22

FineReader 12 <http://lib.rus.ec/b/437199>

Аннотация

Ежемесячный журнал «Сверхновая американская фантастика» — русское издание американского ежемесячника «Magazine of Fantasy and Science Fiction». Выходит с июля 1994 года.

Fantasy & Science Fiction
СВЕРХ / 1996
НОВАЯ
американская фантастика

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ Выходит с июля 1994 г
(N 22-23 с начала выпуска)

Благодарим Артура Чарлза Кларка за содействие в выпуске этого номера.

А. Кларк в 1972 году за той машинкой, на которой он писал письма И.А. Ефремову

Колонка редактора Мир-мирской

Переменчивость жизни вошла во множество поговорок. «Мирские волны — морские волны», читаем в далевском сборнике «Пословиц

русского народа». Сейчас подобные сборники и словари называют идеографическими. Понятие в обрамлении окружающих слов, словосочетаний и фразеологических оборотов проступает полнее и отчетливее. А каким проступает сейчас, в конце двадцатого века, понятие «мир»? Издавна, что называется — от века, в связке «война и мир» в изобразительном и выразительном отношении в литературе главенствовала война. Можно спорить о причинах, но на данный момент мы имеем дело с ситуацией, когда описание насилия бесконечно и многообразно, а представление о мирной жизни в массовом сознании стремится к нулю.

И вместе с тем, в той фантастике, которую открывает читателям наша «Сверхновая», складывается образ мира, живущего без угрозы самоуничтожения. Проблемы, конечно, неизбывны, а люди — существа весьма конфликтные. Но наша Земля все же продолжает нести на себе человечество на страницах произведений многих авторов. Нам показалось интересным собрать фрагменты мирных картин и сложить из них крошечное окошко, через которое одним глазком можно заглянуть в то будущее, которого желают сегодня.

В разделе «Пятьдесят световых лет спустя» — написанный сразу после образования Организации Объединенных Наций рассказ малоизвестной американской писательницы А. Шэнделинг «Возвращение грифонов», в котором сквозит надежда на то, что стоящее на атомном распутье человечество сможет, наконец, разрешить загадку своего существования. Англичанин Брайан Стейблфорд и американка Линда Нагата рисуют несколько дней из жизни общества, решившего по-своему проблемы перенаселения. В эко-раю Стейблфорда высшей ценностью становятся дети, право иметь которых со-родители получают после многолетнего ожидания. Биодома до молекулы используют ресурсы, снабжая обитателей почти всем необходимым, притом перерабатывают отходы на месте. Но герою рассказа «Невидимый червь» Риду становится яснее, что для него самое важное, только когда так хорошо налаженная жизнь вдруг выхолит из-под контроля. Лишь находчивость его, вовсе не оцененная никем по достоинству, спасает общего младенца: то, что кажется гиперреакцией, есть пробивающаяся из глубины души родительская любовь, которая остается как непреходящая ценность. В «Старой матери» Нагаты (знакомой читателям «Сверхновой» по рассказу «Освободительница» в № 3 за 1994 год) осуществляется мечта о достижении бессмертия. Исцеление и вечная жизнь, однако, даются ценой разлучения с Землей, первоматерью. Здесь, как и в рассказе Стейблфорда, вы не найдете однозначного притягивания или отталкивания черт изображаемого мироустройства, но в обоих случаях — это картины безусловно мирной жизни.

Возможно, платой за достижения станет сон, «отнимающий» треть жизни («Спи, моя малышка» Лойс Тилтон). Но ни в коем случае жертвой им не должны пасть последние дикие уголки земли (как Ручей Бегущего Лиса в «Осеннем тумане» Нэнси Спрингер). Романтизм — поистине животворящая сила в сверхурбанистичной пародии Пола ди Филиппо «Верите ли вы в чудо?».

Как молитва повторяется лейтмотив всеобщей связи дел человеческих с силами природы и вселенскими законами. Громче всею связью эта слышна Ультиме — целительнице из романа Рудольфе) Анайи, публикацию которого мы начали в № 8-9 за 1996 год и планируем

завершить в № 4 за 1997. Воспреемником Ультимы становится мальчик Антонио. Да, может быть, тут фантасты ничего нового не придумали — для них источником новизны и залогом того, что она не оскудеет, остаются дети. Мы тоже решили шире показать в этом номере работы юных художников архитектурно-дизайнерской студии «Старт». Это животные из букв. Иногда в контурах и изгибах можно прочесть начало истории про птицу из страны завитушек (Алёны Хоревой, автора иллюстрации к «Восставшей из праха» Р. Брэдли в № 5–6 за 1996 год), жука, дружившего с бабочкой (К. Севрюкова) или замечательной черепахи (вид сбоку — Кати Кохтасвили, вид снизу — Вали Дуровой). Буквы человеческого языка обнаруживают скрытую связь с «бессловесными» тварями.

В разделах «Обзор» и «Голоса пространства» предлагаем вашему вниманию разговор о творчестве Артура Кларка, публикуем его послание на Марс, которое должно было достигнуть Красной планеты вместе с российской марсианской миссией... И, как обещали, продолжаем Вас знакомить с перепиской И.А. Ефремова с писателями-фантастами Англии и США. В 1996 году наконец на нашем телеэкране прошёл фильм «2001: Космическая Одиссея», поэтому, надеюсь, многие составили о нем свое представление. Сегодня это — классика, есть уже и более зрелищные, с головокружительными компьютерными эффектами (новая эстетика получила даже название «вертижинизм»), но завораживающий символизм чёрного Монолита действует по сей день.

О знаках, которыми надлежит пометить могилу человеческого неразумия — захоронение радиоактивных отходов — размышляет Грегори Бенфорд в статье «Отсюда в вечность». Еще один материал раздела «Теперь вы знаете...» поступил к нам из российского отделения организации «Гринпис», предоставившей также и замечательные фотографии, которые мы поместили на обложке. Чтобы будущее все же наступило, стоит, конечно, перестать использовать столь пагубные для людей и природы субстанции, о которых говорится в подборке «БРР! Пластик!», перекликающейся с рассказом Пола ди Филиппо, фразой из которого мы его назвали.

А когда кругом тихо и спокойно, что может быть лучше, чем путешествия с их всевозможными приключениями. В некоторые можно отправиться уже сегодня, для чего мы знакомим вас с уникальной «Коллекцией приключений». Весь мир-мирской перед вами.

От слова не сбудется, а по слову сбывается.

Лариса Михайлова

Проза

Брайан Стейблфорд
Невидимый червь¹

Впервые Рик заметил завядшую розу, когда пришла пора нести

1 © Brian Stableford. The Invisible Worm. F&SF, September 1991.
Перевел Сергей Саксин.

Стивена на утреннее кормление, но тогда он не обратил на нее особого внимания, так как его мысли были заняты другим — в основном, голосом Стивена. Для своего столь юного возраста Стивен обладал весьма мощными легкими, и когда он применял их в полную силу, Рик не медлил. Этот звук пронизывал его насквозь.

Порой Рик гадал, может ли так быть, что у каждого человека имеется какой-то встроенный потайной тумблер, свойственный только ему одному, который, будучи включенным, повергает этого человека в его индивидуальный Ад ни с чем не сравнимых мучений. Если это действительно так, думал Рик, то по какой-то совершенно недоброй прихоти случая Стивен, очевидно, получил способность безошибочно воздействовать на его тумблер.

Тишина, наступившая сразу же после того, как Рик устроил младенца в уголок для кормления, принесла благословенное облегчение, которое, увы — как обычно — было смешано с чувством вины. Теперь, когда Рик смотрел на малыша, жадно набросившегося на соску, он был способен испытывать пристойное чувство любви. Только когда Стивен плакал...

Рик не ожидал, что маленький ребенок в доме будет доставлять столько хлопот, а часто и боли. Он понимал, как повезло обитателям дома, получившим эту привилегию — он сам и его пятеро со-родителей ждали очереди почти десять лет после того, как подали прошение на лицензию — и он был уверен, что любит Стивена ничуть не меньше, чем на это способен любой со-отец, но даже не представлял себе, насколько утомительными, насколько мучительными и изматывающими нервы станут недельные дежурства.

Вся беда, думал Рик, заключается в том, что раньше у него не было почти никакого опыта общения с младенцами. Но в нынешнее время такого опыта не имеет никто. Даже в детстве человеку редко приходится сталкиваться с другими малышами, независимо от того, сколько времени уделяют со-родители хлопотному занятию организации его досуга.

Рик не смел признаться своим со-родителям в том, насколько ему тяжело и неудобно — не потому, что они не поняли бы его. Скорее они *настояли* бы на том, чтобы постараться понять его, приложив к этому невыносимо много времени и сил. Они расписали бы на две недели вперед план каждодневных вечерних встреч, чтобы иметь возможность обсудить психологические корни экзистенциального беспокойства и опасности, подстерегающие на пути установления родственных связей, проводя долгие часы в сожалениях по поводу того, что эмоциональные основы человеческой природы были сформированы еще в те дни, когда люди были обычно биологически связаны с детьми, которых воспитывали. Рик предпочитал страдать от молчаливого нетерпения своих со-родителей; никто не смог бы вынести такого количества участия и сострадания.

Именно для того, чтобы избавиться от недовольства самим собой, Рик вернулся к пораженной розе, решив получше рассмотреть ее. Ему пришлось сделать над собой некоторое усилие. Он не помнил, кто из со-родителей так сильно настаивал на розовых тонах обстановки для детской — определенно, не он сам; Рик недолюбливал цветы, а уж розовые розы отдавали невыносимой сентиментальностью.

Роза выглядела очень плохо; ее розовые лепестки были обильно покрыты коричнево-желтыми пятнами. У Рика возникло желание без промедления сорвать цветок и выбросить его в приемник для удаления всех отходов из детской. Через некоторое время на этом месте вырастет

другой цветок. Рик протянул было руку, но затем заколебался. С некоторым запозданием он понял, что заболевшая роза может быть симптомом чего-то серьезного. Детская должна быть свободна от любых не имеющих функционального применения живых организмов. в том числе и таких, которые безвредны для всего, кроме комнатных растений.

Рик снова осмотрел лепестки, уже внимательнее. Затем изучил растущие по-соседству венчики. На них тоже появились первые признаки изменения пигментации.

— О, *загрязнение*, — пробормотал Рик. — Ну почему это произошло со мной?

Дежурный не только неделю ухаживал за ребенком, но и отвечал за дом в целом, что, как правило, было синекурой, так как в доме никогда не происходило ничего чрезвычайного.

В полуметре от пожелтевшей розы в стену из розового дерева был вмонтирован экран, и Рик запустил программу диагностического контроля за состоянием клеток дома. Он ввел запрошенные данные и стал с нетерпением ждать, глядя на экран, от всей души надеясь, что для устранения неполадки не потребуется человеческого вмешательства.

Но на экране вспыхнула надпись: «ВСЕ В ПОРЯДКЕ».

— Тупица, как может быть все в порядке? — воскликнул Рик. — Розы же должны цвести вечно, быть бессмертными, пока их не сорвут.

К несчастью, программа диагностического контроля была весьма примитивная. С точки зрения искусственного интеллекта она действительно была тупицей. Рик нажал на клавишу «ПОВТОР», понимая, что ничего этим не добьется. Сообщение упрямо держало свои позиции в середине экрана.

В противоположном углу комнаты Стивен, оставив соску, снова начал упражнять свои легкие. Ел он понемногу, но часто, и во время еды всегда заглатывать много воздуха. Устройство для кормления было венцом инженерной мысли, но все же не настолько универсально, чтобы иметь возможность удовлетворять *любой* каприз.

Поспешив к Стивену, Рик поднял голенького малыша и прижал его к левому плечу. Затем он принялся расхаживать вокруг колыбели, ритмично и нежно потирая ему спинку. Стивен, как всегда, не ограничился легкой отрыжкой. Вместе с воздухом он изверг из себя несколько миллилитров молока, испачкав Рiku рубашку. Сняв с себя рубашку, Рик опустил ее в дверцу для грязного белья, прилагая все усилия, чтобы не выругать ребенка.

Следующим в распорядке дня Стивена было утреннее купание. Разумеется, малыш и без этого был безупречно чист — колыбель была полностью оснащена системами очистки от выделений — но со-родители, усердно изучившие все пособия по воспитанию детей, знали, как важно приобщать ребенка к воде. Домашний совет составил обязанности дежурного, учитывая это обстоятельство. Детская ванночка, как и колыбель, была отростком древесины стены дома, и обычно из соображений гигиены была пуста. Рик активировал протоки и, покачивая Стивена, стал ждать, когда ванночка наполнится водой. Стивен перестал хныкать, и ничто не отвлекало внимание Рика от нежного журчания воды.

Так как ванночка была темно-коричневая, Рик не сразу заметил, что не все в порядке. Только когда уровень воды в неглубоком резервуаре поднялся сантиметров на восемь-десять, Рик понял, что она не бесцветна. Опустив руку в ванну, он зачерпнул в пригоршню немного жидкости. Она

обладала слабой соломенной желтизной и была странной на ощупь.

Теперь Рик знал, что проблема серьезная. Зачахший цветок на стене — одно дело, но неизвестное вещество в детской ванне — это уже не шутка: неприкрытая угроза здоровью самого ценного члена семьи.

Среди обитателей дома не было биотехников. Хотя трое из со-родителей работали в службе строительства и деконструкции и поэтому что-то знали о системах жизнеобеспечения, но Дон и Николя сейчас находились где-то в Южной Америке, а Дитер занимался исключительно земляными работами и не был способен отличить левостороннее дерево от правостороннего. Не только рядом с Риком не было никого, способного оказать квалифицированную помощь — вообще в доме все были заняты, и никто не отвлекся бы от работы, чтобы разделить его озабоченность. Роза, которая, как и сам Рик, работала в системе детского образования и развлечений, вела занятия. Хлоя подключилась к роботурильной установке, пробивающей скважину в Среднеатлантической впадине. Дитер на все вопросы немедленно выдавал ответ: «НЕ БЕСПОКОИТЬ».

Вернувшись к экрану видеофона, Рик включил видеокамеру и вызвал врача.

Женщина-врач появилась на экране не сразу, но по крайней мере она не поставила запрос Рика на ожидание. Высветившийся на экране идентификационный код сообщил ему, что врача зовут Мора Джореги. Судя по внешности, она давно не проходила омоложения, но Рик нашел это в какой-то степени успокаивающим. Морщины — разумеется, не слишком бросающиеся в глаза — до сих пор служили для него признаком ума.

— Я Ричард Рис, — сказал Рик, хотя он знал, что у врача на экране отображены его фамилия и адрес. — По-моему, с нашим домом что-то случилось, но домашний лар выдает сигнал «ВСЕ В ПОРЯДКЕ». Внешние признаки не очень серьезные — несколько цветов, судя по виду, заболели, и вода в ванне окрашена — но это детская, и мы не можем рисковать малышом.

Доктору Джореги был виден ребенок, так как Рик держал его перед объективом, и она кивнула, выражая согласие.

— Мистер Рис, я сейчас запускаю своего AI-диагноста, — сказала врач. — Пожалуйста, опустите щит, чтобы допустить мою антиинфекционную программу.

Рик ввел команду, которая открыла все системы дома для анализа и тестирования. Пока доктор Джореги изучала данные, выводившиеся на дисплей, расположенный слева от видеокамеры, Рик рассматривал ее лицо. У нее было старомодное профессионально-хмурое выражение, что просто очаровало его.

— Ммм, — задумчиво произнесла врач. Затем она снова повернулась прямо в объектив. — Вы не могли бы помочь мноистер Рис? Вы можете оторвать несколько лепестков от пораженного цветка и набрать воды из ванны? Поместите это в два разных отделения системы удаления отходов. Нет необходимости запускать какие-либо программы анализа; я воспользуюсь своими.

Рик сделал все, как его просили, а затем снова вежливо устроился перед объективом, чтобы они с врачом могли смотреть друг на друга. Профессионально-хмурое выражение лица доктора Джореги становилось все мрачнее, и в конце концов оно стало казаться Рикуну прямо-таки похоронным.

— Очень странно, — наконец сказала врач. — Ну очень странно.

— Системы в детской были установлены всего пару месяцев назад, — сказал Рик, понимая, что в его сведениях, вероятно, нет необходимости, но полагая, что ему следует попытаться оказать помощь. — Мы не выращивали собственного зародыша; Стивена мы взяли уже родившимся. Дерево и цветы на стенах — правоспиральные; считается, что они не подвержены воздействию никаких живых организмов и полностью невосприимчивы ко всем естественным патогенам.

— Ну да, ну да, — задумчиво проговорила доктор Джореги. — Беда в том, что в последнее время в правоспиральной органике произошло такое продвижение вперед, что повсюду оказалось ужасное множество пс-ДНК. Возможно, что-то попало в дерево при производстве и до настоящего времени пребывало в пассивном состоянии. С другой стороны, возможно, произошло что-то еще. Хотя, что именно...

— Значит, вы не знаете, что это? — слабо произнес Рик.

— *Пока* не знаю, — согласилась врач, судя по всему, очень тщательно подбирая слова. — Существует крошечная вероятность того, что корни происходящего вовсе не органические.

Может быть, у вас произошла какая-то неполадка в электронике, в интерфейсе между кремниевыми и биокристаллами. Если что-то в программном обеспечении наводит помехи на систему питания вашей органики, это объясняет то обстоятельство, что ваш лар не замечает никаких неполадок. Скорее всего, у вас в стенах ползают *какие-то* жучки, но, скорее всего, будет непросто выяснить, какие именно. Кто-нибудь из обитателей дома по роду своей деятельности связан с передовой биотехникой?

— Нет, — ответил Рик. — У нас здесь только простые люди. Никаких ученых.

— Возможно, все дело в какой-то мелочи, — сказала врач. — Но необходимо провести расследование. Я должна приехать к вам.

— Лично? — изумился Рик.

Он никогда прежде не слышал о том, чтобы врач приезжал на дом — хотя, рассудил он, врачам, специализирующимся на заболеваниях домов, приходится делать это довольно часто.

— Будет проще, если я сама повожусь и поковыряюсь со всем этим, — сказала доктор Джореги, — и хотя, скорее всего, произошло нечто совершенно тривиальное, моя диагностическая программа в полном смятении. Я воспользуюсь робо-такси и буду у вас часа через два. Если не возражаете, я оставлю все свои системы включенными — если что-либо случится, без стеснения связывайтесь со мной по видеофону в такси.

— Ясное дело, — сказал Рик.

— Конечно, я не думаю... — начала было врач и осеклась.

— Что? — спросил Рик.

— У кого-либо из вас есть *враги*? — спросила она, пытаясь всем своим тоном выразить, что не ждет положительного ответа, но тем не менее должна на всякий случай задать этот вопрос.

— Вы полагаете, что, возможно, кто-то делает это *умышленно*? — спросил Рик, придя в полный ужас от этого вопроса. — Вы полагаете, что, возможно, *кто-то пытается отравить наш дом*?

— Не уверена, — со вздохом ответила доктор Джореги, вероятно, также сомневаясь в том, разумно ли было задавать этот вопрос. — Еще раз повторяю, может быть, вам совершенно не о чем беспокоиться. Итак,

через два часа.

После чего, умело заронив семена жуткого беспокойства, она отключила связь.

Хлоя была по-прежнему мысленно погружена в глубины океана, хотя тело ее мирно лежало в уютном кресле в комнате. У Дитера, который, вероятно, бездельничал, система связи все еще была запрограммирована на все запросы отсылать ответы «НЕ БЕСПОКОИТЬ». Однако, как только Роза закончила занятия, она ответила на вызов Рика, которому было необходимо поговорить хоть с кем-то.

— Ну разумеется, никаких врагов у нас нет, — сказала она, когда он изложил ей разговор с врачом. — Ну кто может желать причинить вред нашему дому — нашей *детской* ! Вероятно, это какой-то скрытый дефект системы, который начал проявляться только сейчас. Ты проверил остальной дом?

— Все, кроме подвала, — ответил Рик. — Но я ведь не знал, что искать, правда?

Все системы дома были размещены стандартным образом. Неорганическая часть его мозга располагалась в чердачном помещении под крышей; насос, контролирующий различные системы циркуляции, находился в шкафчике под лестницей. Рик открывал обе камеры и заглядывал в них, но на его взгляд, там не было ничего ненормального. В подвал он не спускался в основном потому, что не любил его, тесный и захламленный. Там находились все системы переработки и утилизации отходов; там же были переплетенные корни, уходящие растущими концами глубоко в необработанную подпочву, на которой был возведен фундамент, впитывая минералы и воду. Освещение в подвале минимальное; во всем доме только здесь по-настоящему *мрачно* .

— Должно быть, все дело в этих новых системах, — сказала Роза, словно пытаясь убедить саму себя. — Хотя такого не должно быть — мы не сэкономили ни на чем. В детской наилучшее оборудование. Такого не должно быть.

— Возможно, именно *потому* , что оно самое современное, всех этих жучков из него и не вытюжили, — предположил Рик. — У новых технологий часто режутся зубки, и тогда их лихорадит, прямо как младенцев.

Похоже, Роза не слушала его.

— Не хочешь же ты предположить, что Дитер принес с собой какую-то заразу из Африки? — сказала она. — На прошлой неделе он дежурил, да?

— Он был в центре пустыни Калахари, — ответил Рик. — Это самое маловероятное место в мире, где можно подцепить микроб, способный разлагать правоспиральные белки.

— Он возвратился на самолете, — агрессивно возразила Роза. — А самолеты в наши дни полны пс-дряни.

Рик подумал, что Роза оказала ему совсем не ту помощь, на которую он рассчитывал, и ощутил разочарование. Было категорически запрещено любить одного из со-супругов значительно больше, чем остальных, чтобы не возникало обвинений в выделении, но Рик всегда было не по себе вместе с Розой. Она не отличалась красотой Хлои или Николя, но было в ней что-то такое, отчего ему всегда казалось, что сердце у него вот-вот расплавится, и ему не нравилось, когда она сердилась на него.

Когда Стивен заплакал, Рик даже испытал облегчение; похоже,

разговор с Розой ничего не прояснил.

— Я лучше снова покормлю его, — сказал Рик.

— Он не мог успеть проголодаться, — пожаловалась Роза. — Еще не время.

— В последний раз он поел немного, — словно извиняясь, произнес Рик, — и кое-что отгрызнул. — Еще говоря это, он почувствовал, что в его словах прозвучало нечто зловещее. — О, загрязнение, — тихо произнес он. — Я же не могу отнести его назад в уголок для кормления, ведь так? Если детская заражена. Что мне делать, Роза?

— Отнеси его в столовую, — предложила Роза. — Главная система может готовить молоко не хуже, чем система в детской.

— Но там же нет соски! — возразил Рик. — Не могу же я кормить малыша с ложки, правда?

— Запрограммируй раздаточную, чтобы соска была отлита из мягкой пластмассы, — сказала Роза. — Программа *должна* найтись где-то в библиотеке. Нужна такая соска, которая подойдет к бутылочке. Конечно, от этого немного отдаст двадцать первым веком, но сработать должно.

— Стивену это не понравится, — трагическим голосом заявил Рик.

— Ему не пойдет на пользу, если он погрязнет в рутине комфорта, — сурово произнесла Роза. Так как она много работала в системе начального образования, то считала себя домашним экспертом по детскому воспитанию, хотя и всячески заботилась о том, чтобы нисколько не перевыполнять свою долю работы по уходу за ребенком. — Ему время от времени требуются новшества и импровизация — особенно в первый период жизни.

Стивен к этому времени начал усиливать громкость крика, вознамерившись дойти до полномасштабного рева. Рик поспешил в библиотеку, надеясь, что сможет отыскать необходимую программу, и что распределитель успеет выдать соску, спася его уши от дальнейших мучений.

* * *

— Боюсь, дело серьезнее, чем я предполагала, — печально произнесла врач, когда приехала к ним домой. — В лаборатории завершили анализ пс-ДНК розы и инородного вещества из воды в ванне. Все это довольно непонятно. Я была вынуждена вызвать помощь, но у вас нет причин для беспокойства. Мы занялись проблемой в начальной стадии, и дело состоит только в том, чтобы отследить ее до истока. Когда придут остальные, мы ненадолго отсоединим детскую и возьмем на себя управление основными системами дома. Вам придется свернуть все проводимые работы; возможно, у вас возникнут некоторые трудности, но все будет в порядке, и если повезет, через несколько часов нас здесь уже не будет. *Не беспокойтесь.*

Последней части совета следовать было трудно, но стало еще труднее, когда появился первый из «помощников» доктора Джореги. Его звали Итуро Морусаки, и в его удостоверении личности значилось, что он является сотрудником Всемирного Бюро Расследований.

— Я уверен, причин для беспокойства нет, — небрежно заявил он. — Но мы должны принимать все меры предосторожности, когда есть вероятность того, что было совершено преступление.

— Какое преступление? — спросил Рик.

— Любое, — туманно ответил на его вопрос сотрудник ВБР.

— Вы имеете в виду внесение искажений в программное обеспечение, не так ли? — с острой озабоченностью в голосе произнесла Роза. — Вы полагаете, мы стали жертвой нападения террористов? Но почему мы? Мы никогда никому не причиняли ничего плохого!

Следователь Морусаки успокаивающе поднял руку.

— Нет-нет! — сказал он. — Мы не должны спешить с выводами. Нам пока просто неизвестно, с чем мы имеем дело — а это может быть *все что угодно*. Пожалуйста, не волнуйтесь.

Он не стал дожидаться новых вопросов и скрылся в детской, чтобы переговорить с доктором Джореги.

К этому времени Дитера и Хлою уже известили о том, что с домом происходит что-то неладное, и они присоединились к Рiku и Розе, спустившись в большую гостиную.

— Что ж, — сказала Хлоя, — что касается меня, я совершенно чиста — девственно. А чем ты занимался в Африке, Дитер?

— Помощь в освоении пустыни Калахари едва ли можно назвать экологическим преступлением, — резко возразил Дитер. — Зеленые вряд ли имеют что-либо против *меня*. Чем занимаются в Амазонии Дон и Николя? Может быть, это *они* чем-то обидели Защитников Матери-Земли?

— Не говорите глупостей, — сказала им обоим Роза. — Они простые исполнители, не ученые. Зеленые не посылают по электронной почте бомбы таким, как мы.

Стивена нисколько не радовала бутылочка, которую — совершенно неумело — пытался засунуть ему в рот Рик. Его что-то не устраивало в соске — несмотря на то, что он был голоден. Лицо у него стало красным, глаза сузились в щелочки, и он жалобно скулил. Это еще не была полномасштабная истерика, но все шло к тому. Стиснув зубы, Рик постарался действовать терпеливо, но твердо.

— *Понежнее*, — посоветовала Хлоя. — Ты выводешь его из себя. Нам всем необходимо сохранять спокойствие — ради *него*.

— Я слышал, какой-то шутник использовал генератор случайных чисел и рассылал по сети программный вирус, — предположил Дитер. — Возможно, это и произошло — возможно, наш номер был выбран просто случайно.

— Не говори ерунду, — сказала Роза. — Это не просто какая-то глупая надпись, мигающая у нас на экране — что-то вредит нашей *детской*. Какой шутник способен на такое?

Стивен, судя по всему, уставший от полумер, начал кричать. Он еще не добрался до тайной ноты, но Рик чувствовал, что нарастающее крещендо движется в этом направлении.

— О, Рик, ну сделай что-нибудь! — пожаловался Дитер. — Ты можешь сделать так, чтобы он замолчал, чтобы мы могли собраться с мыслями. Это очень важно!

Отставив бутылочку, Рик попытался отвлечь Стивена от плача, покачав его. Он знал, что из этого ничего не получится, но по крайней мере это должно было продемонстрировать остальным, что он *старается*. Рик молча пытался усилием воли заставить малыша замолчать, но в своих упражнениях по внушению постоянно срывался на молчаливые мольбы и проклятия.

— Укутай его, — сказала Роза. — Он сейчас не в детской, и

температура окружающей среды слишком низкая для него. Найди что-нибудь мягкое, теплое и удобное, а потом снова попробуй покормить его из бутылочки.

Этот поток советов никоим образом не успокоил Рика, а лишь еще больше удручил его. Но он не мог передать Стивена кому-то другому и сказать: «*Сам* успокой маленького хулигана!». Тогда на него действительно выплеснулся бы весь гнев Небес.

Лар сообщил, что у входной двери появился еще кто-то, и Роза спустилась вниз, чтобы впустить второго помощника, которого ждала доктор Джореги. Его звали Лайонел Мергатройд, и его удостоверение личности гласило, что он является сотрудником Министерства Обороны.

— Министерство *Обороны* ! — воскликнул пораженный Дитер. — Это что — Пятая Мировая Война?

— Нет-нет-нет, — заверил их мистер Мергатройд. — Беспокоиться не о чем — абсолютно не о чем. Обыкновенная рутина политики перестраховки. *Пожалуйста*, не давайте воли воображению. Просто в тех случаях, где *замешаны* новые ДНК, особенно, если проявляется это не с лучшей стороны, нам приходится быть чрезвычайно осторожными.

Обитатели дома не успели задать мистеру Мергатройду новых вопросов, так как следователь Морусаки схватил его и утащил в детскую.

— Сейчас нам придется отключить все, — весело заявил Морусаки, собираясь закрыть за собой дверь. — Мы перехватываем управление всеми системами дома за исключением основополагающих процедур, так что вы не сможете звонить по видеофону и запрашивать данные по сети. Возможно, у вас возникнут некоторые небольшие затруднения, пока мы будем проводить тесты, но, пожалуйста, сохраняйте спокойствие.

Дверь детской закрылась за ним, и четверо обитателей дома обменялись беспомощными взглядами. Никто не хотел начинать выяснять, кто виноват в том, что дом, возможно, оказался на передовой новой Чумной Войны. Эта мысль была слишком абсурдна, чтобы уделять ей внимание.

Стивен не прекращал кричать, несмотря на то, что Рiku, последовавшему совету Розы, удалось раздобыть теплую и мягкую сверхшерстяную шаль. Рик безуспешно пытался убедить младенца принять импровизированную соску, но Стивен, судя по всему, хотел вернуться в спокойствие детской и не собирался довольствоваться эрзацем — по крайней мере, не выразив сперва свое возражение. Рик удалился в самый дальний от остальных со-родителей угол в надежде хоть сколько-нибудь уменьшить уровень шума, но это не принесло результата.

— Я знаю одно, — сказал Дитер, возвышая голос. — Чем бы это ни было и каким бы образом оно ни попало в наши системы, это *опасно*. Это потенциальное оружие. И они захотели перед тем, как покончить с ним, сначала приручить его — вот почему они вошли туда под прикрытием включенного на максимум щита.

— Не говори глупостей, — сказала Хлоя. — Если это вещество органическое, оно должно быть правоспиральным. Оно не может причинить вреда ничему живому — *по-настоящему* живому. Оно способно воздействовать только на правоспиральные белки.

— Хлоя, дорогая, — с несвойственной ему язвительностью возразил Дитер. — Полмира живет в домах, построенных из пс-дерева, и носит пс-одежду. Правосторонние компоненты есть в каждой машине, которую производят наши заводы. Вирус, пожирающий пс-материалы, был бы

идеальным гуманным оружием. Он смог бы уничтожить все достояние нации, никого не убивая.

— Ты несешь ахинею, — оборвала его Роза. — Не существует ни одного лс-вируса, уничтожающего все левоспиральные материалы, несмотря на то, что прошло три миллиарда лет лс-эволюции. Ну как может ни с того ни с сего появиться всеразрушающий пс-вирус? И если так случилось, ну почему это впервые проявилось у нас в детской? Рик, ты не мог бы сделать так, чтобы бедный малыш хоть немного помолчал?

Рик прервал равномерный поток убаюкивающих звуков, которые он бормотал на ухо Стивена, для того, чтобы сказать: «Нет». Затем он добавил: «О, *загрязнение* !» — так как к своему недовольству почувствовал, что сверхшерсть подверглась внезапному вторжению чего-то липкого и вонючего.

Он быстро подошел к шахте мусоропровода и надавил локтем на кнопку управления, так как руки у него были заняты бутылкой и спеленутым ребенком. Крышка мусоропровода отказалась повиноваться команде. Рик надавил на кнопку еще раз и еще — но ничего не произошло.

Он обернулся было, собираясь пожаловаться, но увидел, что Роза поглощена чтением пространной, хотя и не профессиональной лекции Дитеру об основах правоспиральной органической химии. Дитер, судя по всему, недовольный тем, что Роза обращается с ним, словно с одним из ее первоклашек, наливался краской. Рик понял, что если он привлечет их внимание к случившемуся, они, вероятно, просто с раздражением укажут ему, что система управления мусоропровода, должно быть, стала жертвой побочных эффектов тестов, которые проводят в детской исследователи.

Дверь на лестницу, ведущую вниз в подвал, была всего в паре футов, и Рик лягнул панель управления, возможно, сильнее, чем было необходимо. Он облегченно вздохнул, когда дверь открылась, и быстро шагнул на узкую лестницу. Рик оглянулся и увидел, прежде чем дверь скользнула на место, что только Хлоя заметила его уход, и у нее на лице отразилось глубокое облегчение от того, что плачущего ребенка удалили из комнаты.

Рик решил, что можно будет выбросить испачканную тряпку в шахту мусоропровода прямо в подвале, и даже если выяснится, что это невозможно, он оставит там эту ужасную штуку, вымоет Стивена и предпримет еще одну попытку убедить его принять бутылочку, не страдая под придиристыми взглядами остальных со-родителей. Преодолев шесть ступеней, за раз по две, Рик пробрался по узкому коридору между сплетением корней к дверце мусоропровода, расположенной в нижней части ствола.

Дверца открылась сразу же, и Рик облегченно вздохнул. Он выбросил сверхшерстяную шаль и лишь после этого понял, что не все в порядке в *самом* мусоропроводе.

Вместо того, чтобы полететь вниз в пустоту до камеры переработки отходов, испачканная тряпка плюхнулась в мутную лужу, поверхность которой находилась всего в двух сантиметрах ниже края отверстия. Из-за пахучей природы пятна на шали Рик не сразу заметил зловоние воды, но когда склонился к отверстию, чтобы присмотреться внимательнее, это обстоятельство стало очевидным во всей своей полноте.

Рик также заметил, что уровень воды медленно поднимается. Судя по всему, дом переживал какие-то неполадки в системе канализации.

Первой мыслью Рика было, что трем исследователям в детской уже известно об этом, так как они подключились к контролю за всеми системами дома, но затем он вспомнил, ведь лар упрямо продолжает настаивать, что в детской все в порядке. Возможно, учитывая заявленную мистером Мергатройдом приверженность философии «лишняя безопасность не помешает», лучше обо всем рассказать им.

Вскарабкавшись наверх к двери в подвал, которая автоматически захлопнулась за ним, Рик надавил коленом на клавишу на панели управления.

Дверь не открылась.

Рик выругался. Перекинув громко протестующего Стивена через плечо, он перехватил бутылку с соской из левой руки в правую и застучал по клавише пальцами.

Дверь оставалась закрытой.

Повернувшись к экрану видеофона у двери, Рик ткнул в его клавиатуру. Как он и ожидал, экран остался темным. Вероятно, люди в детской с какой-то одним им известной целью отключили электричество.

Рик оглянулся на мусоропровод. Его дверца оставалась открытой; уровень воды теперь достиг самого края. Вода начала переливаться. Рик увидел, как плававшую по поверхности шаль увлекло через край, она с шумом плюхнулась на пол, и вокруг нее быстро начала образовываться лужица грязной жидкости.

— *Загрязнение!* — с чувством произнес Рик. — *Загрязнение, коррозия и гнилое совокупление!*

Эти ругательства странным образом показались ему совершенно неэффективными, учитывая их усиливающуюся буквальность.

Рик понимал, что нет совершенно никакого смысла кричать о помощи. Дом спланирован хорошо, и стены и перекрытия слишком надежно заглушают звук.

Рик понял, что попал в ловушку.

Даже несмотря на то, что Рик понимал, что никакого смысла в этом нет, он закричал, призывая на помощь; вреда от этого не будет. И одновременно он попытался придумать что-нибудь, способное принести лучшие результаты.

Стивен откликнулся на это неожиданное соперничество мгновением изумленной тишины, но затем со всей душой вступил в единоборство, увеличив свои усилия быть услышанным. Через несколько секунд он дошел до *той самой* ноты. Ужасающий шум был слишком невыносим, и Рик смолк.

Стивен — нет. Стиснув зубы, Рик попытался отключиться от этих звуков, но крики проникали в самые глубины его сознания.

Поднявшись до верха ведущей из подвала лестницы. Рик ударил в дверь ногой изо всех сил. Никакого результата, и он ударил еще раз, еще с большей силой. Затем, осторожно держа Стивена в вытянутых руках, обрушился на дверь плечом.

Дверь приняла такое грубое обращение со спокойным достоинством, поглотив звук ударов. Эти удары отчасти разрядили недовольство Рика, но он не настолько был мазохистом, чтобы продолжать наносить их до тех пор, пока не причинит себе увечье.

— Заткнись же ты, маленький паршивец, — резко сказал он Стивену.

Никогда прежде Рик не осмеливался обращаться к ребенку в таких

резких выражениях, а теперь решил воспользоваться крошечным преимуществом, которое предоставляет то обстоятельство, что никто его не услышит. Разумеется, Рик в действительности так не думал.

Он опустил взгляд на пол, покрытый тонкой пленкой чего-то ужасного. Пена медленно поднималась вместе с прибывающей водой. Рик минуту-другую наблюдал за тем, как искривленный поверхностным натяжением край воды ползет по стенам корневого комплекса. Он прикинул, что уровень воды растет со скоростью приблизительно сантиметр в минуту, и заметил, что поток, похоже, усиливается. Ноги Рика находились меньше чем в метре над поверхностью воды, и он знал, что рост его лишь немного превосходит полтора метра. Он достаточно неплохо мог осуществить простой арифметический расчет, но не знал, как учесть возможные последствия увеличения потока.

— Заткнись! — тихим, но свирепым голосом сказал Рик Стивену. — Это уже *серьезно*. Если мы в ближайшее время не выберемся отсюда...

Он знал, что скорость по сантиметру в минуту означает, что остается четыре часа: если взглянуть на них беспристрастно, это много времени, но Рик понимал, что это максимальная оценка. Чем скорее нарастает интенсивность потока, тем быстрее четыре часа превратятся в три, затем в два... и этот временной интервал будет к тому же уменьшаться под действием естественного течения времени. Рик оглядел подвал, узкие проходы и тусклое освещение которого всегда заставляли его испытывать легкую клаустрофобию. Он не мог просчитать действительный объем помещения, но нагромождение корней и толстый центральный ствол дома никогда не казались такими массивными.

Стивен, похоже, также безоговорочно убедился в том, что происходит нечто очень плохое. Он, несомненно, вопил так, словно был уверен, что его жизнь в опасности.

— *Пожалуйста*, замолчи, — взмолился Рик, меняя тактику. — Во имя Геи, дай мне *подумать* !

В конце концов, сказал он себе, его просто обязаны будут хватиться. Возможно, Хлоя, Роза и Дитер уже заметили, что его нет, и, может быть, начинают беспокоиться... правда, конечно, они не знают, что подвал затопляется. Несомненно, как только они попытаются открыть дверь, то обнаружат, что ее заклинило, и, конечно же, поймут, что это одно из побочных следствий того, что делает аварийная команда доктора Джореги, но вовсе не обязательно почувствуют, что его уже пора вывозить отсюда. Больше того, возможно, в глубине души они рады, что им больше нет надобности слушать плач Стивена, и несколько не станут торопиться снова попасть под его воздействие. Возможно, сейчас они сидят на верху и *шутят* по поводу того, как не повезло Рiku и по поводу его некомпетентности как родителя.

Рик уселся на верхнюю ступеньку и, озабоченно кусая губу, начал качать Стивена. Тот продолжал плакать, но уже не так громко. Казалось, теперь плач стал не таким раздражающим — больше того, учитывая данные обстоятельства, он даже начал казаться совершенно уместным.

— Ну хорошо, сынок, — сказал Рик, глядя в зажмуренные глаза младенца и предпринимая все усилия для того, чтобы оставаться вежливым, — нам требуется порассуждать обо всем этом логически. Скорее всего, мы выберемся отсюда задолго до того, как этот грязевой поток поднимется до подошв моих туфель, и все же на всякий случай... не сомневайся, только *на всякий случай*... нам следует придумать какой-

нибудь способ привлечь внимание к тому затруднительному положению, в которое мы попали. Возможно, эти три мудреца жутко запутали нервную систему дома, но они не могут сделать ее совершенно бесчувственной. Мы должны разбудить ее. Придется бороться с вредительством с помощью вредительства, но это наше единственное средство.

Рик старался говорить ровным голосом, не столько ради Стивена, сколько для самого себя, ибо себя обмануть был не в состоянии. Он был напуган — по-настоящему напуган.

Какое-то мгновение Рик пытался успокоить себя внезапно осенившей его мыслью, что в центральном резервуаре дома и системе преобразования отходов просто не может быть такого количества воды, чтобы полностью заполнить подвал, но не успел он воспрянуть духом, как уловил в воздухе отчетливый запах стерилизационной жидкости.

— О, *загрязнение!* — воскликнул Рик, чувствуя, как его сердце пропустило одно биение. — Вода прибывает и из бассейна тоже... мы действительно попали в беду.

Стивен по-прежнему продолжал хныкать, но Рик расценил это как выражение согласия. Поднявшись на ноги, он спустился до третьей ступени, затем обернулся, чтобы положить младенца на верхнюю. Вытерев руки о рубашку, Рик осмотрелся в поисках предмета, которым можно было бы воспользоваться, чтобы причинить дому боль — не сильную, но ощутимую.

К несчастью, ящик с инструментом, закрепленный на стене над лестницей, не открывался, все инструменты, которыми можно было бы взломать его, находились внутри. Беспокойство Рика росло, и тошнота, вызываемая смесью зловонных запахов, исходящих от грязной воды, только усиливала его.

— Гниение, — неуверенно произнес Рик.

Больше всего его угнетало не то, что ему придется голыми руками нападать на растущие корни, а то, что для этого предстоит стоять по пояс в непрерывно прибывающей грязной воде. Рик понимал, что он сможет оторвать лишь один из самых тонких корешков, а такие располагаются только у самой земли.

Он оглянулся на Стивена, лежащего на спине словно перевернутый жук, брыкающегося и орущего так, что, казалось, вот-вот лопнет.

— Ну хорошо, — сказал он. — Я иду.

Рик шагнул в темную воду, почувствовав с отвращением, как она затекла в его туфли на мягкой подошве. Он дохлюпал к тому, что показалось ему сплетением подходящих корешков, и смог просунуть указательный палец под тоненький отросток, не толще мизинчика Стивена.

Рик потянул за корешок. Затем рванул вверх изо всех сил, напрягая ноги. Он был совершенно уверен, что корешок порвется, но это ожидание не имело под собой никаких оснований — никогда прежде у Рика не было случая поставить этот эксперимент. Корень оказался гораздо прочнее, чем можно было предположить по его виду, и более эластичным. Он немного растянулся, но не лопнул.

Рик не стал утруждать себя ругательствами. Он просто подsunул под корешок средний палец и собрал все силы, чтобы усилие получилось максимальным.

Рик напрягся.

Боль в пальцах была невыносимой, но он не ослабил усилий до тех

пор, пока не убедился, что скорее у него вырвутся пальцы, чем лопнет корешок. С трудом высвободив пальцы, Рик принялся растирать их, яростно взирая на непокорное волокно. В этот момент грязная вода внезапно хлынула с новой силой, и волна захлестнула корешок.

Рик обнаружил, что стоит по колено в воде, а поток воды быстро превращается в наводнение. И первоначальные четыре часа были безнадежно оптимистичной оценкой. Рик не стал тратить время на вычисления, однако решил, что у него осталось меньше сорока минут.

«Мы утонем! — пришла ему в голову безумная мысль. — Определенно, мы утонем!»

Рику было пятьдесят три года; впереди у него еще девять десятых жизни. Стивену меньше шести месяцев... но несмотря на то, что он по-настоящему любил малыша, Рик не мог избавиться от мысли, что его трагедия неизмеримо больше. Стивен едва начинает ощущать окружающий мир, он не имеет никакого понятия о значимости нависшей над ним угрозы. Для Стивена его настоящее положение не хуже, чем то, когда ему предложили бутылочку с непривычной соской, но для Рика...

Никогда прежде Рик не подвергался смертельной опасности. Никогда прежде он не *чувствовал*, что подвергается смертельной опасности. То обстоятельство, что он находится у себя дома, и вместе с ним единственный ребенок, лицензию на присмотр за которым он получил на ближайшие как минимум двести лет, делало это чувство вдесятеро худшим, чем если бы Рик находился где-то в глуши дикого и пока еще немного опасного мира.

Рик в отчаянии оглянулся вокруг, проклиная прочность и экономичность современных технологий и безукоризненную аккуратность своих со-родителей. Нигде не было ни одного брошенного или забытого предмета, а все, встроенное в системы дома, было сделано на века и не поддавалось вандализму. Рик не увидел ну просто *ничего* такого, чем можно было бы воспользоваться как рычагом или молотком.

Стивен, лежащий на верхней ступеньке, брыкался и завывал. Он снова взял ту жуткую адскую ноту.

«Не паникуй!» — сказал себе Рик, сознавая, что уже слишком поздно; он был уже не в состоянии последовать такому совету.

Это должно быть что-то неживое, наставлял себя Рик, стараясь вопреки всему не терять рассудок. Вся проблема с корешком заключалась в том, что он являлся частью живого организма дома, как и все деревянное — даже лестница. С другой стороны, вся неорганика дома была запрятана глубоко *внутри* живой ткани, кроме...

С трудом вернувшись к лестнице, Рик поднялся наверх. Его взгляд не отрывался от немого и бесполезного экрана рядом с дверью. Дыхание его было отрывистым, сердце бешено колотилось.

Рик не имел понятия, насколько прочным является пластиковый экран, зато с полсотни раз видел по видео, как киногерои расшибали разнообразными предметами ненавистные экраны, поэтому он знал, что это осуществимо, и результатом будут осколки с острыми краями.

Рик также понимал, что ему разбить экран нечем, кроме как своим кулаком, и эти острые осколки ужасно поранят костяшки его пальцев. Но он не собирался ждать в надежде, что в этом не будет необходимости.

Поднявшись на вторую ступень, Рик снова собрался с силами и оперся ладонью левой руки на отказывающуюся открываться дверь. Как можно крепче стиснув кулак, не обращая внимания на боль в двух

поврежденных пальцах, он психологически приготовился к удару, сурово повторяя себе, что просто *обязан* выполнить намеченное, ударить изо всех сил.

Казалось, крики Стивена стали еще громче, и Рик, сконцентрировав все внимание, нанес удар.

Кулак отскочил от экрана.

Шок от соприкосновения послал волну боли от кулака через запястье и дальше до самого плеча, и Рик взвыл от бешенства. Он пространно выругался, больше не утруждая себя общепринятыми иносказаниями. Рик почувствовал, что у него вот-вот брызнут слезы, хотя он не мог определить, боль или ужас довели его до такого состояния.

Однако, как только боль начала утихать, Рик снова начал думать, неистово, иступленно. Он понимал, что его туфли слишком мягкие, и он никак не сможет принять такое положение, чтобы получить возможность нанести по экрану удар босой пяткой. Если бить еще раз, то придется использовать кулак — на этот раз левый — или голову.

Рик не имел понятия, насколько прочен его череп и сколько силы он сможет вложить в удар лбом, однако понимал, что если экран не разобьется, у него будет жутко болеть голова. Он выругал несравненную упругость современных материалов и поразительную изобретательность современных техников. Рик изучил расположенную под экраном клавиатуру, пытаясь определить, нет ли где-нибудь слабого места. Он попробовал засунуть ногти во все щели и углубления, но руки у него были слишком хорошо ухоженные, чтобы это оказало хоть какое-нибудь действие. Он понажимал на клавиши, не слишком сильно, просто на тот случай, если они поддадутся на повышенное давление, но ничего не произошло.

Рик смирился с тем, что ему придется еще раз ударять по экрану. Он мысленно бросил жребий между головой и рукой. Победила рука.

Он переместился на край ступеньки, отодвинув Стивена ближе к стене. Снова собрался с силами, настроился психологически. Затем, словно замороженный, оглянулся на поднимающуюся пелену грязи, которая теперь была ниже него всего на одну ступеньку. Рик решил, что если не разобьет экран в этот раз, то возьмет Стивена на руки и поднимет его как можно выше, оберегая от опасности.

Затем он повернулся к экрану и вперился в него так, словно это было нечто совершенно омерзительное, что требовалось уничтожить. Ему казалось, что вся его нервная система вопит, резонируя той жуткой ноте, воспроизвести которую способен один только Стивен, и которую во всем мире оценить должным образом мог только он.

Он обрушил на экран свой левый кулак, вложив в удар всю до последней крупинки силу, громко взыв от ярости.

Экран разбился, взорвавшись сотней осколков, частью впившихся Раку в лицо. Лишь несколько угодило в Стивена, не причинив ему, однако, никакого вреда.

Странно — по крайней мере, так показалось — успешный удар причинил руке Рика далеко не такую сильную боль, как безрезультатный, но осколки действительно поранили его в десятке мест, и повсюду выступила кровь. Самый большой треугольный осколок остался торчать в корпусе, но Рик без труда вытащил его. Затем он набросился на то, что находилось за экраном. Теперь ему открылись голые провода и печатные платы — множество сложных и уязвимых устройств. Рик резал, рвал,

царапал с веселой одержимостью... но ничего не происходило. Электроника была отключена и не подавала признаков жизни.

Рик с тревогой поймал себя на том, что дрожит. Стремительно нагнувшись вниз, он подхватил Стивена, едва успев до того, как грязная вода коснулась малыша. Затем Рик огляделся, полный отчаяния. Все тонкие корни уже скрылись под водой, но над поверхностью еще оставалось много обнаженного дерева — дерева, которое можно царапать и резать. Но где он должен резать? Где должен царапать?

Рик почувствовал, что больше не может думать, не может рассуждать.

Стивен не переставал кричать, его крохотная рука схватила Рика за ухо. Теперь его плач, похоже, был действительно полон отчаяния, словно младенец каким-то образом почувствовал, что дело приняло по-настоящему плохой оборот, и его беспокойство подпитывало тревогу Рика, удваивая ее.

Рик поднял треугольный осколок высоко над головой, острым углом вверх, и стал отчаянно искать цель. Забыв про осторожность, он прыгнул в зловонную жижу. Его ноги нащупали пол, но он оказался по грудь в воде. Держа Стивена на плече. Рик ударил осколком по сплетению корней чуть выше непрерывно поднимающегося уровня воды.

Зазубренный край оставил царапину, но порез получился неглубокий. Рик заводил осколком взад-вперед как можно быстрее, стараясь углубить пропил. Стивен вопил ему в самое ухо, и звук этот был настолько угрожающе громким и истошным, что наполнил голову Рика, заставив зарыдать от бессилия.

Целых три минуты Рик рубил, пилил и извергал проклятия, прежде чем осознал, что вода не поглотила то место, которое он атаковал, и вообще не поднимается выше.

Поток прекратился, уровень воды стабилизировался.

Рик поразился волне облегчения, захлестнувшей его — внезапному осознанию того, что они, возможно, и не погибнут. Он не представлял, насколько уверовал в то, что обречен.

Отшвырнув затупившийся осколок пластика, Рик схватил Стивена обеими руками и, покачивая, прижал его к груди.

— Все хорошо, сынок! — говорил он, и слезы отчаяния превращались в слезы изумления. — Все будет хорошо!

Истошные вопли Стивена поутихли, словно смысл сказанного дошел до него. Рик, прижав к себе младенца, стал убаюкивать его, и постепенно наступила тишина. Уровень воды не начал падать, но и не поднимался. Наступила стабильность, наступил покой.

Стивен больше не кричал, Рик больше не рыдал.

Еще несколько минут Рик оставался там, где был, не сдвинувшись ни на дюйм. Стивен, уткнувшись лицом ему в плечо, заснул, совершенно не обращая внимания на то, что из десятка ранок на руке, которой Рик поддерживал его крошечную лысую головку, по-прежнему сочилась кровь.

Затем дверь наверху внезапно скользнула в сторону, и голос Розы, полный отвращения, произнес:

— Гниение и коррозия, Рик! Что ты *делаешь* с бедным младенцем!

Доктор Джореги не имела лицензии на лечение людей, но промыла Рiku раны и перебинтовала руку. У нее хватило ума и чуткости не говорить ему о том, каким он был глупцом, и Рик был рад этому. От Розы,

Дитера и Хлои он наслушался достаточно насчет того, что ему следовало знать (что ему не угрожает реальная опасность), что он должен был думать (что самое разумное — это ждать) и что ему следовало делать (ничего).

Сначала Рик был поражен их отношением к себе, его глубоко ранили их обвинения. Однако через некоторое время он понял, никто не имеет ни малейшего представления о том, что он пережил. Он постарался объяснить им, что задним умом все сильны, но там внизу он, к сожалению, не имел возможности воспользоваться этим преимуществом, однако они просто отказались слушать его и даже, похоже, вознамерились взвалить на Рика всю вину за потоп в подвале, просто на том основании, что он находился внизу, когда это произошло.

Рик все еще бурлил от расстройства и раздражения. Он находил совершенно возмутительным то, что никто, казалось, не имеет ни малейшего понятия о том, что он пережил, но теперь он понимал, насколько нелепыми должны были казаться его внешний вид и поведение всем тем, кто не пережил вместе с ним случившееся. Рик даже не пытался объяснить, насколько сильно он был охвачен ужасом, так как этим только выставил бы себя на посмешище. Плохо было уже то, что он запаниковал, когда — как выяснилось впоследствии — в панике не было никакой необходимости, но пытаться объяснить, как и почему он запаниковал — от этого стало бы только хуже.

Выходило, что поскольку Рик не утонул и, следовательно, ему не угрожала реальная опасность, все его страдания оказались напрасными.

Это было ужасно несправедливо, но Рик ничего не мог сказать в свое оправдание.

Мистер Мергатройд был единственным, кто подумал о том, чтобы принести хоть какие-то извинения, но и они оказались далеко не удовлетворительными.

— Случилось совершенно непредвиденное, — уверял он собравшихся, торжественно глядя прямо на Хлою, словно пострадала она, а не Рик. — Бо; ось, так обстоят дела со всеми непредсказуемыми ситуациями. Новые микробы, новые симптомы. Извините, что не избавили вас от хлопот.

— Вы хотите сказать, что установили, причину? — кисло спросил Рик. — Или это по-прежнему огромная тайна?

Мистер Мергатройд открыл было рот, чтобы ответить, но остановился, так как из подвала вышел следователь Морусаки.

— Все в порядке, — сказал агент ВБР. — Уровень воды опускается. Дом сможет разбраться со всем сам — дайте шесть часов, и бассейн снова заполнится. Древесина впитает всю грязь и вернет ее обратно в восстановительный резервуар. С корнями все в порядке — он не успел причинить им настоящего вреда. Разумеется, потребуется новый экран и новый набор печатных плат — к тому времени, как их установят, дом будет в прекрасном состоянии, как новенький.

Рик ощущал на себе давление неодобрительных взглядов, но был полон решимости не чувствовать себя виноватым.

— Как насчет детской? — спросил он человека из министерства.

— Мы идентифицировали виновника, — весело заявил Мергатройд. — Как мы уже говорили, беспокоиться не о чем — совершенно не о чем. Через сорок восемь часов все вернется к нормальному состоянию.

— А пока, — вставила доктор Джореги, — просто как лишняя предосторожность — не пользуйтесь системами детской — с главной

системой все в порядке.

Морусаки, улыбнувшись, кивнул, выражая согласие. В выражении их лиц было что-то такое, что просто бесило Рика. Дело было даже не в том, что они тщательно отказывались говорить, что именно нашли — каждый, казалось, сиял внутренним удовлетворением, наводившим на мысль, что они в высшей степени довольны своим открытием. Рик взглянул на Розу, с неохотой держащую на руках ребенка, и на Дитера; они тоже заметили это.

— Я полагаю, мы имеем право получить объяснение, — раздраженно обратился он к врачу. — А вы как считаете?

Доктор Джореги посмотрела на следователя Морусаки, который, в свою очередь, посмотрел на мистера Мергатройда; тот был в нерешительности.

— Если мы действительно стали мишенью какого-то нового оружия устрашения зеленых, — решительно двинулся в наступление Рик, — полагаю, мы должны обо всем узнать, даже если оно не было направлено специально против нас.

— Нет, ничего *подобного*, — быстро произнес мистер Мергатройд. — Я же говорил, то, что я здесь — чистая формальность. Нет, ничего подобного не произошло — но, видите ли, мы живем в такие интересные времена. Моя служба превратилась в какой-то кошмар — вокруг столько вирусов, органических и неорганических. Нам приходится быть *очень* осторожными. Вам известно, что бактериологические войны не похожи на прежние войны пороха и стали; никто не утруждает себя тем, чтобы объявлять их, и очень трудно обнаружить применяемое оружие.

— Но ведь это не новая чумная война, правда? — решительно спросила Роза.

— Нет, — подтвердил мистер Мергатройд, несомненно, очень довольный этим обстоятельством, — не чумная. Это нечто совершенно иное. Не война, не терроризм... скорее, что-то вроде *сотворения*. Рождения нового вида жизни. Одному небу известно, что смогут извлечь из этого зеленые.

— Вы уверены?.. — начал было Морусаки, но Мергатройд движением руки заставил его умолкнуть.

— Ничего страшного, если мы объясним, — сказал он, тем не менее, не удержавшись от вздоха, показывающего, что он предпочел бы избежать ответа на этот вопрос. — Видите ли, у нас уже имеется несколько сообщений о том, что в результате эволюции появились новые пс-ДНК-вирусы. Возможно, точнее будет сказать «в результате дезэволюции», так как, по нашему мнению, эти пс-ДНК-вирусы появляются как следствие мутации хромосомных фрагментов, выделенных из ядер пс-клеток. Были также выдвинуты предположения, что наши собственные левоспиральные вредные организмы принимают в себя правоспиральные биохимические устройства, превращаясь в одаренных гибридов. Начинается совершенно новый этап эволюции — наши искусственные биотехнологии начинают порождать своих собственных мутантов. Помоему, это очень захватывающе, как вы думаете?

— Но весь смысл создания искусственных организмов на основе пс-ДНК состоит в том, что они неуязвимы перед заболеваниями и гниением, — упрямо возразила Роза. — Если они начали порождать свои собственные болезни, это же *ужасно*.

— Я же говорил, это потенциальное оружие, — с глубоким

удовлетворением произнес Дитер. — Вы хотите сказать, наш дом — *наш дом* — случайно породил вируса-мутанта, способного разрушить половину нашего мира. Вот почему вы так довольны, не так ли? Пусть новая Чумная Война не началась сегодня, но, как вы считаете, вы теперь на шаг вперед в гонке вооружений, правда?

— Разумеется, нет, — сказал мистер Мергатройд. — То, что мы обнаружили, несомненно, является пс-вирусом, судя по всему, возникшим в результате спонтанной мутации, но это не оружие конца света. С одной стороны, это просто первая из множества незначительных неполадок, которые скоро начнут возникать тут и там, повсюду. Сейчас вокруг так много правоспирального материала, что появление новых организмов, питающихся им — это всего-навсего вопрос времени. Эта огромная пустующая экологическая ниша только начинает заполняться.

— Зеленым это не понравится, — сказал Рик, мстительно пытаясь проткнуть благодущие мистера Мергатройда. — Это добавляет новое измерение их тезису об отбивающихся от рук технологиях.

— Напротив, — сказала доктор Джореги, наконец закончившая обрабатывать его боевые шрамы. — Вероятно, они воспримут это как ответный удар Матери Природы, сопротивляющейся нашему стремлению к совершенному порядку. Ваш наиновейший пс-вирус, возможно, станет героем контрреволюции точнее, *контрэволюции*.

Она улыбнулась своей шутке, которая показалась Рику весьма плоской, и никто не рассмеялся ей в ответ.

— Эй, — сказал Дитер, — в этом есть что-нибудь для нас? Я хочу сказать, это ведь наш дом — должны же мы получить права на патент или что там еще!

— Боюсь, нет, — спокойно ответил следователь Морусаки. — Никаких патентных прав на результат спонтанной мутации не может быть — если мутационный процесс не был устроен сознательно.

— Тогда как насчет прав на открытие? — спросил Дитер. — Ведь это мы обнаружили его, не так ли?

«Я обнаружил его, — подумал Рик, — а не *мы*.»

— Вы заметили запахнувшую розу, — сказал мистер Мергатройд. — Едва ли можно сказать, что вы обнаружили невидимого червя, подточившего ее. Эта честь, боюсь, принадлежит доктору Джореги, следователю Морусаки и мне. Но если вам станет от этого легче, знайте, что никто из нас не получит личную выгоду от этого открытия, так как все мы здесь выполняем служебные обязанности. Ваш дом разделит вместе с нами честь быть упомянутым в десятке ссылок в научных журналах и справочниках, но мы не получим за это ни гроша.

— Кроме меня, — с вежливым сожалением произнесла доктор Джореги. — Боюсь, мне все же придется выставить счет за консультацию и лечение — и за замену экрана внизу, если вам угодно, чтобы я занялась этим.

Недовольный взгляд Дитера переместился с мистера Мергатройда на Рика, который просто отвернулся, умышленно отказываясь от каких-либо замечаний.

— Вам не стоит печалиться, — дружелюбно произнес Мергатройд. — Поверьте, лучше всего взглянуть на это с моей позиции. Это примечательный момент в истории жизни на Земле — начало новой эволюционной цепочки — и он впервые проявился у вас в детской.

Это своего рода чудо, счастливый подарок судьбы. Кто может знать,

что со временем сможет развиваться из правоспиральной ДНК, теперь, после того, как сделан ее первый шаг к независимости от творящей человеческой руки? Давайте попробуем подняться выше меркантильных рассуждений и посвятим мысли этому. У вас в детской были неполадки, вам затопило подвал... но в *действительности* сегодня здесь произошло иное. В *действительности* сегодня в мире впервые появилось нечто новое... нечто *по-настоящему новое и живое*.

Рик по-прежнему был зол на всех, и у него по-прежнему адски болели руки, но внезапно он понял, к чему клонит Мергатройд, и понял, что тот прав. На молекулярном уровне действительно произошло нечто важное... нечто гораздо более значительное, чем порезанная рука или приступ паники, может быть, слишком глупый, чтобы быть выраженным словами, а может быть, и нет.

Чудо. Счастливый удар судьбы.

— Где это сейчас? — успокоившись, спросил он. — Если вы собираетесь лечить дом, то как вы намерены сохранить вирус?

Мистер Мергатройд открыл портфель и достал полиэтиленовый пакет — возможно, один из нескольких, которые он хранил там. В запечатанном пакете находилась одна из роз, срезанная со стены в детской. Она еще не казалась больной.

Все несколько мгновений не отрывали от нее глаз — все семеро.

Затем мистер Мергатройд убрал розу в портфель, закрыл его и направился к двери. Она отворилась перед ним, как показалось Рiku, с трусливой подобострастностью. Врач и сотрудник ВБР вышли следом.

Когда все ушли, Роза подошла к Рiku и положила Стивена ему на колени.

— Ну что, — сказала она, — вот и все. Через пять минут у меня начинается консультация.

— О, гниение, — воскликнула Хлоя. — Я должна была быть в роботобуре еще двадцать минут назад.

Дитера уже не было; он исчез словно по волшебству.

Рик с облегчением вздохнул, оставшись один. Они даже не начали понимать, что он пережил, и это обесценивало успокаивающее действие их присутствия. Хотя Рiku по-прежнему хотелось, чтобы его кто-то слушал, кто-то ему сочувствовал, он понимал, что никто из обитателей дома не способен выполнить эту функцию.

Стивен, открыв глаза, на мгновение встретился взглядом с Риком и начал плакать.

Рик посмотрел на малыша, и у него защемило сердце. «Сорок восемь часов,» — подумал он, вспоминая, что сказали посетители. Пройдет еще сорок восемь часов, прежде чем детская станет безопасной для дальнейшего использования. А до тех пор...

Рик встал и направился на кухню за бутылочкой и соской. Разумеется, от этого отдавало двадцать первым веком, но Рик решил, что, если немного повезет, у него все получится, учитывая, что Стивен достаточно проголодался.

Так и вышло. Выплюнув соску один раз, Стивен затем пошел на компромисс и начал сосать. Наступила тишина.

Рик погладил малышу головку рукой, которую врач обработала и закрыла синтетической кожей. Ощущение было странное.

— Знаешь, там, внизу, мы действительно были в беде, — ровным

голосом произнес он. — Теперь, когда все закончилось хорошо, никому ни до чего нет дела. Я пытался спасти наши жизни, потому что у меня были все основания полагать, что им угрожает опасность.

Стивен не удостоил его и взглядом, но это не имело значения.

— Ты-то понимаешь? — продолжал Рик. — Ты был там, и ты вопил еще громче меня. Ты понимал, что нам угрожает. Ты понимал, что и зачем я делаю. Это наша тайна, малыш — твоя и моя. *Мы понимаем.*

Рик заговорил это только для того, чтобы сказать что-то, но, произнося эти слова, начал сознавать, насколько они верны — по крайней мере, *близки* к тому, чтобы быть верными.

Он находился в подвале не один, он запаниковал не только из-за себя. Он боялся и за Стивена. Он был *прав*, что боялся за Стивена, что запаниковал из-за Стивена, что дошел до предела... ради Стивена. Что бы ни думали о нем его со-родители, он сделал то, что должен был сделать, и ему не нужно ни перед кем оправдываться.

Выплюнув соску, Стивен изготавился к плачу, который неизбежно перейдет в завывание, которое перейдет в...

Встав, Рик понес младенца и соску в детскую в надежде на то, что знакомое окружение успокоит Стивена. С десятков роз было срезано и убрано, но сотни оставались, и ни одна из них не казалась больной.

— Посмотри, — зашептал Рик на ухо малышу. — Посмотри на эти прекрасные розы. Все будет хорошо.

Он попытался засунуть соску назад в рот младенцу, но Стивен сопротивлялся. Он теперь плакал, снова подбираясь к той ужасной ноте.

— В конце концов, — упрямо продолжал Рик, — Мергатройд действительно был прав, не так ли? Нам просто нужно перестать рассматривать случившееся как катастрофу и начать думать о нем как о начале, правда? Здесь сегодня произошло чудо, и мы с тобой явились его свидетелями. Мы должны быть благодарны за это. Мы и благодарны. Ведь правда?

И снова Рик сказал это для того, чтобы сказать что-то, и снова осознал, что это правда. Когда Стивен начал вопить, и его крик пронзил Рика в самое сердце, он вдруг почувствовал, что этот звук никогда не мог бы задевать его и не задевал бы так, если бы между ними не существовала какая-то особая связь, какая-то необъяснимая, единственная в своем роде гармония. Если только взглянуть на происшедшее трезво, у истоков его окажется не какой-то зловещий червь, гложащий душу Рика, а подтверждение того обстоятельства, что они с сыном что-то значат друг для друга... что между ними существует взаимопонимание.

Рик вставил импровизированную соску в рот младенцу, мягко, но настойчиво преодолевая его сопротивление.

— Не торопись, — успокаивающе произнес он. — Не торопись. Спешить некуда. Все время мира перед нами, сколько ни потребуется... все время мира.

И он огляделся вокруг, посмотрел на прекрасные розы — все яркие розы, которые, при заботливом уходе, если повезет, будут цвести столетия.

Линда Нагата Старая мать²

Первый роман Линды Нагаты, «Создатель Бора», появился на прилавках книжных магазинов в Америке в 1993 году. Его действие развивается в том же мире, что и рассказ Линды «Освободительница», опубликованный в № 3 «Сверхновой» за 1994 год. Второй роман Нагаты, «ТехноРай», вышел в декабре 1996 года в издательстве «Бэнтем».

Действие рассказа «Старая Мать» разворачивается недалеко от дома писательницы, в округе Куда на Мауи. «Плантации хурмы и облачные небеса реальны, — пишет она, — хотя змеи (пока что) из области вымышленного. К несчастью, люди постоянно пытаются нелегально провезти на Гавайи „домашних“ рептилий, и я не удивлюсь, если за следующие сто лет на островах возникнет внушительная популяция змей».

Оставляя позади яркий искрящийся след, с первыми мгновениями Нового Года небо усеяло множество шутих и петард, раскативших по прибрежному павильону оглушительный грохот канонады. Облака соленых брызг, вздымаемые ударами огромных океанских валов, наполнились едким запахом пороха. Прибоем аккомпанировали гонги и барабаны, заставлявшие танцевать льва. Этот лев не был обычным животным — пятнадцати футов от носа до кончика хвоста, с переливавшейся белым, красным и золотым шкурой из гибкого нейропластика. Большие зеленые глаза поблескивали из-под тяжелых ресниц, гигантские челюсти разверзались и захлопывались — их обладатель хватал очередного невидимого толпе демона. Смеясь, Эша пригнулась и оступилась, когда лев пронесся мимо. Клэй подхватил ее и с улыбкой помог встать на ноги. Барабанный бой вторил ритму сердца и стучал в висках девушки, заглушая сомнения. Радостный возглас Эши слился с сотней других, когда лев встал на задние лапы и прозвучал мощный рык, обращенный к звездам, которые мерцали над головой.

Звезды, звезды. Долгими ночами они дразнили девушку, неясно поблескивая в таинственной дали. Никогда не путайте звезды с планетами. Планеты яркие, близки и слишком понятны. Но звезды... никто еще не осмеливался посягнуть на них. Скоро все переменится. Завтра в это время Эша должна уже будет направляться к «Дракону» — почти живому биометаллическому кораблю, который вращивали на орбите целых пять лет. Теперь он был готов.

— Время подношения! — прокричал Клэй сквозь грохот прибоя и барабанов. «Фермер всегда знает, когда чего следует делать», — подумала Эша. Даже с наступлением нового столетия не повредит уважить богов в расчете на удачу.

Кивнув, девушка запустила руку в карман юбки. Множество маленьких листочков золотой фольги, поднятых в нетерпении над головами, уже блестело в свете факелов. Эша добавила и свою блестку. Сильная рука Клэя оплела ее правую руку. На удачу, на счастье. Эша

улыбнулась и прижалась к юноше, ощущая силу земли в его теле. Напряженные мускулы Клэя напомнили ей цепкие корни фруктовых деревьев, которые он возделывал на ферме своей бабушки. На мгновение в глазах Эши, словно отблеск далекой звезды в разбитом стекле, отразился страх. Но она решительно отмела это чувство прочь. Его время придет завтра. Этой ночью лишь танец под ритмичный бой барабанов.

Лев обрабатывал уже противоположный край толпы. За музыкантами Эше был виден его «кукловод», который по видеодисплею павильона направлял танец льва с помощью программы избежания столкновений. А рядом его напарница — бабушка Клэя, Электра, — смуглая и грузная художница в ниспадающем до пят голубом платье, использовавшая магическую краску и свое лукавое мастерство, чтобы создавать иллюзию жизни в неживом. Вблизи Электры реальность становилась зыбкой. Любой неодушевленный предмет мог вдруг пробудиться в новой, живой оболочке. Ничего устойчивого. Абсолютно ни на что нельзя положиться. Она воспитала Клэя в мире, где мечты неразделимо сплетались с явью, как во сне.

Эша пристально разглядывала широкое, темнокожее лицо Электры, чьи черные глаза были способны излучать ярость, несмотря на улыбку на губах. Клэй был всего лишь сгустком зародышевой ткани, когда бабушка приняла его в себя. Она взрастила ребенка в своем чреве, выкормила грудью, наполнила своим первобытным виденьем земли как богини-матери, и они были счастливы — пока не появилась Эша.

Электра, казалось, почувствовала взгляд Эши. Она медленно обернулась; глаза ее сияли победным огнем. Внезапно прямо перед Эшей выросла пьяная туристка, светлые волосы которой разметались во все стороны, подчиняясь кружению новогоднего танца. Эша через плечо взглянула на Клэя. Он понял это по своему и поцеловал ее, уколов своими жесткими черными усами губы девушки.

— Вам двоим пора бы пожениться!

Эша оглянулась и удивилась, увидев перед собой слегка покачивающуюся блондинку-туристку. Женщина с улыбкой сняла со своей шеи венок, сплетенный из листьев хэлы. Затем она быстро обвила им протянутые вверх руки Клэя и Эши, крепко стянув их вместе.

— Сделайте подношение льву, — посоветовала она. — И не снимайте венок, пока он сам не упадет. Тогда ваш брак будет добрым и долгим. Могу поручиться! Я — ведьма с гарантией!

Она унеслась прочь благословлять кого-нибудь еще, а друзья Эши и Клэя стоявшие вокруг, рассмеялись.

— Тебе и вправду придется выйти за него теперь, Эша!

— Давай, Клэй!

— Сделайте все по-настоящему! Зарегистрируйте ваш союз в общественной сети.

«Давайте, давайте, давайте» — несло со всех сторон. Тут к молодым ринулся лев. Люди с криками расступались. Огромный зверь взмывал над протянутыми руками, поглощая золотую фольгу листок за листком.

— Покорми его, — подсказал Клэй на ухо Эше.

Вместе они протянули свое подношение. На мгновение взгляд Эши, словно пораженный чудесным видением, задержался на оплетенных венком руках. Лежавшая сверху рука Клэя дрожала.

Внезапно разноцветные языки пламени вспыхнули над головой. Это занялись бумажные фонарики. Лев рыкнул в испуге и отпрянул, а Эша

инстинктивно пригнулась, увлекая за собой Клэя. Через мгновение огонь перекинулся на протянутую через павильон веревку, на которой висели фонарики. Та упала на бетонный пол короткими, в полметра кусками, которые начали извиваться, мерцая и шипя, раздвоенные языки жадно ловили аромат обуявшего всех страха. Эша узнала копьевидные головы и покрытые щитками хвосты ядовитых гадюк, змей, давно вырубивших себе нишу в нарушенной экосистеме острова. Толпа, пожираемая их взглядами, подалась назад. На мгновение гробовая тишина объяла павильон, разъяренные гадюки распрямляли свои кольца, готовясь к нападению. Но они выжидали слишком долго. Лев пришел в себя. Он ринулся на строй смертоносных тварей, стремясь раздавить их своими громадными, тяжелыми лапами. Змеи, казалось, почувствовали опасность и развернулись, пытаясь ускользнуть, но — поздно. Лев настиг и поразил их. Одна за другой взрывались они лиловым пламенем под его безжалостными лапами, и каждый взрыв сопровождался бурными возгласами одобрения толпы. Эша чуть не сорвала голос, приветствуя сокрушение демонов, наслала которых, судя по всему, Электра.

— Лев! — крикнул Клэй, напоминая Эше, зачем они здесь.

И внезапно зверь оказался рядом.

Клэй с Эшей вскинули свои связанные руки с подношением и челюсти льва распахнулись, словно огромные ворота. Красный язык вывалился наружу. Лев схватил фольгу, захлопнув пасть в каком-то миллиметре от пальцев. Приношение исчезло. Лев моргнул своими блестящими зелеными глазами и помчался дальше.

Эша прильнула к Клэю с улыбкой на губах и восторгом в сердце. На другой стороне павильона лицо Электры так исказилось, что по сравнению с ним морды ядовитых гадюк могли показаться милыми.

— Теперь вам не отвертеться, — на полном серьезе произнес Стюарт. — Я об этой колдунье кое-что слышал. К ней ходят многие знаменитости. Говорят, она дает добрые советы.

Как и Эша, Стюарт был Исцелен, но на Мауи он не пробыл еще и полугода.

— Давайте, — поддакнул Кемми, еще один Исцеленный, проводивший свой последний месяц на острове перед отъездом в Небесные Города. — Зарегистрируйте брак. Вы же именно этого хотите.

— У нас ничего не выйдет, — мягко ответила Эша.

Она искоса взглянула на К... Неисцеленного фермера, приросшего к своей земле. Тот не промолвил ни слова с тех пор, как они сделали приношение льву. Клэй сидел на скамейке, остановив взгляд на скрепленных узами руках. Его не отпускала тайная тревога.

Эйфория танца покинула и Эшу, оставив внутри лишь пустоту страха перед реальностью приближавшегося утра. Девушка закусил губу.

— Но как же? Завтра — нет, уже сегодня, — сегодня наш последний день вместе.

Клэй вздрогнул. Но Атланта рассмеялась.

— Что, завтра? Оно может и не наступить.

— Тебе что, — прошептала Эша, зная, что за шумом прибоя никто не расслышит.

Атланта была Неисцеленной. Для нее время более зыбко. Она жила рядом с пляжами Макины с семи лет и никуда отсюда не двинется, пока не исчерпает запас всех своих «завтра» и не умрет от старости.

Исцеленные заключили со временем другую сделку. Они купили молодость. Недорого. Лишь за родную землю, за отчий дом. За то, что связывало с Матерью Землей. Цена высчитывалась по скользящей шкале. *Мы никому не откажем.*

Молодость и роскошные апартаменты в одном из Небесных Городов. Довольно честная сделка, подумала Эша. У Старой Матери не было места для толп Исцеленных, решивших жить вечно. Эша была рада, что им позволялось раз в десять лет проводить по году в родной колыбели. Но ее визит подошел к концу. Наступил Новый Год. Каникулы кончились. Время уезжать — без Клэя. Эша выбрала полет на «Драконе», и если ей суждено когда-либо вернуться домой, то Клэй уже не будет в живых.

Она глубоко вздохнула. Полюбить мужчину, отказавшегося принять Исцеление, приросшего к земле словно дерева на ферме его бабушки, — полное безумие, но так случилось. Завтра все будет кончено.

Хор голосов вокруг вновь завелся: «Давайте, давайте, давайте.» Хорошенькие друзья, надо же так привязаться, прямо всю душу вытянули. «Давайте, давайте, давайте.» Им бы только историю поромантичней, чтобы потом рассказывать всем подряд.

Клэй по-прежнему молчал.

Эша почувствовала, что ее тянут за локоть.

— Давай! На углу стоит терминал для общественного пользования.

Обрученных потащили к компьютеру. Клэй не противился. А Эша и не хотела сопротивляться. К тому времени, как они подошли к терминалу, кто-то уже успел вызвать из сети брачный договор и заполнить бланки их личными данными.

— Осталось только подпись поставить! — Стюарт сунул компьютерное стило в руку Эши.

Девушка взяла перо и, приоткрыв рот, принялась читать строки на экране. Нет, они не имели права совершать это. Эша знала, что так нельзя. Брак не должен длиться всего один день.

Тогда Клэй выхватил у нее стило и расписался. Мгновение он озадаченно смотрел на свою подпись. Затем юноша перевел взгляд полный ожидания на свою возлюбленную. Да, они совершают ошибку. Но предать эти глаза Эша была не в силах. Взяв стило, невеста поставила подпись. Компьютер загрузил подписанный контракт в сеть общественного доступа. Экран на мгновение померк. Затем появилось новое сообщение: *Поздравляем дорогих новобрачных!*

Утро застало их в комнате Клэя в доме его бабушки. Долгим летом и осенью Эша просыпалась здесь почти каждое утро, обстановка была уютной и знакомой. Снаружи, так высоко на склоне древнего вулкана, воздух прохладен и свеж. А в комнате Клэя тепло и хорошо.

Клэй все еще спал. Но он, наверное, просыпался раньше: кто-то уже приказал занавескам открыться и впустил внутрь ослепительно яркие лучи утреннего солнца, взобравшегося на гребень горы. Эша потянулась, моргая от солнечного света. В нескольких метрах за окном простирался сад хурмы, усыпанный золотыми плодами. Он покрывал склоны, на которых располагалась старая ферма, почти до половины. Узловатые ветви деревьев, сбросившие на зиму листья, опирались на подпорки.

Эша приподняла голову. Взъерошенной гривой волосы, пропахшие дымом петард, ниспадали на ее смуглые плечи. Она улыбнулась Клэю, лежавшему на спине, обняв оплетенной венком рукой подушку.

Заниматься любовью в этих узах было интересно. Вот только туалетом пользоваться не очень удобно. Но Эша подумала, что они возместят эти трудности в душе. Она тихонько засмеялась и потерлась носом о грудь Клэя, чтобы разбудить его.

— Клэй?

Юноша приоткрыл глаза, потом вновь сомкнул их. Затем закрыл лицо рукой. И рывком сел, широко улыбаясь. Клэй потрогал венок и посмотрел на Эшу.

— Это и вправду был не сон.

Она слегка кивнула, не желая заглядывать вдаль, за пределы этого момента блаженства. Клэй наклонился и поцеловал ее. Солнце прижало возлюбленных друг к другу с огненной силой, словно желая растопить и слить воедино их тела. Но через пару минут Клэй отстранился от Эши. Он со вздохом откинулся на подушку, полуприкрыв глаза:

— Как же я люблю солнце.

Поднеся к глазам руку, молодой фермер стал вглядываться в венок из листьев хэлы. Внезапно улыбка исчезла с его лица.

— Дому не знаком твой голос. Как же ты открыла занавеси?

— Я не открывала. Думала, это ты.

Внезапно глаза Клэя наполнились страхом. Напуганная, Эша тоже посмотрела на венок из хэлы. И тут он, казалось, зашевелился. Затем вдруг как бы выцвел. Венок стал грязносерым с черными полосками. Порос чешуей. На крохотной заостренной голове заблестели злые глазки. Гадючка дважды обернулась вокруг запястий молодых, закусив собственный костистый хвост острыми, как иголки зубами.

Эша судорожно вздохнула и отдернула руку от ненавистной твари. Змея распалась. Она разлетелась по кровати сухими кусочками листьев хэлы.

Узы разорваны.

Эша, часто и прерывисто дыша, сжалась, словно кошка, у спинки кровати. Клэй оказался на полу, его левая рука была все еще протянута к потерянному счастью. Испуг в его глазах перерос в ярость. Вскочив на ноги, он закричал:

— *Бабушка!*

— Клэй...

Он обернул к Эше искаженное лицо.

— Это Бабушка.

Эша медленно кивнула головой. Да, эта матрона уже развернулась в полную мощь вчера ночью.

— Все из-за света. Она, должно быть, нанесла субстрат, пока мы спали, а свет активировал программу.

Словно объяснив увиденное, она могла заставить его перестать быть реальным.

— Вы двое не имели права жениться.

Эша вздрогнула, услышав эти внезапные слова. Бабушка Клэя стояла в дверях. Обернувшись простыней, Эша соскользнула с кровати. Электра была женщиной высокой и волевой: Неисцеленная — но не сломленная ни годами, ни разочарованиями. Ее густые седые волосы были зачесаны назад и заплетены ниткой раковин каури, подчеркивая весь царственный облик колдуньи. Всю жизнь Электра провела на *ферме*, на ее глазах все друзья и родственники, поддавшись страху или сомнениям, покинули родной дом, чтобы принять Исцеление. Что наложило неистребимую

печать горечи, подобную стойкому вкусу лечебного чая из трав. Электра смогла выдержать все благодаря чувству неотторжимости от этих мест, и уверенность в том, что она живет не сама по себе, а проникнув сознанием в родную землю и пропустив ее сознание в себя, помогла создать союз, который не выдержал бы расставания и не мог быть подменен даже бессмертием, обещанным Исцеленным. Теперь Бабушка сверлила Эшу взглядом.

— Воровка, — произнесла она голосом полным тайной угрозы. — Ты пришла сюда, воспользовалась моим гостеприимством, желая лишь похитить мое наследие.

Колдунья обратила свой гнев на Клэя.

— А ты. Что ты хотел показать этим браком? Ты хочешь уйти отсюда? Получить Исцеление и оставить меня и эту ферму? Ты последний остался, Клэй. Последний. Все мои дети предали меня и эту землю, что вскормила их. Ты тоже хочешь уйти?

Под ее словами Клэй сжался, как жестяная банка в сильной руке.

— Все не так, Бабушка. Ты знаешь, я никогда не покину тебя, — он тревожно взглянул на Эшу. — Она теперь жена мне и может остаться со мной до самой смерти. Разве не так, Эша?

Эша приоткрыла рот. На глаза наворачивались слезы.

Электра лишь глянула на лицо девушки и с отвращением поморщилась.

— Не останется она с тобой. Только посмотри на нее. Еще до заката она покинет тебя и никогда больше не ступит на эту землю. — Бабушка топнула мощной ногой и развернулась, чтобы уйти. — Ты принадлежишь этой земле, Клэй, — бросила она через плечо. — Здесь твоя жизнь.

Эша, словно замороженная, слушала как стучали босые пятки Электры, которая удалялась по огромному коридору распластавшегося по земле одноэтажного дома. Когда шаги стихли, девушка обернулась к Клэю.

— Нам надо поговорить...

Ее слова, похоже, вывели фермера из транса.

— Я не желаю с тобой разговаривать! — закричал он на свою молодую жену.

Схватив бьюки со спинки кресла, он натянул их; плотная ткань обхватила его бедра, как вторая кожа.

— Клэй!..

Просунув голову в старый, изношенный свитер, он прорычал сквозь зубы:

— Одевайся и убирайся. Уходи сейчас же, я не хочу тебя больше видеть.

Клэй резко распахнул дверь спальни, выходившую в сад, и вбил ноги в ботинки, ждавшие его снаружи на пороге.

— Постой, Клэй! — взмолилась Эша.

Но с тем же успехом можно было умолять ветер. Клэй прыгнул с порога и побежал через сад, вспугнув стаю голубей с заиндевевшей травы кикуйу из-под обнаженных деревьев.

Эша нашла мужа почти часом позже на самом дальнем, верхнем краю сада. Он сидел, прислонившись к дереву, в руке бессильно повисли садовые ножницы. Клэй созерцал простиравшийся внизу вид: за домом и садом, спускавшимися террасами, в трех с половиной тысячах футах ниже

уходил в бесконечность перешеек Мауи, и еще дальше к западу — горы и синяя даль моря. Это великолепное, умиротворяющее зрелище, всегда внушало Эше чувство глубокого благоговения. *И все же я улетаю.* В этот момент ее намерение казалось лишенным смысла. Во всей Вселенной не найти лучше дома, чем здесь, рядом с Клэем. И тем не менее решимость покинуть родную планету не оставляла девушку. В этом раю обнаруживалось врожденное беспокойство ее натуры: род безумия.

Клэй даже не поднял глаз ей навстречу. Эша пригнулась, чтобы пройти среди подпорок, поддерживавших узловатые ветви, и уселась рядом с мужем. Сияющий рассвет сменился пасмурным днем. Тяжелые тучи прижались к верхушке склона старого вулкана, белые, серые, набрякшие тьмой, они нависли над головой, и ферма, находившаяся чуть ниже середины склона, казалось примостилась под самой крышей мира.

Эша любила эти места. Девушка родилась меньше чем в пяти милях отсюда и провела большую часть детства на склонах вулкана. Но, когда ей исполнилось одиннадцать, родители, принявшие Исцеление, забрали ее с собой в Небесные Города. Год назад Эша получила специальное разрешение, чтобы провести на Земле свои последние дни перед отлетом «Дракона». Она могла побывать в любой точке планеты, но предпочла эту гору. Тут ее дом, осознала она со всей отчетливостью. И так будет всегда. А теперь это чувство острее, чем когда-либо.

Посмотрев на Клэя, Эша ощутила, что сердце заколотилось еще чаще, не успев успокоиться после быстрого подъема.

— Твоя бабушка права, — начала она. — Я — воровка. Ты мне и вправду нужен. Еще не поздно передумать. На «Драконе» найдется место и для тебя. Знаешь, я даже об этом позаботилась.

Он мрачно смотрел вниз, не отвечая. Эша в отчаянии стиснула кулаки. Разве он не понимал раньше, что ей придется улететь еще до заката? Почему же Неисцеленные так беспечны со временем? Эша смахнула слой старых листьев, зарылась пальцами в землю, и поднесла горсть к липу мужа.

— Посмотри, Клэй, — она схватила его руку и пересыпала сырую землю ему в ладонь. — Вот за что ты страдаешь. Грязь. Почва. Земля. Тебя даже называли ее именем!³

Он зажал в кулаке плодородную черную землю. И тут, наконец, повернулся к Эше.

— Я — простой фермер, Эша. Мое место здесь. Как же ты не можешь понять?

Девушка перевела взгляд на низкие тучи. Она чувствовала на себе их холодное, влажное дыхание, которое никак не могло остудить злобы в ее сердце. Эша выбила землю из ладони Клэя.

— Хоть бы вулкан проснулся и извергся на эту проклятую ферму. Может, тогда бы ты стал свободен.

Клэй вытер ладонь о штанину и взял Эшу за руку.

— Ты сама пришла ко мне. Я не искал тебя. Ты явилась сюда, в мой дом, и заставила полюбить тебя. А теперь хочешь изменить меня, отобрать все, что мне дорого. Но почему я должен меняться ради тебя? Приняв Исцеление, ты будешь жить теперь вечно. Так ли сложно остаться здесь всего на один мой век и проводить меня в последний путь?

Эша чувствовала теплоту его огрубевшей руки. Девушка представила, как рука эта станет терять силу и становиться мозолистой, повиная течению лет. Каково будет оставаться рядом с этим человеком до конца его дней? Смотреть, как он стареет, слабеет и оставаться при этом вечно юной, как звезды... Эша вздрогнула осознав, что не выдержит такого испытания, что будет каждый день просить Клэя принять Исцеление, пока их любовь не превратится в ненависть. «Дракон» улетит без нее, но Клэя она все равно не получит.

— Пойдем со мной, — сказал вдруг Клэй.

Эша кивнула. Они выбрались из-под деревьев и пошли, держась за руки, за верхнюю границу сада. Девушка приостановилась у каменной гряды на краю леса. Там отчетливо различались следы двух наложившихся друг на друга потоков лавы и слоя пепла. Сколов в нескольких местах серые наслоения лавы, Клэй покрыл черную поверхность камня резными сценами из жизни фермы: посадка семян, первые всходы, постоянная борьба с птицами и насекомыми, сбор урожая, оголенные ветви деревьев зимой и дети, играющие меж них. Эта сцена, правда, являлась чистым плодом воображения Клэя. Он был последним ребенком, выросшим на этой ферме. Полная грусти, Эша прикоснулась к резным фигуркам. Мастерство Клэя поразило ее. А его упорство доводило до отчаянья. Клэй никогда бы не стал обрабатывать свободный камень. Он творил лишь на поверхности горы, чтобы его работа никогда не покинула этой земли.

Возможно, глупо было пытаться раскачать его; может, именно за упорство она и любила Клэя. В этом постоянстве была неотразимая притягательность: жизнь впереди расстилалась ровно и предсказуемо до самого конца.

Клэй нетерпеливо потянул Эшу за собой. Они здесь вовсе не за тем, чтобы рассматривать его шедевры. Они пробирались через заросли по тонкому ковру опавшей листвы и стручков черной акации, хрустевших под ногами. Свет едва пробивался сквозь густые кроны. Стволы деревьев поскрипывали под мощными порывами ветра.

— Если я приму Исцеление, то должен буду покинуть эту землю, — сказал Клэй. — Даже чтобы приезжать сюда хотя бы раз в десять лет, придется получать специальное разрешение. Да и ферма эта моей уже не будет. Ты можешь представить меня жителем Небесного Города?

Эша попыталась, но образ как-то не складывался в ее воображении.

— Нет, — призналась она. — Но мы не будем жить там. Нас ждет иной мир, Клэй, где никто еще не бывал...

— Он так же прекрасен, как этот? — спросил Клэй. — Пять поколений моих предков жили здесь...

В гневном порыве Эша выдернула свою руку.

— Они все уехали! — взорвалась она. — Все, кроме тебя и твоей бабушки. Даже твои родители бежали, бросив тебя здесь. Еще до того, как ты родился. За свою свободу они заплатили тобой. И отдали бабушке в утешение, покинув ее ради Исцеления. Ты когда-нибудь видел свою мать? Хоть что-то слышал о ней? А где ты найдешь себе жену? Кроме нескольких влекомых воспоминаниями туристов, вроде меня, на острове почти никого нет! Какой смысл оставаться здесь? Состариться без детей? Стать последним биением в ритме смены поколений, который оборвется с твоей смертью?

Глаза Клэя вспыхнули.

— Здесь еще остались *семьи*; есть женщины, которые верят в старые обычаи. Атланта, к примеру.

— Тогда что же ты здесь, со мной?

Его гнев поутих. Слабо улыбнувшись, Клэй беспомощно пожал плечами.

— Что же остается делать простому смертному, когда жестокая рука небесной богини похитила его сердце?

— Ты сам жесток, — возмутилась Эша. — Никогда я не брала у тебя ничего, кроме того, что ты отдавал по своей воле.

Клэй пожал плечами, будто это не имело значения.

— Пошли, я хочу тебе кое-что показать.

Девушка и юноша подошли к краю крутого оврага, одного из тех, что, как многочисленные морщины, пересекали лик горы. Клэй шел вниз по узкой, верно, козьей, тропке, огибавшей отвесные уступы и осыпи. Если поблизости и были змеи, то шум должен был распугать их.

Больше наскальной резьбы Эша не заметила, хотя вокруг было достаточно материала для обработки. Внизу плясали стрекозы над стоячими лужами, оставшимися после ливня.

Клэй начал взбираться на противоположную сторону. Эша смотрела на него в страхе.

— Клэй, ты же не собираешься...

Весь противоположный уступ был покрыт зарослями ежевики. Девушке совсем не хотелось лезть в эту колючую чащу, тем более рисковать наткнуться на довольно неприятных тварей, несомненно, обитавших там.

— Здесь недалеко, — бросил Клэй, оглянувшись. — Я тут дорожку прорубил.

«Дорожка» была едва ли шире кроличьей тропки. Приходилось карабкаться на четвереньках, а ежевика все равно цеплялась за свитер и путалась в волосах. Когда шип вонзился ей в ладонь, Эша чертыхнулась, но продолжала продираться вперед, пока не добралась до Клэя, сидевшего на корточках перед входом в пещеру, черневшим на обрывистом склоне. Стоило девушке поравняться с ним, как Клэй развернулся и, не сказав ни слова, нырнул в темноту, с усилием протиснув через узкий проход плечи.

— Клэй! — крикнула Эша ему вслед.

Девушка помедлила, она не любила тесноту и темноту. И в первый раз с момента их встречи она испугалась намерений своего любимого. Она прислушалась к траурному завыванию ветра в ветвях, сердитому жужжанию шершня. Снова ругнувшись, Эша последовала за Клэем.

Расщелина была очень узка. Эша могла протискиваться только на животе, и то с трудом. Клэй, наверно, заползал на боку. Девушка продвинулась футов на десять и уперлась в стену. Здесь царил абсолютный мрак. Эша начала искать выход, пока не нащупала небольшой лаз внизу справа. Руки дрожали, дыхание участилось. Клэя слышно не было. Развернуться вряд ли получится. Сколько же потребуется времени, чтобы выползти обратно? Эша чуть повернулась на бок и протиснулась в новый лаз.

Этот проход был еще теснее первого. Ледяная вода капала девушке за шиворот. Тоненькие корешки путались в волосах. Слезы отчаянья навернулись на глаза, но Эша все продвигалась вперед по этой круто

спускавшейся вниз расщелине. Внезапно границы тьмы вокруг словно раздвинулись. Тут можно было поднять голову, ощутить движение холодного, сырого и застоявшегося воздуха. Она осторожно пошарила вокруг, но не нашла стен, кроме той, что осталась позади.

— Клэй? — прошептала она.

— Я здесь, — донесся сквозь мрак его звучный живой голос.

Блеснул огонек, и Эша смогла различить Клэя на другой стороне пещеры. Он устроился в каменной нише посередине стены, с фонариком в руке, словно икона в иконостасе.

Пещера была не так уж велика, как показалось Эше поначалу. Не больше ста человек смогли бы там разместиться. Девушка начала пробираться к Клэю через каменный хаос.

— Зачем мы здесь?

Он улыбнулся ей той чарующей улыбкой, что заморозила девушку еще прошлой весной, когда она впервые увидела своего будущего мужа за ловлей рыбы на пляже в Макине.

— Сюда я приду, когда моя жизнь будет на исходе.

— Прекрати, Клэй, — Эша застыла на полпути.

— Думаю, — продолжал юноша. — Десятилетия десяти лет достаточно для любого. Как считаешь, протяну я до десятилетия десяти? Если, конечно, ничего такого не случится.

— Да ты и до ста пятидесяти проживешь.

— Может и так, но десятилетия десяти вполне достаточно, — в его глазах заблестел озорной огонек. — Мне вот здесь очень нравится, а тебе?

Девушка огляделась. Пещера была древней лавовой трубкой, похоже, здорово поврежденной во время землетрясения. Стены в трещинах. Местами с потолка свисали белоснежные кристаллы кальцита — вот и все убранство. Рисунков не было. Не заметила Эша и костей или каких-либо других очевидных указаний на древние захоронения. Она пожала плечами и скрестила руки на груди.

— Я слышала, в таких пещерах водятся занятные насекомые.

Клэй рассмеялся, так звонко и радостно, что в пещере словно засветило солнце.

— Да, им-то я под конец и достанусь.

— Когда тебе стукнет десятилетия десяти. — Эша почувствовала, что Клэй к чему-то клонит, и решила спокойно дождаться продолжения.

— Да, — сказал Клэй. — Для тебя пройдет всего пара лет. Я слышал, часы на борту «Дракона» в его межзвездном полете будут идти очень медленно. Я хочу, чтобы ты вспоминала обо мне.

— Я буду.

— Наверно, ты останешься единственным живым человеком, кто вспомнит обо мне.

— Обещаю помнить тебя всегда.

Глаза Клэя поблескивали в свете фонарика.

— Я буду всеми силами тянуть время. Дождусь последнего дня своего сотого года, перед самым днем рожденья. Тогда приду в эту пещеру и буду сидеть вот здесь, в темноте, пока не умру. Представь себе: нагой старик на каменном карнизе.

— Ты слишком растолстеешь, чтобы протиснуться сквозь расщелину.

— Неужели ты так и не поняла, Эша? — он укоризненно посмотрел на нее. — Эта пещера особая. Никто не видел ее до меня. Ты второй человек, пришедший сюда. Разве тебе не интересно? Разве это не важно? Ты же

улетаешь на «Драконе», чтобы увидеть то, чего раньше не видел никто. Так вот же. Я выполнил твоё желание, и тебе не пришлось даже покидать Землю. Что скажешь?

Девушка медленно опустилась на каменный пол, чувствуя как холод пронизывает её сквозь тонкие подошвы. Она снова оглядела чёрные стены.

— Это же просто пещера, Клэй.

К удивлению Эши он кивнул, всем своим видом выражая согласие.

— Точно. И даже на другом конце Вселенной это была бы просто пещера. В ней нет души. Здесь никто не жил. Никто не умирал. Здесь вообще ещё ничего не происходило. Ну и что?

— Что ты хочешь сказать?

— Что нужно *жить* в каком-то месте, чтобы наделить его душой. Однажды моя бабушка умрет. Но она не уйдет из моей жизни. Я встречу её в деревьях, которые она посадила в молодости, в рисунках, что висят у нас дома, в песнях, которые я впервые услышал из её уст. — глаза Клэя смотрели куда-то вдаль. — Все на нашей ферме создано людьми, любившими меня. Членами моей семьи. Даже, если они и не знали меня. Даже если они и жили сто с лишним лет назад, любовь их все ещё наполняет мой дом. Они знали, что некогда и я приду в этот мир.

Он снова перевел взгляд на Эшу.

— Ты никогда не почувствуешь того удовлетворения, которое испытывает моя бабушка. Ты растратишь себя всю в поисках тайн, но не найдешь их. В конце концов все окажется таким же лишенным духа и безынтересным, как эта пещера. Настоящие тайны хранит лишь человеческое сердце.

Так ли это? Так ли? Не могла Эша отринуть его слова. Ей доводилось уже видеть величие природы и творений человека. Дворцы в небесах и горы на Земле. Бескрайние океаны, солнечные паруса. И Эша уже успела испытать и изумление, и восхищение, и радость от окружающего мира — но никогда эти чувства не были достаточно сильны. Всегда в глубине её точил червь сомнения. Великолепие величайших пейзажей, совершенство крохотных насекомых — что значили они? В итоге она всегда отворачивалась, неудовлетворенная. Полное расслабление и удовлетворение ей доставляла лишь любовь с Клэем.

Ещё не претила мысль о биологическом влечении. Но был ли Клэй прав? Так ли устроен человеческий разум, что получает удовлетворение лишь от такой простой и банальной вещи, как любовь?

— Есть что-то ещё, — произнесла девушка вслух. — Я знаю. Мне хочется увидеть иные миры. Так уж я устроена.

Она пристально взглянула на любимого. Он все ещё сидел в своей нише, упершись подбородком в колено и свесив другую ногу. Юноша смотрел на неё критически, словно режиссер на разворачивающуюся перед ним пьесу. Эша сделала к нему шаг. Затем другой.

— И я не буду здесь дожидаться твоей старости!

Клэй подтянул вторую ногу и решительно посмотрел на девушку. В его глазах вновь заблестело возбуждение.

— Давай поставим нашу любовь на карту, — предложил он.

— Как это?

— Давай на неё поспорим. Я хочу остаться. Ты — улететь. Решить сами мы не можем, так что доверимся судьбе. Ты смогла бы найти отсюда выход в темноте?

— Конечно, — хмыкнула она. — Это обычный грот, и...

Эша огляделась. А где же вход? Нигде не видно. Внезапно девушка осознала, что потеряла ориентацию.

Но Клэй проигнорировал ее замешательство.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда начали.

Юноша поднял фонарик и швырнул его вниз. Тот разлетелся, упарившись о камень, и воцарилась тьма. Гордый, вызывающий голос Клэя донесся из ниоткуда.

— Выведи нас отсюда, и я улечу с тобой.

Во рту у Эши пересохло.

— Ты примешь Исцеление? Покинешь эти места?

— Да, — хрипло ответил Клэй. — Ради тебя. Только ради тебя.

Он сдался! Смирился. Сердце Эши радостно забилося, выбрасывая в кровь адреналин, но, обернувшись назад... А, собственно, откуда они пришли? Перед глазами все плыло, а в мозгу рождались призраки, поднявшие темноту.

— Что если мы не найдем пути обратно? — спросила девушка.

В ответ донесся смешок.

— Тогда, само собой, ты останешься здесь, со мной, в пещере.

— Это не смешно, Клэй.

— Я и не смеюсь.

Значит, он еще не совсем сдался.

— Хочешь продержаться меня здесь, пока не уйдет мой рейс? Такую игру ты затеял?

— Мы же поспорили.

Эша хихикнула. Темноты она не боялась. Да и потеряться тоже.

— Ну, что ж.

Она услышала, как он спускается из своей ниши и представила себе его стройное и сильное тело во тьме. Представила, как его руки, появившись из ниоткуда, крепко обнимут ее. Это может оказаться забавным.

Внезапно раздался шум падающих камней. Клэй вскрикнул и выругался.

— А ! Что за?..

— Что случилось? Ты в порядке?

— Меня кто-то укусил, — похоже, он говорил сквозь стиснутые зубы. — В плечо. А ! Черт!

Эша услышала, как юноша стукнул по стене.

— Еще раз, гад.

— Клэй, в чем дело?

— Не знаю! Что-то... Черт! Гадюка...

Голос как будто рванулся к девушке. Внезапно Клэй упал прямо на нее, и они оба повалились на землю. Камень больно врезался Эше в бок, и она скорчилась от боли.

— Ах ты, — простонал Клэй. — Плечо уже немеет...

— Клэй, если ты шутишь!..

Она ощупала его плечо и шею. Они уже распухли.

К тому времени, как медицинское оборудование занесли в пещеру, врач уже завершила осмотр Клэя. Она села на корточки и посмотрела Эше в глаза.

— Сделать ничего нельзя, — сказала она. — Мне очень жаль. Если бы

мы были здесь, когда это произошло... — она беспомощно пожала плечами. — Но теперь все.

Эша кивнула. Нейротоксины змеи остановили сердце Клэя задолго до того, как девушка нашла выход из пещеры. Ей понадобилось почти три часа, чтобы обнаружить, что входное отверстие находилось под каменной полкой, которую она принимала за часть пола пещеры. Почти три часа. При других обстоятельствах это было бы не так уж много. Получается, Клэй задал ей простую задачку. *Выведи нас отсюда, и я улечу с тобой.*

— Ты все равно улетишь со мной, — пообещала Эша, нежно поцеловав его холодные губы.

Затем она посмотрела на врача.

— Я хочу увезти его отсюда.

Потребовался еще час, чтобы вытащить тело из узкой расщелины. Бабушка Клэя стояла у входа, на краю обрыва, молча глядя на происходящее, и только беспокойные движения рук выдавали ее переживания. На кого теперь ей обратить свою любовь? Эша стояла позади нее, прислушиваясь к шуму приближавшегося вертолета. Полицейский разметил посадочную площадку между садом и лесом.

— Теперь я жена Клэя, — сказала Эша в спину Электре. — Официально я его ближайшая родственница.

Электра не ответила, но Эша почувствовала всю ярость мыслей колдуньи. *Воровка!*

— Я заберу его для Исцеления, — продолжила Эша.

Еще мгновение Электра не двигалась. Затем по телу колдуньи пробежала дрожь, словно Эша встряхнула ее руками.

— Мне сказали, он умер, — прошептала она. Электра оглянулась через плечо. В первый раз за тот ужасный день женщины встретились взглядами.

— Мне сказали, он умер.

Эша никогда не разделяла любовь Клэя к этой властной матроне. Да и как она могла, когда обстоятельства с самого начала поставили их по разные стороны баррикад? Да, обе они любили Клэя. Осознание этого особенно четко проявилось у Эши, когда она смотрела, как завернутое в белую материю тело показалось над краем ущелья.

— Да, — начала она мягко. — По меркам Неисцеленных, он умер.

Девушка шагнула в сторону, пропуская носилки.

— Но осталась его матрица. Структура клеток его мозга еще не разрушена. Специалистам в Небесных Городах не составит труда вернуть его к жизни.

Эша оторвала взгляд от тела, которое грузили на вертолет. И перевела глаза на Электру.

— Но, когда его восстановят, он станет Исцеленным. Его жизнь здесь завершена.

Да, она забирала его, *как воровка...*

Медик высунулся из вертолета.

— Вы — жена? — крикнул он сквозь рокот винтов. — Хотите лететь с нами до морга? Тогда садитесь быстрее!

Эша двинулась вперед. Но чувство вины не оставляло ее, замедляя шаг. Она оставляла Электру ни с чем — ни могилы, куда бы можно было прийти, ни духа, которого бы можно было заметить краем глаза. Девушка обернулась.

— Клэй был готов уйти! — крикнула она. — Он только не мог

решиться.

Электра вздернула подбородок.

— Ты так и не смогла понять: решение должен был принять не он, — утомленное лицо колдуньи внезапно засветилось гордостью. — Он принадлежал земле. Она заглянула ему в сердце... и *отпустила* его.

Рот Эши приоткрылся в удивлении. Ощущение правдивости этих слов постепенно проступало в ее сознании.

— *Земля?*

Медик снова высунулся из вертолета.

— Давайте, мэ. Пора!

Этот окрик вырвал Эшу из забытья, развеяв и брезжившую истину.

— Иду! — крикнула она и быстро побежала к вертолету.

Электра тоже что-то прокричала ей вслед. Девушка расслышала слова, уже забравшись в кабину:

— Дерево можно срубить, чтобы построить корабль, но в нем навсегда сохранится зерно его молодости!

— По-другому мне и не надо, — прокричала Эша в ответ.

Она махала изо всех сил, пока вертолет взлетал. В рокоте винтов ей слышался барабанный бой, а в реве двигателя — оглушительный львиный рык.

Лойс Тилтон Спи, моя малышка⁴

Лойс Тилтон по преимуществу автор романов-фэнтези «Зима вампиров» (1990), «Ледяная тьма» (1993). «Спи, моя малышка» — не фэнтези, а короткая, ёмкая научная фантастика. Лойс пишет: «„Спи...“ в какой-то мере про мою девятилетнюю дочь Кристин, первый раз в жизни пришедшую с рекордным временем на соревнованиях этой весной».

Почему я должен ложиться спать? Другие ребята...

— Тебе уже пора. Семилетние детишки должны спать по ночам. Давай, ложись.

Сара прижала упрямые маленькие плечики к подушке и поцеловала сына в щёку.

Он снова сел, как неваляшка.

— Но мам! Я еще не дочитал книжку!

— Дочитаешь завтра. Девять часов. Пора в постель.

— Но...

— Майкл!

Услышав непреклонность в её голосе, Майк улегся с сердитым выражением лица.

Она опустила полог кровати, отгораживая ее от света и шума в доме. Каждый вечер приходится настаивать на своём.

Сара вздохнула, вспомнив, как ее собственная мать сидела у изголовья кровати с книжкой. Роберт Льюис Стивенсон. Лонгфелло. Как же любила мама эти старые стихи!

4 © Lois Tilton. Sleep, My Little One. F&SF, February 1993.
Перевел Андрей Колобанов.

«Между тьмой и светом, когда опускается ночь...»

Сара тоже всегда думала, что будет читать своим детям на ночь. Действительно, Майку она ещё читала, когда он был в возрасте Холли. Но теперь ни на что не остаётся времени.

Отойдя на шаг от кровати Майка, Сара заметила на стуле его ридер. Она вытащила слайд и прочла название: «Удивительный Орнитоптер». Длинноватая книжка для второго класса. Сара почувствовала укор совести. Это ведь она решила зайти в автосупермаркет после футбольного матча, зная, что у сына еще есть домашнее задание.

Но и спать ведь тоже надо! Ему ведь всего семь лет.

Она подошла к кровати Холли и приподняла занавеску, разукрашенную резвящимися единорогами в пастельных тонах. Двухлетняя малышка спала, раскидавшись. Её губы шевелились, и Саре захотелось узнать, снится ли ей что-нибудь. Наклонившись, она прошептала строчку из Теннисона: «Спи, моя малышка, спи, моя красавица, спи». Саре тоже мама пела эту колыбельную. Сколько же лет прошло.

Сара закрыла дверь детской и глянула на часы. Почти полдесятого. Долгое купание, которым она хотела себя побаловать до ужина, не будет таким уж долгим.

Она погрузилась в обжигающую горячую воду, потянулась и почувствовала, как усталость, накопившаяся за весь долгий день, уходит из её тела. Дети. Боже, они могут довести до полного изнеможения. Днём Сара работала дома, на компьютере, подсоединённом к коммерческому отделу компании. Она отсиживала за терминалом в среднем по пять часов в день — неплохо, учитывая, что по дому носился двухлетний ребенок. Да ещё Майк со всеми его занятиями: плавание, футбол, уроки на компьютере.

Сара поглубже опустила в воду, вздохнула и закрыла глаза, напевая про себя, чтобы хоть немного успокоиться. Альфа-волны замедлялись, приобретая спокойную ритмичность. Сара все еще помнила некоторые свои детские мечты. Например, Морфей, Бог Сновидений. Он представлялся ей прекрасным мальчиком с мягкими крыльями. Морфей — сын Сна и Ночи, ведь так? Легкое прикосновение перьев...

Но вода в ванной уже остыла, пора было собираться на работу. Освежённая, Сара быстро привела в порядок свои волосы и уже почти оделась, когда дверной колокольчик возвестил о приходе няни.

Сара крикнула из гостиной: «Заходи», и замок открылся, повинувшись звуку её голоса. Вошла Кристин со своим ридером и стопкой слайдов.

— Готовишь реферат? — спросила Сара.

Кристин жалобно вздохнула.

— Десять тысяч слов. «Расширение рынка торговли электроникой в мире».

— Можно подумать, ты мечтаешь вернуться назад к арифмометрам, — пожурела её Сара.

Да, теперь детям задают больше заданий, чем во времена, когда она сама училась в старших классах. Сара не могла — припомнить, чтобы ей приходилось писать реферат на десять тысяч слов до поступления в колледж.

— Ну что ж, малыши тебе мешать не будут. Захочешь перекусить, загляни на кухню.

Дни дома, ночи на работе. «Мамина смена» — называли это дети. Конечно, мировой рынок никогда не засыпал. Саре приходилось признаться себе, что работа дома была совсем не то, что электронный восторг от Нахождения Там, так близко к сердцу Биржи. Но в общем Саре казалось, что она довольна. Скорее всего, она не станет Старшим Партнером. Но ей и не хотелось работать дни и ночи напролет. Сара взглянула на сидевшего напротив Хагопяна, практически присоединенного к его терминалу, — в немигающих глазах бежали сообщения. Есть ли у него семья? Видится ли он с близкими когда-нибудь?

Сара станет Старшим Сотрудником в течение ближайших десяти лет, возможно, даже Партнером, если все пойдет хорошо, но дома она всё равно будет укладывать детей спать сама.

Коммерческий отдел был завален работой. Около двух часов Сара наскоро перекусила в баре здоровой пищи на втором этаже. В шесть часов, когда она чистила файлы для следующей смены, подошел Пирсон.

— Можешь задержаться сегодня еще на пару часов?

Сара поежилась. Через час проснутся дети. Майка надо собрать в школу. У Кристин занятия начнутся в девять часов.

— Дай посмотрю.

Она набрала номер мужа. Уоррен ответил из машины.

— Привет, что стряслось?

— Пирсон хочет, чтобы я задержалась. Ты будешь дома к семи?

— Я уже в пути. Нет проблем. Хочешь, чтобы я что-нибудь купил по дороге?

— Нет, но ты можешь отвезти домой Кристин.

— Конечно. Когда ты думаешь вернуться?

— Он сказал — на пару часов. Думаю, к десяти.

— Хорошо, я отвезу Майку в школу.

— Ладно, спасибо.

Пирсон, когда она сказала ему, что сможет остаться, ответил даже чересчур сердечным тоном: — Великолепно! Я знал, что мы всегда можем положиться на тебя.

«Одно очко в мою пользу», — отметила Сара, идя к кофеварке.

Когда Сара вернулась домой, Уоррен ждал ее, уже переодевшись в свой теннисный костюм.

— Майк нормально ушел в школу, все в порядке?

— Конечно. Он волновался из-за какой-то книги, которую должен был прочитать. Тебе не кажется, что им задают слишком много заданий?

— Я знаю, — начала Сара, но тут в комнату ворвалась Холли и подкатилась ей под ноги.

— Мамочка!

— Папа тебя покормил? — спросила Сара, но заглянув в кухню, где повсюду стояли грязные тарелки, добавила, — Вижу, что да.

Она подняла Холли и уткнулась лицом в ее волосы. Уоррен хорошо управлялся с детьми, хотя готовка и не была его сильной стороной.

— Я собираюсь в клуб, сыграть пару сетов с Фрэнком, — сказал он, чмокнув ее на прощание через голову Холли.

Сара опустила дочку на пол и пошла переодеться, чтобы заняться кухней.

Неплохо было бы сделать что-нибудь по дому сегодня. Раз она

работала сверхурочно утром, то может сегодня целый день не подключаться к терминалу.

Но она, конечно, все равно подключилась, когда Уоррен снова ушел на работу, а Холли тихо устроилась перед видео. Втайне Сара надеялась, что Пирсон проверит ее зарегистрированное время работы.

Потом настало время забирать Майка из школы.

Он закинул свой рюкзак в автомобиль и хлопнул дверцей.

— Майк, — спросила она обеспокоенная. — Что-нибудь случилось в школе?

— Я *не* дочитал мою книгу.

Обида.

— Ты можешь дочитать ее сегодня — после ужина, после занятий. Разве нет?

— Надеюсь.

Всё ещё упрямо.

Сара решила позвонить его учителю, поговорить с ним, прояснить все это. Когда же, по их мнению, у ребенка будет оставаться время на чтение при всем остальном, чем дети занимаются сегодня?

— Полдник в сумке, — сказала она. — Не волнуйся, сразу после тренировки поедим домой. У тебя будет полно времени, чтобы дочитать твою книгу.

Не очень-то веря ее словам, он открыл сумку, достал банан, печенье и сок из отделения рядом с тем, где были плавки и полотенце. Глянув назад, Сара увидела, что он держит свой ридер на коленях, шумно втягивая сок. «Бог с ним, — подумала она. — Если он и прольет немного, чёртову ридеру ничего не сделается.»

Бассейн находился на другом конце города, поэтому домой не стоило и заезжать. Сара высадила Майка и некоторое время смотрела, как он бежит вверх по дорожке к спорткомплексу, а сумка хлопает его по ногам. Потом она поехала в автосупермаркет купить продуктов.

И обратно в бассейн, в знакомую, прогретую, пахнущую хлором атмосферу, на наблюдательный балкончик — настоящее благословение божье для всех матерей с карапузами, ждущих своих старших чад. С десятков малышей обычно собирались там вместе и играли, пока их старшие братья плавали.

Сара посадила Холли на колени и попыталась взглядом отыскать Майка в воде, но через пару минут малышка уже ускользнула и занялась игрой. Сара встала, чтобы лучше видеть бассейн. В воде все ребята были так похожи. Наконец она нашла своего, на пятой дорожке. Мальчишки плыли баттерфляем, и из воды одновременно взлетало множество рук, будто ровной линией выскакивали из воды настоящие дельфинята. Майк коснулся бортика обеими руками, ловя воздух ртом, глянул на секундомер и снова оттолкнулся, совсем не передохнув. Несколькими секундами позже Рик Лоренц достиг конца дорожки, и прежде, чем идти на следующий круг, несколько секунд подержался за желобок для стока воды. Потом ещё один мальчик завершил свой круг, и ещё один. Майк шёл последним, его уже нагонял Пит.

— Поднажми, Майк! — крикнул тренер. — Не сбивайся с ритма! Пит, на тридцати — давай!

Сара нахмурилась. Двумя рядами ниже сидела Марсия Лоренц, по экрану ридера на её коленях бежали слова. Она всегда читала, хотя, казалось, не упускала ничего из происходящего в бассейне.

Майк и Рик плавали вместе в одной команде с пяти лет. Год назад они поделили первое и второе место на чемпионате штата для шести- и пятилетних. А теперь... Сара не могла понять: то ли Майк сдавал, то ли Рик очень быстро набирал.

Сара подсела к Марсии.

— Наверное, твой Рик сдал норматив «А» на пятидесятиметровке баттерфляем на прошлой неделе?

— Он показал 31,14, - ответила Марсия, на минутку задержав бегущую строку, — всего на десятую хуже двойного «А».

Сара закусила губу. Двойное «А». Майку не хватило трех секунд до простого.

— Просто не знаю, — покачала она головой, взглянув вниз, где ее сын отчаянно старался не отстать от остальных. — Похоже, в последнее время Майк перестал справляться. Со школой, с плаванием — со всем.

Марсия приподняли аккуратно сформированную бровь.

— Ты ведь, по-моему, не водишь его на тренировки каждый день.

— До конца футбольного сезона — нет. Его команда играет по вторникам. Я не хотела бы, чтобы он бросал футбол. Он его так любит. Но Рик же тоже играет? Как же ему удастся плавать каждый день во время футбольного сезона?

— В день игры я привожу его немножко попозже, в семь часов.

— Но... — семичасовая тренировка была для старших ребят и длилась до десяти часов, — разве у него нет домашнего задания? Разве он не...

Разве он не спит вовсе?

Сара почувствовала, как зарделась от неловкости. Нет, конечно не спит. У Рика было достаточно времени для плавания и для футбола. Для домашнего задания. Он мог прочитать «Удивительного Орнитоптера», а потом посмотреть видео. Ему не нужно было ложиться спать в девять часов — ему вообще не нужно было ложиться спать.

Другие ребята...

— В семь лет? — спросила Сара, все еще не желая верить, что семилетние дети могут добровольно отказываться от сна.

Но про себя она хорошо помнила. Ей было шестнадцать лет, когда методики отключения центра сна стали доступны для широкой публики. Как она тогда просила и умоляла — ведь столько заданий, и совсем нет времени, чтобы выполнить их все, в то время как у остальных его хватало. Наконец ей отключили центр сна в тот год, когда она пошла в колледж, и, да, тогда времени стало хватать на все, на первых порах.

Марсия кивнула.

— Да. Моя двоюродная сестра провела своей дочери отключение этим летом, прежде чем девочка пошла в первый класс. В самом деле, при всех тех нагрузках, которые выпадают им в наши дни, какой еще можно найти выход?

— Я думала... Я хочу сказать, подождать до старших классов, или, хотя бы класса до пятого...

Марсия покачала головой, улыбаясь с покровительственным видом.

— Подумай, сколько возможностей он упустит. И потом, ты же не хочешь, чтобы он начал отставать от остальных детей.

— Нет, но...

— Волноваться не о чем. Когда отключили центр у Рика, он пару недель принимал препарат альфа-девять, пока не научился расслабляться. Мы заставляли его каждый день лежать по полчаса после

обеда и не давали смотреть видео целыми ночами. В следующем году запишем его на какие-нибудь курсы.

— Мама! Хочу домой! — Сара посмотрела вниз на Холли, которая дёргала её за ногу. — Ма-ММА!

— Конечно, пока они маленькие, — сказала Марсия с лёгкой улыбкой, — жалеешь их, пусть поспят. Но, послушай, почему бы тебе не обратиться к нашему доктору — Льюису Нолану. Многие мои друзья отводят к нему своих детей.

В каком-то оцепенении Сара залезла в сумку и достала Холли печенье.

— На. Мы же должны дождаться конца тренировки Майка? Ладно?

Там, в бассейне, её сын, стоя на кромке с поникшей головой, слушал наставления тренера. Наконец он снова прыгнул в воду и поплыл теперь по шестой дорожке, более медленной.

Марсия, тактичная как всегда, снова включила свой ридер.

А Сара, почувствовав внезапный приступ грусти, усадила Холли на колени и зарылась лицом в мягкие волосики, нежные как пух, такие беззащитные.

Рудольфо Анайя Благослови меня, Ультима⁵

Продолжаем публикацию романа Рудольфо Анайя
«Благослови меня, Ультима». Начало в № 8-9 за 1996 г.

ТРЕТЬЯ

Забрезжил день, время юности уже покидало дом, что выстроили три великана моих снов на можжевелевом холме, среди юкки и месkitовых порослей. Я ощутил, как восходит на востоке солнце и услышал, как свет его потрескивает и стонет, сливаясь с песнями пересмешиков на холме. Я открыл глаза, и лучи света, что прорвались сквозь пыльное оконце моей комнаты, чисто омыли мне лицо.

Солнце хранило добро. Мужчины с льяносов были мужами солнца. Мужчины с ферм, лежащих вдоль реки, были мужами луны. Но все мы были детьми чистого солнца.

Во рту стоял горький привкус. Я вспомнил лекарство, что дала мне Ультима после моего вчерашнего панического бегства с реки. Я оглядел руки и ощупал лицо. Случалось, я уже ранился о ветки и знал, что на следующий день ранки почернеют от засохшей крови, а рубцы воспалятся. Но сейчас на коже остались только тонкие розовые черточки, и боли не было. Странная сила таилась в снадобьях Ультимы.

Где-то блуждает душа Лупито? Он убил шерифа, и значит, — умер со смертным грехом на душе. Он пойдет в ад. Или же Господь простит его, назначив Чистилище — одинокое, безнадёжное прибежище тех, кто не был ни осужден, ни спасен. Но бог не прощал никого. Быть может, как

поведал сон, воды реки унесли его душу, и, может быть, вода, впитавшись в землю, а с ней и душа Лупито оросит сады моих родичей, и сочные красные яблоки...

Или, может, он осужден навечно скитаться по дну реки, кровавым спутником Ла Йороны... и отныне, бродя в одиночестве вдоль реки, мне придется оглядываться, озираясь через плечо, чтобы поймать след тени — души Лупито или Ла-Йороны, или силы речной.

Я снова лег и следил, как безмолвные лучи света играли на разноцветных пылинках. Я любил следить, как лучи каждого нового утра входят в комнату. Они приносили чувство свежести, чистоты и обновления. Каждым утром я просыпался, казалось, в странной смене новых переживаний и грез. Сегодня меня переполняли живые образы того, что случилось на мосту прошлой ночью. Я подумал о Чавесе, разъяренном гибелью брата, жаждавшем крови отмщения. Я думал о Нарсисо, в одиночестве стоявшем против темных фигур на мосту. Я подумал о своем отце. Стрелял ли он в Лупито?

А теперь мужчины, стоявшие на мосту, ходили по земле с ужасным бременем смертного греха на душе, и ад был единственной им наградой.

В кухне я услышал шаги матери. Послышался лязг плиты, и я понял, что она разжигает угли с ночи.

— Габриэль! — позвала она. Всегда она звала сначала отца. — Вставай. Сегодня Воскресенье! — потом она пробормотала: «Ох, что за злые дела творились на земле прошлой ночью...»

Воскресным утром я всегда задерживался в постели, слушая их споры. Они неизменно ссорились воскресным утром. Для этого были две причины: первая в том, что отец работал на дороге лишь по субботам до полудня, и поэтому после обеда пил в городке с приятелями в салуне. Если он перебирал, то возвращался домой ожесточенным и тогда воевал со всеми. Он проклинал слабовольных горожан, не способных понять волю людей льяносов, и клял войну, забравшую его сыновей. А если горючи накапливалось слишком много, он клял и мать за то, что именно она приковывала его к этому клочку земли.

Был тут и вопрос веры. Отец был не слишком верующим. Выпив, он ругал священников «бабами» и высмеивал их длинные юбки. Я слышал одну историю, не для моих ушей, передаваемую шепотом, как однажды, давным-давно, отец моего отца выволок священника из церкви и избил на улице за то, что тот проповедовал против чего-то, в чем провинился дед Марес. Так что отец не питал добрых чувств к священникам. Мать говорила: «Весь род Маресов — одни смутьяны», — она не терпела кощунства, но отец только смеялся.

А еще — была эта странная, передаваемая шепотом загадка первого священника, который приехал в Эль-Пуэрто. Первые поселенцы осели там на земле, отпущенной мексиканским правительством, и человек, возглавивший колонию, был священником, и был он из рода Луна. Вот почему мать мечтала, чтобы и я стал священником — ведь в семье не было священников в роде Луна уже столько лет. Мать была преданной католичкой, и спасение души виделось ей в лоне Святой Матери-Церкви; она говорила, что мир можно спасти, обратиться люди к земле. Община земледельцев, возглавляемая священником, твердо верила она — вот истинный образ жизни.

Я не понимал, как случилось, чтоб сошлись люди столь различные, как отец и мать. Кровь и взгляды постоянно разводили их, но, несмотря на

это, мы были счастливы.

— Дебора! — позвала она. — Вставай. Умой и одень Терезу! Ах, что была за ночь! — Я слышал, как бормотала она молитвы.

— Ау, Dios⁶, — услышал я стон отца, входящего в кухню.

Восход солнца на холме, голоса отца и матери на кухне, шарканье Ультимы в ее комнате, пока она разжигала курения в честь нового дня, сестры, пробежавшие мимо моей двери, все это было таким как всегда, и было славно.

— Антонио! — позвала мать, как раз когда я ожидал этого, и выпрыгнул из постели. Но сегодня я вставал с иным знанием.

— Завтрака сегодня не будет, — объявила мать, когда мы собрались вокруг, — сегодня мы отправляемся все к причастию. Мужчины рыщут по миру как звери, и следует помолиться, чтоб они обрели свет божий.

А сестрам она сказала:

— Сегодня половину своего причастия вы посвятите своим братьям, чтобы Бог вернул их домой невредимыми, а вторую половину — тому, что случилось прошлой ночью.

— А что случилось ночью? — спросила Дебора. Такая уж она была. Я содрогнулся и стал раздумывать, заметила ли она меня прошлой ночью и выдаст ли меня.

— Это неважно, — оборвала ее мать, — просто помолитесь за дорогих отошедших душ...

Дебора согласилась, но я знал, что в церкви она начнет спрашивать и разведает об убийстве шерифа и Лупито. Было странно как-то, что ей придется расспрашивать чужих, хотя я, который был там и все видел, стоял рядом с ней. Даже сейчас я с трудом верил в то, что и в самом деле был там. Может, это сон? Или сон внутри сна, вроде тех, что бывали у меня часто и казались столь явственными?

Я ощутил на голове легкую руку, обернулся и увидел Ультиму. Она опустила на меня взгляд, и эта ясная, чистая сила ее глаз заворожала, меня.

— Как ты чувствуешь себя сегодня, мой Антонио? — спросила она, и я смог тотчас кивнуть.

— Buenos dias le de Dios. Grande,⁷ — приветствовала ее мать. Отец тоже пил кофе на большом стуле, который держал у печки.

— Антонио, — веди себя прилично, — воззвала ко мне мать. Я-то не приветствовал Ультиму, как надо.

— Ай, Мария Луна, — прервала Ультима, — оставь Антонио в покое, пожалуйста. Прошлая ночь была нелегкой для многих мужчин, сказала она загадочно. И отошла к плите, где отец налил ей кофе. Отец да Ультима были единственными, кого я знал, кто не смущался пренебречь постом перед причащением.

— Мужчин — да, — признала мать. — Но мой Тони еще только мальчик, еще ребенок. — Она опустила руки мне на плечи и задержала их.

— Ай, но мальчики вырастают в мужчин, — молвила Ультима, потягивая обжигаяще горячий кофе.

6 О, боже! (исп.).

7 Добрый день во имя Божье (исп.)

— Да, это так, — сказала мать, крепко прижав меня к себе, — и что за грех для мальчика — стать мужчиной.

Значит, это было грехом — вырасти и стать мужчиной.

— Это не грех, — вмешался отец, — просто правда жизни.

— Да, но жизнь отбирает чистоту, посланную Богом.

— Не отбирает, — отец начинал раздражаться из-за того, что предстоит идти в церковь и к тому же слушать проповедь, — она накапливает. Все, что он видит и слышит, делает из него мужчину.

Я видел, как убили Лупито. Как мужчины убили...

— Ай! — вскричала мать. — Если бы только он мог стать священником. Это спасло бы его! Он всегда пребывал бы в боге. О, Габриэль, — она сияла от радости, — подумай только, какой честью было бы для нашей семьи иметь священника! Быть может, сегодня нам стоило бы поговорить об этом с отцом Бирнеисом...

— Будь же разумнее, — поднялся отец. — Мальчик еще не прошел катехизиса. И не священнику решать, когда придет срок, а самому Тони! — Он прошел мимо. Одежда его пахла порохом.

Говорят, дьявол пахнет серой.

— Это правда, — добавила Ультима. Мать поглядела на них, потом на меня. Глаза ее были печальны.

— Сходи, покорми живность, мой Тонито, — она подтолкнула меня, — уже пора идти к мессе...

Я выбежал вон и ощутил в воздухе осеннюю прохладу.

Скоро настанет время отправляться на фермы моих родичей на сбор урожая. Скоро придет пора идти в школу. Я поглядел за реку. Город, казалось, еще спал. Легкий туман поднимался от реки. Он размывал очертания деревьев и домов городка, прятал церковную колокольню и крышу школы...

*Ya las campanas de la iglesia estan doblando...*⁸

Мне не хотелось больше думать о том, что видел я прошлой ночью. Я подбросил свежей травы кроликам и сменил им воду. Открыл дверь, и наружу выбежала корова, оголодав по свежей траве. Сегодня ее не будут доить до вечера, и она сильно отяжелеет. Она направилась к автостраде, и я обрадовался, что она не отошла к реке, где трава была запятнана.

*Por la sangre de Lupito Todos debemos de rogar,*⁹

Que Dios la sague de pena y la lleve a descansar...

Мне было *страшно* думать дальше. Блеск железнодорожных рельс притягивали взгляд. Если пойти по ним, придешь в Лас Пальтурас, землю, где я родился. Когда-нибудь я вернусь и увижу маленькую деревеньку, где поезд останавливался пополнить запас воды, где трава вздымалась высокая и зеленая, словно океанские волны, где мужчины ездили верхом, смеялись и плакали на рожденьях, свадьбах, танцах да похоронах.

— Энтони! Антонио-о-о-о-о! — Мне показалось, то был голос из моего сна, и я подскочил, но то звала мать. Все были готовы идти к мессе. Мать с Ультимой были одеты в черное, потому что много женщин из городка потеряли сыновей и мужей на войне и носили траур. В те годы, казалось,

8 Церковные колокола зазвонили... (исп.)

9 За кровь Лупито все мы должны молиться, чтобы Господь облегчил кару и принес покой, (исп.).

весь город был в трауре. И было очень грустно смотреть по воскресеньям на ряды одетых в черное женщин, идущих процессией в церковь.

— О-о, что за ночь, — простонал отец. Сегодня еще две семьи оденутся в траур в городке Гваделупе, и далекая война за океаном в Японии и Германии унесла еще две жертвы в Нью-Мексико.

— Ven aca¹⁰, Антонио, — поторопила мать. Она намочила мои черные волосы и зачесала их. Несмотря на ее черное одеяние, она сладко пахла. И я чувствовал себя лучше, находясь рядом. Я желал всегда быть рядом с ней, но это было невозможно. Война отняла моих братьев, а школа отнимет меня.

— Готовы, Мама, — позвала Дебора. Она говорила, что учителя в школе позволяют говорить только по-английски. Меня заботило, как смогу я разговаривать с учителями.

— Габриэль! — позвала мать.

— Си, си, — простонал отец. Я думал о том, как тяжело, должно быть, лежит у него на душе грех прошлой ночи.

Мать бросила последний беглый взгляд на свой выводок, затем возглавила наш путь вверх по козьей тропе. Мы звали тропу от дома до моста козьей, потому что, когда бежали встречать отца с дневной работы, он говорил, будто мы похожи на козлят, кабронситос, кабритос. Странная, должно быть, была та процессия — мать шла впереди быстрым, гордым шагом, Дебора и Тереза скакали вокруг, отец, бормоча, тащился позади и, наконец, замыкали мы с Ультимой.

— Es una mujer que no ha pecado¹¹, — шептал кто-нибудь вслед Ультиме.

— La curandera¹², — они боязливо обменивались взглядами.

— Hechicera, bruja¹³, — слышал я как-то.

Отчего ты так задумчив, Антонио? — спросила Ультима. Обычно я собирал камешки, чтоб гонять кроликов, но сегодня мысли окутывали душу саваном.

— Я думал о Лупито, — сказал я и добавил: — Отец был на мосту.

— Это так, — подтвердила она просто.

— Но, Ультима, как же он пойдет к причастию? Как примет Бога в уста и проглотит его? Простит ли бог его грех и останется ли с ним? — Долго молчала Ультима.

— Муж льяносов, — сказала она, — не отнимет жизни другого льянеро без веской причины. И я не думаю, чтобы твой отец стрелял в Лупито прошлой ночью. И куда важнее, mi hijo¹⁴, чтоб ты не судил — кого Богу прощать, а кого нет...

Мы пошли рядом, и я раздумывал над тем, что она сказала. Я знал — она права.

— Ультима, — спросил я. — Что это ты мне дала вчера, чтоб я уснул

10 Иди сюда (исп.)

11 Вот безгрешная женщина (исп.)

12 Целительница (исп.)

13 Колдунья, ведьма (исп.)

14 Сынок (исп.)

ночью? И не ты ли отнесла меня в комнату?

Она рассмеялась:

— Я понимаю теперь, отчего мать зовет тебя инквизитором.

— Но мне нужно знать, так много вещей нужно знать! — настаивал я.

— Целительнице не следует раскрывать ее секреты, — сказала она. Но тот, кто действительно хочет узнать, станет слушать и смотреть, и будет терпелив. Знание приходит медленно...

Я шел рядом, обдумывая ее слова. Дойдя до моста, мать поспешила перевести девочек на ту сторону, но отец задержался, чтобы поглядеть вниз через перила. Поглядел и я. То, что случилось внизу, напоминало сон, и было так далеко. Бурные воды реки Карп неслись на юг, к садам моих родичей.

Мы перешли мост и повернули направо. Грунтовая дорога огибала высокий скалистый берег. Она вилась вокруг сгрудившихся домиков, около церкви и шла дальше, следуя вдоль реки к Эль-Пуэрто.

Налево от нас начинались дома и здания городка. Все, казалось, были обращены к главной улице — кроме одного. Этот дом, большой, с облупившейся штукатуркой, с частоколом, окружавшим пустыри, стоял особняком, приткнувшись на обрывистой площадке. В пятидесяти футах ниже бежала река.

Давным-давно дом принадлежал уважаемой семье, но она перебралась в городок, когда воды реки стали подтачивать скалу под домом. Теперь дом принадлежал женщине по имени Розы. Я знал, что с Розы связано что-то недоброе — не колдовство, но что-то вроде этого. Как-то раз священник читал проповедь против женщин из дома Розы, и оттого я знал, что место это злое. И еще — мать призывала нас наклонять голову, проходя мимо этого дома.

Зазвонил колокол церкви, *ипа mujer con ип дiente, que llama a toda la gente*¹⁵. Колокол сзывал народ к шестичасовой мессе.

Но нет. Сегодня он не просто сообщал нам о том, что через пять минут начнется служба, сегодня он отпевал Лупито.

— О! — услышал я вскрик матери и увидел, как она накладывает крестное знамение.

La capra de la iglesia esta doblando...

Церковный колокол звенел и притягивал к себе вдов в черном, одиноких преданных женщин, пришедших помолиться за своих мужчин.

Arrimense vivos y difuntos

*Aqi estamos todos juntos...*¹⁶

Церковь вздымалась над пылью дороги, огромные глыбы коричневого гранита восходили к небу, поддерживая колокольню и храм Христов. То было самое высокое здание, что я видел в жизни. Люди теперь облепили двери как муравьи, задавая вопросы и распуская слухи о том, что случилось прошлой ночью. Отец отошел поговорить с мужчинами, а мать и Ультима встали поодаль, среди женщин, с которыми обменялись церемонными приветствиями. Я зашел за угол церкви, где, я знал, ждут мессы, болтаясь вокруг, мальчишки из городка.

Большинство было старше — второклассники да третьеклассники.

15 Женщина в венце, что сзывает весь народ (исп.)

16 Войдите, живые и мертвые. Здесь мы все едины (исп.)

Всех я знал по имени. Не оттого что общался с ними, но после множества встреч по воскресеньям, наблюдая, я узнал, кто они, и немного о каждом.

Я знал, что, когда пойду осенью в школу, сойду с ними близко, и только грустил, что они будут на год старше — а я уже чувствовал себя заодно с ними.

— Мой старик видел, как Лупито это проделал! — Эрни приставил свой большой палец к лицу Авеля. Я знал, как любит Эрни похвастать.

— Фигня! — крикнул Конь.

Его прозвали так оттого, что лицо у него напоминало лошадиное, и он любил топтать ногами.

— Chingada! Да этот бедолага просто превратился в труп. Ба-бах! — И Скелет сам изобразил пистолетный выстрел, схватился за голову и рухнул в пыль. Страшно завращал глазами. Скелет был еще психованнее, чем Конь.

— Нынче утром пошел я на реку, — тихо проговорил Самюэль. — Там, на песке была кровь... — его никто не услышал. Я знал, что он живет, как и я, за рекой, но выше по течению — там стояла кучка домишек, сразу за железнодорожным мостом.

— Кто наперегонки? Кто наперегонки? — Малыш Витамин топал возбужденно ногами. Я не знал, как звали его на самом деле, все просто называли его Малыш Витамин, даже учителя в школе. Ах, как он бегал, как бегал! Даже Скелет во всю свою мочь, да Конь на полном галопе не могли обойти Малыша Витамина! Тот был словно ветер.

— Враки! — Конь, прокашлявшись, плюнул. Тотчас Флоренс сделал то же, плюнув по крайней мере, футов на пять дальше.

— Э-ге, черт, он обставил тебя, обскакал, точно! — засмеялся Абель. Абель был коротышка, меньше меня, и не пристало ему дразнить Коня. А что тот особенно любил, так это бороться. Длинными руками он обхватил Авеля прежде, чем тот успел увернуться, и легко подбросил в воздух. Абель грузно шмякнулся оземь.

— Cabron¹⁷, — взвыл он.

— Ну что, — обставил он меня? — спросил Конь, стоя над Авелем.

— Не-ет, — вскричал Абель. Он медленно поднялся, изображая сломанную ногу, а когда оказался вне досягаемости Коня, крикнул: — Обставил, гад, обставил тебя! Ха-ха-ха!

— Мой старик как раз был в кафе, когда все произошло, — продолжал Эрни, который вечно старался попасть в центр внимания. — Он говорил: «Лупито вошел медленномедленно, обошел шерифа сзади, а тот как раз откусил вишневого пирога; приставил пистолет к затылку...»

— Враки! — заржал Конь громко. — Эй, Флоренс, переплюнь-ка теперь! — И он, набрав слюны, плюнул вновь.

— Ха, — ухмыльнулся Флоренс. Он был высок и тощ, курчавые светлые волосы до самых плеч. Я не встречал еще, чтоб такие белобрысы говорили по-испански. Мне он напоминал один из позолоченных ангельских ликов с крыльями, что порхали у ног изображения Девы.

— Вишневого пирога? Ага!

— Кровь да мозги разлетелись во все стороны. На столе. На полу, даже на потолке; А глаза у него были открыты, когда он падал, и еще не коснулся пола, как Лупито был уже за дверью.

— Враки! — Черт! — Chingada!

— Он отправится в ад, — заявил Ллойд писклявым голоском. — По закону, за свое дело он должен пойти в ад!

— Любой житель Лос Харос отправится в ад, — засмеялся Флоренс.

Лос Харос был, что называется, поселок за линией, и Конь, Скелет, Авель и Флоренс были оттуда.

— Это ты отправишься в ад, Флоренс, за то, что не веришь в Бога! — вскричал Конь.

— Los vatos de los Jaros¹⁸ — народ крутой, — рявкнул Скелет. Он вытер нос пальцами, и на нем повисла зеленая сопля.

— Черт — Chingada.

— Эй, Флоренс, давай поборемся, — сказал Конь. Его съедала досада, что он проиграл в состязании на длину плевка.

— Перед мессой бороться грех, — вставил Ллойд.

— Враки, — ответил Конь и обернулся, чтобы кинуться на Ллойда, но тут впервые заметил меня. Всмотрелся пристальнее, потом позвал: — Эй, малец, поди-ка сюда!

Все с интересом следили, пока я подходил к Коню. Мне не хотелось с ним бороться: он был крепче и здоровее. Но отец часто говаривал, что муж льяносов не уходит от схватки.

— Кто это? — Не знаю!

Конь потянулся к моей шее, но я знал его излюбленный прием и уклонился. Нырнув, я ухватил его за левую ногу. Резким рывком я бросил Коня на спину.

— И-го-го! — A la vesa!¹⁹ — Видали? Малыш свалил Коня!

Все смеялись, глядя на Коня, лежащего в пыли.

Он медленно поднялся, и дикий взгляд его неотрывно следил за мной; отряхивая штаны, он двинулся вперед. Я изготовился и решил защищаться. Ожидалась серьезная трепка. Конь приближался медленно-медленно, пока не прижал лицо вплотную к моему. Его черные, дикие глаза гипнотически сковывали меня, и мне чудились утробные звуки, издаваемые лошадью, когда та готовится взбрыкнуть. В уголках рта показалась слюна, свисая, она блестела на солнце, как паутина. Он скрипнул зубами, и я уловил дурной запах изо рта.

Я ожидал, что Конь с разгона втопчет меня в землю, и наверное, другие ребята тоже, потому что вдруг стало очень тихо. Но вместо этого Конь испустил дикий, леденящий вопль, заставивший меня отшатнуться.

— Уа-а-а-а! — завопил он. — Ей-богу, этот коротышка и взаправду меня кинул, честное слово! — Он рассмеялся. — Как тебя звать, клоп?

Остальные перевели дух. Смертоубийства не предвиделось.

— Энтони Марес, — ответил я. — Антонио Хуан Ма-рес и Луна, — добавил я в знак уважения к матери.

— Черт! — Chingada!

— Эй, послушай-ка, ты не брат Эндрю? — спросил Конь.

Я утвердительно кивнул.

— Ну, давай пять.

Я замотал головой: знал, Конь не устоит от искушения бросить

18 Парни из Лос-Харос (исп.)

19 Вот это да! (исп.)

любого, кто даст руку. Так уж он был устроен!

— Ушлый малый, — рассмеялся Скелет.

— Заткнись! — сверкнул Конь глазами. — Ну ладно, клоп, то есть Энтони, ты парень ушлый. Последний, кто меня бросил, был здоровенный пятиклашка, понял?

— Я не хотел, — сказал я, и все рассмеялись.

— Знаю, что не хотел, — улыбнулся Конь. — Мал ты еще драться. Потому-то я тебя и отпускаю. Но попомни: не посмей повторить, ясно? — слова предназначались мне так же, как остальным, потому что все вдруг закивали.

Все столпились вокруг меня, спрашивая, где я живу, заговорили про школу. То были добрые друзья, хотя и сквернословили подчас; в тот день я вошел в их круг.

Тут Авель, который мочился на церковную стену, крикнул, что месса началась, и все мы помчались занимать лучшие скамьи — сзади.

ЧЕТВЕРТАЯ

В последние дни лета бывает пора, когда в воздухе вызревает осень, наступают дни тихие и сладкие. В это время я жил полной жизнью, в странной новизне мира, что, расширяясь, раскрывался мне. По утрам, до наступления зноя, мы с Ультимой бродили по холмам льяносов, собирая дикие травы и корешки для снадобий. Мы обошли всю округу вверх и вниз по реке. Я нес маленькую лопатку, а она — дерюжный мешок, в который мы складывали наш волшебный урожай.

— О! — вскрикивала она, приметив нужное растение или корень, — как же повезло нам сегодня, что нам попалась йерба дель мансо!

Потом она подводила меня к этому растению, которое углядели ее совиные глаза, и просила запомнить, где оно растет, и как выглядят листья.

— А теперь прикоснись к нему, — говорила она. Листья были гладкие и светло-зеленые.

В понимании Ультимы, растение имело душу, и прежде, чем разрешить мне вырыть его, она заставляла обратиться к растению, и рассказать, для чего мы разлучаем его с земным домом. «Ты, растущее здесь так славно в этом овраге, во влаге речной, мы извлекаем тебя для доброго снадобья», — тихонько напевала Ультима, и сам собою я вторил ей. Затем осторожно выкапывал растение, заботясь о том, чтобы сталь не коснулась нежных корней. Из всех собранных нами растений ни одно не удостоилось столь сильного волшебства, как йерба дель мансо. Она излечивала ожоги, ссадины, геморрой, детские колики, кровавую диспепсию и даже ревматизм. Я давно знал это растение благодаря матери, которая, не будучи, конечно, знахаркой, часто к нему прибегала.

Руки Ультимы нежно поднимали растение, ощупывали его. Отщипнув кусочек, она пробовала качество на вкус. Затем брала еще такой же и опускала в маленькую черную сумочку, привязанную у пояса лентой. Она говорила, что высушенное содержимое сумочки состоит из частиц всех растений, что собрала она с тех пор, как начала учиться знахарству — много лет назад.

— Давным-давно, — улыбалась она, — задолго до того, как в Лас Пастурас пришел поезд, прежде чем род Луна появился в своей долине, задолго до того, как великий Коронадо выстроил этот мост...

Тут голос ее уплывал, а мои мысли терялись в лабиринтах времен, и истории, мне неведомой.

Побродив еще, мы нашли эстрагон и набрали побольше, потому что был он не только лекарством от простуд и лихорадки, но и приправой, которую мать подавала к бобам и мясу. Нам повезло еще набрести на оша, потому что трава эта лучше растет в горах. Подобно йерба дель мансо, это средство годилось от всех недугов. Оно исцеляло простуду и кашель, порезы и синяки, ревматизм и расстройство желудка; отец говорил как-то, будто с его помощью пастухи отпугивали змей от постели, посыпая порошком оша. Именно им омыла Ультима мне лицо, руки и ноги той ночью, когда убили Лупито.

В холмах Ультима была счастлива. Походка ее обладала неким достоинством, придававшим легкость всей ее небольшой фигурке. Пристально следил я за ней, пытаюсь подражать ее походке, и когда это удалось, я вдруг обнаружил, что больше не затерян в безбрежности холмов и небес. Я был важной частью жизненного союза, заключенного между льяносами и рекою.

— Mira! Que suerte, tunas²⁰, — радостно воскликнула Ультима, указывая на созревшие красные плоды кактуса-нопаля. — Сбегай-ка, принеси немного, и мы подкрепимся ими в тенике у реки.

Я побежал к кактусам и набрал полную лопату сочных, полных семечками плодов. Потом мы уселись у реки, в тени аламос, и тщательно очистили плоды, потому что даже на кожице у них были пушистые участки, от которых щипало язык и пальцы.

Река была молчалива и задумчива. *Сила* ее следила за нами. И я вновь вспомнил о душе Лупито.

— Уже почти время отправляться на земли моих родичей из Эль Пуэрто на сбор урожая, — сказал я.

— Да, — кивнула Ультима и поглядела на юг.

— Ты знаешь кого-нибудь из моих дядей Луна? — спросил я.

— Конечно, дитя мое, — отвечала она, — твой дедушка и я — старые друзья. Я знаю его сыновей. Ведь я жила в Эль Пуэрто много лет назад...

— Ультима, — спросил я, — отчего они такие странные и тихие? И отчего род моего отца — такой шумный и буйный?

— В крови Луна заключена тишина, ибо только смиренный способен постигнуть тайны земли, необходимые для посевов. Они спокойны, под стать Луне. А в крови Маресов скрыта дикая воля, подобная океану, от которого ведут они свое имя, да просторы равнин, ставших им домом.

Помедлив, я сказал:

— Теперь мы пришли жить у реки, но остались рядом с равниной. Я люблю их обеих, и все же не принадлежу ни той, ни другой. Интересно, а какую жизнь предстоит избрать мне?

— Ах, hijito, — усмехнулась она, — не тревожь себя этими мыслями. Впереди много времени, чтобы обрести себя...

— Но я ведь расту, — сказал я. — И с каждым днем становлюсь старше.

— Правда, — отвечала она мягко, понимая, что с возрастом ко мне придет и выбор — стать священником по воле матери или жить по воле отца.

20 Посмотри! Какая удача! Плоды нопаля! (исп.)

Мы надолго замолкли, уйдя в воспоминания, которые разносил по верхушкам деревьев жалобный стон ветра. Лениво проплывал в тяжелом воздухе тополиный пух. Безмолвие взывало к нам, но не языком звуков, а пульсируя в такт, ритмичным биениям крови.

— Что это? — спросил я, ибо испугался.

— Это *сила* реки, — отвечала Ультима.

Я затаил дыхание и поглядел на гигантские перекрученные тополя, обступившие нас. Где-то вскрикнула птица, а с холма донесся звон колокольца. *Сила* была огромной, неодушевленной, однако пульсировала тайным знанием.

— Может ли она говорить? — спросил я, и потянулся поближе к Ультиме.

— Если слушать внимательно, — прошептала она.

— А ты можешь поговорить с ней? — спросил я, когда низкий, завораживающий звук долетел до нас.

— Да, дитя мое, — Ультима улыбнулась, и прикоснулась к моей голове. — Ты хочешь знать так много...

И *сила* пропала.

— Пойдем, пора двигаться к дому.

Она поднялась и с мешком на плече начала взбираться на холм. Я следом. Я знал — если она не отвечала на мой вопрос — значит, эта часть жизни еще не была готова раскрыться мне. Но перестал бояться *силы* речной.

Кружным путем мы стали возвращаться. По пути домой мы нашли немного мансанилы. Ультима рассказала мне, что когда родился мой брат Аeon, его мозжечок оказался вдавлен, и она исцелила его с помощью мансанилы.

Ультима рассказывала мне и о простых травах и снадобьях, что были у нас общими с индейцами Рио дель Норте. Она говорила о древних врачеваниях других народов, ацтеков и майя, и даже о людях Старого Света, о маврах. Но я не слушал — я думал о своих братьях: Леоне, Эндрю и Юджине.

Вернувшись домой, мы разложили растения на крыше курятника — сушиться на солнце. Сверху я наложил небольших камешков, чтоб травы не сдул ветер. Были растения, которых Ультима не могла добыть на равнине или у реки, но люди, приходившие к ней за помощью, приносили с собой в обмен травы и коренья. Особенно ценились растения, добытые с гор.

Закончив, мы зашли в дом поесть. Горячие бобы, приправленные чико и зеленым перцем, были очень вкусными. Я так проголодался, что съел целых три тортильи. Мать готовила вкусно, и есть было очень славно. Ультима порадовала ее рассказом о найденном нами эстрагоне.

— Пришло время урожая, — сказала мать, — пора отправляться на фермы братьев. Хуан прислал весточку — они нас ожидают.

Каждую осень мы отправлялись в паломничество к Эль Пуэрто, где жили мои дед и дяди. Там мы помогали собрать урожай, и забирали домой долю моей матери.

— Он передает, что выросло много кукурузы — а что за сладкая кукуруза у моих братьев! И еще — много красного перца в ристрас²¹, и

21 Снизки сушеного красного перца на Юго-Западе США обычно подвешивают снаружи у дверей дома (Прим. перев.)

фрукты — о! Яблоки Луна известны по всему штату! — Мать очень гордилась братьями, и, начав говорить, не могла остановиться. Ультима учтиво кивала, но я выскользнул из кухни.

К полудню день струился теплом, не ленивым и звенящим как в июле, а томным, как в конце августа. Я пошел к дому Хасона, и мы играли вместе весь остаток дня. Мы говорили о смерти Лупито, но я не рассказывал Хасону о том, что видел. Потом я сходил на реку, нарезать высокой, зеленой дикой люцерны, и отнес охапку домой, чтобы у кроликов был запас на несколько дней.

Ближе к вечеру на козьей тропе, посвистывая, показался отец, большими шагами приближаясь к дому. У него за спиной пылало солнце. Мы побежали навстречу. «Кабритос! — кричал он, — Кабронситос!» И поднимал Терезу и Дебору на плечи, а я шел рядом, неся его сумку с обедом.

После ужина мы всегда молились. Быстро мыли посуду, потом собирались в sala, где у матери стоял алтарь. У нее была чудесная статуя Девы Гвадалупской, почти в два фута высотой. На ней было длинное голубое покрывало, а стояла она на рогатой луне. В ногах располагались крылатые головки ангелов — детей Чистилища. На голове — венец, потому что была она царицей небесной. Кажется, никого не любил я сильнее Девы.

Все мы знали историю о том, как Дева явилась в Мексике маленькому мальчику-индейцу, и о чудесах, что она сотворила. Мать говорила, что Дева — святая нашей земли, и хотя существует немало других добрых святых, никого не любил я нежнее Девы. Нелегко было читать молитвы, потому что приходилось до самого конца выстаивать на коленях, но я не огорчился, потому что пока мать молилась, я не сводил глаз со статуи Девы. Начинало казаться, будто я гляжу на живого человека, мать Божью, последнюю надежду грешников.

Бог не всегда прощает. Он создал законы, которые нужно было блюсти, и кто нарушал их — он наказывал. Дева же прощала всегда.

Бог имел власть. Он молвил слово — и с небес отзывался гром.

Дева была полна нежной, тихой любовью.

Мать зажгла свечи для смуглой Богоматери, и мы преклонили колени.

— Верю в Господа Милостивого и Всемогущего, — начала она.

Он создал тебя. Он мог бы поразить тебя наповал. Ведь Бог направил руки, сразившие Лупито.

— Богородице Дево, радуйся.

Но Он был мощным мужем, а она — женщиной. Она могла пойти к Нему и вымолить прощение. Голос ее был нежен и сладок, и вместе с Сыном они могли умолить Отца сменить гнев на милость.

На одной из ног Девы краешек облупился, и показался белейший известняк. Душа ее не знала изъяна. Она родилась без греха. А мы все родились в грехе — грехе наших отцов, который Крещение и Конфирмация начали смывать. Но лишь в момент причастия — лишь когда мы, наконец, примем Бога в уста и проглотим Его — мы освободимся от этого греха и от адской кары.

Мать и Ультима пропели несколько молитв, часть обещанных в честь избавления моих братьев. Грустно было слышать их жалобные голоса в

освещенной свечами комнате, а когда молитвы закончились, мать поднялась, приложилась к ногам Девы и задула свечи. Мы вышли из зала, потирая застывшие колени. Дым от сгоревшего воска стоял в полумраке, словно куренье.

Я потащился наверх в свою комнату. Песня совы Ультимы быстро погрузила в сон, и навевала грезы.

Дева Гвадалупская, я слышал плач матери о возвращении сыновей.

Сыновья твои вернутся невредимы, слышался нежный голос.

Матерь Божья, сделай моего четвертого сына священником.

И я увидел, как Дева, набросив край ночного покрывала, и стоя на сияющей, рогатой осенней луне, погрузилась в скорбь о четвертом сыне.

«*Матерь Божья!*» — вскричал я во мраке, и тут почувствовал руку Ультимы на лбу, и смог заснуть снова.

ПЯТАЯ

— Антонио-о-о-о-о!

Я проснулся.

— Кто это?

— Антонио-о-о-о-о! Проснись! Здесь твой дядя Педро!

Я оделся и сбежал вниз. Сегодня настал день отъезда в Эль Пуэрто. Дядя Педро приехал за нами. Из всех моих родичей я любил его больше всех.

— Гей, Тони! — В его объятиях я взлетел до потолка, а его улыбка невредимо опустила меня на пол. — Готов собирать яблоки? — спросил он.

— Да, дядя, — отвечал я. Я любил дядю Педро, потому что был он самым простым. Остальные мои родичи были очень нежными и добрыми, но уж очень тихими. Всегда молчаливые. Мать говорила, будто общались они только с землей. По ее словам, они говорили с ней посредством прикосновений — своими руками. К речи они прибегали, главным образом, когда каждый из них шел ночью через поле и сад, и говорил с растениями.

Дядя Педро потерял жену задолго до моего рождения, и детей у него не было. Мне было с ним хорошо. И еще — из всех моих дядей отец мог говорить только с дядей Педро.

— Антонио, — позвала мать, — Поспеш и покорми живность! Проверь, чтоб у всех было вдоволь воды! Ты знаешь — отец забудет, пока мы в отъезде! Я проглотил овсянку, которую она мне сварила, и выбежал кормить живность.

— Дебора! — позвала мать. — Собраны ли сумки? Готова ли Тереза? Хотя Эль Пуэрто была всего в десяти милях вниз по реке, то было единственное путешествие, которое мы совершали, и для нее оно много значило. То был единственный раз в году, когда она бывала со своими братьями, и там она снова становилась Луна.

Мой дядя Педро погрузил сумки на свой грузовичок, пока мать бегала кругом, обнаруживая сотню вещей, которые, она была уверена, отец забудет сделать, пока мы в отъезде. Конечно, волноваться было не о чем, но такая уж она была.

— *Vamos! Vamos!*²² — звал меня дядя, и мы погрузились. То было в

первый раз, что Ультима отправилась с нами. Мы сидели тихо в хвосте грузовичка, с сумками, и не раскрывали рта. Я был слишком возбужден, чтобы говорить.

Грузовичок покатился по козьей тропе, через мост и понесся на юг к Эль Пуэрто. Я пристально смотрел на все, что оставалось позади. Мы миновали дом Розы; сразу у края скалы стояла молодая женщина, развешивая на веревке яркую одежду. Вскоре она пропала в облаке пыли, поднятой грузовичком. Мы проехали церковь и перекрестились, затем миновали мост Эль Рито, и вдалеке у реки видно было зеленоватую воду плотины.

Воздух был свежим, а солнце ярким. Дорога вилась вдоль края реки. Порой она врезалась в скалы плоскогорий, поднимавшихся над долиной, и река оказывалась далеко внизу. В пути было много интересного, но прежде чем начаться, все уже закончилось. Я услышал радостный крик матери из кабины грузовичка.

— Вон! Вон Эль Пуэрто де лос Лунас! — Дорога спускалась в долину, открывая мирные домики деревеньки из кирпича-адоба. — Вон! Вон церковь, где меня крестили!

Пыльная дорога вела мимо церкви, потом мимо бара Тенорио, к груде мазанок с поржавевшими жестяными крышами. Перед каждым домиком был маленький цветник, а сзади — загон для скота. Несколько собак бросилось на машину, перед одним домиком играли две маленькие девочки, а так — все в деревне было безлюдно: мужчины работали на полях.

В конце пыльной дороги стоял дом деда. Позади него дорога ныряла к мосту через реку. Дом моего деда был самый большой в деревне, и по праву, потому что в конце концов деревня в основном состояла из родичей Луна. Первая наша остановка была здесь. Немыслимо было, чтобы мы отправились куда-то еще, не повидав его. Позже мы пойдем, чтобы поселиться у дяди Хуана, потому что был черед его семьи принимать семью матери, и его честь пострадала бы, откажи она ему в этом; пока же нам следовало поприветствовать нашего деда.

— Ведите себя прилично, — предупредила мать, пока мы спускались. Дядя шел впереди, мы следом. В прохладной, затемненной комнате в глубине дома сидел и ждал мой дед. Его звали Пруденсио. Он был стар, бородат, но когда говорил или двигался, я ощущал достоинство и мудрость его преклонных лет.

— Ай, папа, — вскричала мать, заведя его. Она бросилась в его объятия и плакала от радости, уткнувшись ему в плечо. Этого следовало ждать; и мы тихо ждали, пока она не выскажет, как счастлива его видеть. Затем настал черед наших приветствий. По очереди мы подходили, брали его древнюю, мозолистую руку в свою и здоровались. Наконец, его приветствовала Ультима.

— Пруденсио, — просто сказала она, и они обнялись.

— Славно видеть тебя снова у нас, Ультима. Добро пожаловать, наш дом — твой дом. Он сказал так, потому что двое моих родичей пристроили свои жилища к его дому, так что изначальный дом превратился в многосемейный, в котором жили много моих дядей.

— Как Габриэль? — спросил он.

— Хорошо, и шлет вам привет, — отвечала мать.

— А твои дети — Леон, Андрес, Эухенио?

— Пишут — у них все хорошо. — а в глазах ее стояли слезы. — Но почти ежедневно звонит колокол по погибшему на войне...

— Доверься Богу, дитя мое, — сказал мой дед и прижал ее к себе. — Он возвратит их тебе невредимыми. Война ужасна, войны всегда были такими. Отнимают мальчиков от полей и садов, где им место, вручают ружья и велят убивать друг друга. Это против воли Божьей. — Он качал головой и хмурил брови. Мне казалось — так должен выглядеть Бог, когда гневается.

— И... ты слышал о Лупито, — сказала мать.

— Беда. Печальное дело, — кивнул дед. — Эта война, германская да японская, коснулась нас всех. Дотянулась она и до Вайе де лос Лунас, мы только что схоронили одного из сыновей Эстевана Сантоса. Много зла бродит по дорогам мира... — Они пошли на кухню, где выпьют кофе со сладкими хлебцами, пока не придет пора идти к дяде Хуану.

Нам всегда было славно бывать в Эль Пуэрто. То был мир людей счастливых, работавших и живших взаимопомощью. Спелый урожай, вздымаясь у мазанок, придавал смысл и красочность песням женщин. Зеленый перец поджаривали и высушивали, а красный связывали в яркие снизки-ристрас. Высоко громоздились яблоки, одни отдавали свой аромат воздуху оттуда, где сохли на солнце, на плоских крышах, а другие — пузырясь джемом и повидлом. Ночами мы сидели вокруг очага и ели печеные яблоки, присыпанные сахаром и корицей, и слушали сказки-куэнтос, старинные народные легенды.

Поздно ночью сон уводил нас от сказок в уютные постели.

— Этот подает надежду, — слышал я слова дяди Хуана, обращенные к матери. Я знал, что говорит он обо мне.

— Ай, Хуан, — прошептала мать, — я молюсь, чтобы он принял обет, чтобы священник вернулся и правил родом Лунас.

— Увидим, — сказал дядя. — После первого причастия пришли его к нам. Пусть останется на лето. Ему следует познать наш обычай — прежде чем пропадет, как другие...

Я знал, что речь идет о трех моих братьях.

За рекой в роще плясали ведьмы. В виде огненных шаров они плясали вместе с Дьяволом.

Холодный ветер дул вокруг углов домиков, гнездившихся в ночной долине, грустя, напевая о древней крови, к которой я был причастен.

Тут закричала сова, и запела для миллионов звезд, усеявших темную синеву небес — покров Девы. Все было под присмотром, все охвачено заботой. И я уснул.

(Продолжение следует)

Нэнси Спрингер Осенний туман²³

Сильвия стоит у некрашеной рамы окна своей новой кухни, глядя на отдаленный лес, когда ее брат вваливается приготовить себе кофе. Он занимается строительством и предоставил ей с мужем большую скидку

при покупке этого просторного коттеджа. Она ценит его доброту: жилье в первых домах на новом месте не так-то легко заполучить.

Но единственное, что она может видеть на вершине голого, оскальпированного холма, — это дома, дома, дома со всех сторон. Только из одного окна видны деревья.

— Привет, сестрица!

— Привет, Бад. — Сильвии не хочется отрывать взгляд от верхушек деревьев, пламенеющих вдалеке. Осенняя дымка поднимается над ними, и, возможно, от сияния самих осенних листьев эта дымка источает такой же золотистый свет, что и деревья; кажется, что она состоит из той же материи, что и лес, некое излучение, исходящее от осеннего леса, душа, которая покидает свою угасающую обитель.

— Куда ты смотришь?

Не оборачиваясь, она указывает Бад на сверкающую золотисто-серую дымку. Брат тут же оживляется:

— Должно быть, она поднимается от ручья, там, внизу, в овраге Пайнтер Вэлли.

Он охотно достает карту, чтобы продемонстрировать ей. Бад обожает свои карты и всегда таскает их с собой; он заранее намечает маршруты отпусков и служебных поездок; кажется, что и путь к успеху в жизни прочерчен в его сознании, как на схеме.

— Восемьсот двадцать семь акров, совершенно свободных! — с энтузиазмом втолковывает он Сильвии. — Я как раз сейчас веду переговоры об их покупке.

Он вырубил эти деревья... Сильвия безмолвно смотрит на бумагу, будучи не в силах произнести ни звука, хотя душу наполняет протест. Леса там не отмечены, как будто карта не придает им никакого значения. Белое пятно на месте Пайнтер Вэлли окружено змеиными извивами дорог. Тонкая голубая безымянная линия пересекает эту слепую пустоту.

— Бегущий Красный Лис. — Бад подсказывает название ручья. — Я хочу поставить там несколько многоквартирных домов и назвать это место «Пристанище Бегущего Лиса» — как думаешь? Ручей загнать в трубу, может, устроить маленький рынок на площади и несколько небольших складов втиснуть.

Сильвия чувствует, как ей сдавило грудь. Всю свою жизнь она слышала гораздо яснее, чем большинство людей, гулкие отголоски прошлого в названиях, ставших пустыми и обманчивыми: Выдровая Река (где уже сотню лет не резвятся выдры), Орлиная Гряда (где больше не летают орлы), Бобровая Запруда (где бобры уже не построят свои плотины, чтобы затопить наступающий мир кегельбанов и типовых закусовых), Лосиный Соляной Заповедник (куда давно не забредал ни один лось полизать соленую глину). Тем не менее, будучи женщиной молодой и вполне современной, она принимала как должное, что волки, рыси и медведи — существа уже почти вымершие в ее перенаселенном штате на востоке страны, и что большая часть все еще уцелевшей дикой живности уничтожается или вытесняется с привычных мест обитания. Эти животные присутствуют где-то на периферии бытия и попадают теперь разве что на декоративных предметах, которыми принято украшать дома.

Но когда собственный брат ради заработка сравнивает все с землей, а затем называет застроенный район поселком Ястребиный Холм (где ни один ястреб уже не будет кружить) или Приют Бегущего Лиса (где не

найти прибежища лисицам), — это отдается в ее сердце эхом давно отзвучавшего волчьего воя, совиного уханья и орлиного клекота.

Бад всегда был таким. Ни тени сомнения. Нужен по меньшей мере бульдозер, чтобы своротить его с выбранного пути. К тому же она ничего плохого сказать о нем не может — он всегда был ей хорошим братом.

Тогда сдержанно и напряженно, оттого что ей сдавило грудь и гортань, Сильвия говорит:

— Почему здесь ничего не строили раньше?

Бад пожимает плечами.

— Не удавалось расчистить это место. Для фермы тут слишком крутые склоны. Впрочем, мне без разницы. У нас техника, перекопаем.

Он усмехается.

— Здесь никогда не было фермы? Я думала — может, это название долины сохранилось от прежних владельцев.

Хотя она не знала никого в округе по фамилии Пайнтер.

Бад смотрит на нее равнодушно; ему наплевать, откуда получил свое имя овраг Пайнтер Вэлли и вообще откуда берутся географические названия, кроме таких шикарно звучащих, которые помогают продавать его новостройки. Он проглатывает остаток кофе и отправляется по своим делам. Сильвия замороженно смотрит из окна на осеннюю дымку, что испаряется и исчезает, как и вся дикая природа.

К черту список поручений. К черту поиски работы, да и нераспакованные коробки могут подождать еще денек. Скоро эти далекие верхушки деревьев исчезнут, но сейчас они ярко сверкают, как желтые волчьи глаза; стоит великолепное янтарное бабье лето, а джинсы и туристские ботинки ожидают в стенном шкафу спальни.

Несколько минут на переодевание, и Сильвия отправляется на осмотр Пайнтер Вэлли, прежде чем брат успеет уничтожить эту долину.

Получасовой поиск подходящей дороги результата не принес. Ни следа подъезда, ни намек на парковку. Ближе всего проходит дорога, которая огибает поселок Ястребиный Холм и тянется вдоль неровного края оврага несколько сотен ярдов, а затем сворачивает в сторону. Высокие деревья подступают к дороге с одной стороны. Пренебрегая осторожностью, Сильвия ставит автомобиль на противоположной обочине. Не похоже, чтобы в этом пустынном пригороде наблюдалось оживленное движение. Возможно, никто, проезжая, не заденет машину.

Она решительно поворачивается спиной к автомобилю и вступает в таинственный лес.

Вниз, вниз, вниз по крутому склону, меж валунов и упавших стволов, через густые заросли ежевики; где-то светит солнце, но здесь, среди неясных очертаний коричнево-серых стволов, царство сумрака. Земля, воздух, небо — все перемешано; пятна теней и пестрое конфетти опавшей листвы скрывают тропинки. Сильвия спотыкается об извилистый корень, прячущийся под ворохом листвы, и едва успевает ухватиться за шершавый ствол дерева. Грубая поверхность обжигает руку мгновенной болью. Над головой громко каркают вороны.

— Замолчите, вороны, — недовольно говорит Сильвия. Она любит не только созерцать верхушки деревьев. Каждую встреченную кошку она дружески приветствует и спрашивает: «Как поживаете?». Она разговаривает с животными и картинами, и иногда сама с собой. Углубляясь в долину Пайнтер Вэлли, Сильвия напоминает себе, что нужно вести себя тихо, если хочешь увидеть оленя. Но вороны не

унимаются: «Чужак! Чужак!» Возмущенная белка на стволе огромного дуба громко выражает свое негодование, и Сильвия отказывается от попытки соблюдать тишину. «Раскричалась тоже, — ворчит она на белку. — Тише, тише».

В вышине шумят деревья, огромные стволы раскачиваются, словно под порывами урагана — неужели так ветрено? Сильвия что-то не заметила... Совсем рядом деревья стонут и скрежещут, будто кто-то ногтями проводит по грифельной доске, это заставляет ее вздрогнуть и отступить назад. В следующее мгновение сухая ветка трещит и ломается, глухо обрушиваясь на суглинок прямо перед ее носом. Ветка поросла темно-желтыми, цвета буйволиной кожи грибами, и Сильвия отдергивает руку. Она дрожит, но начинает сердиться: у Пайнтер Вэлли нет причин, чтобы так с ней поступать! Но когда она вспоминает о Баде, о его картах и планах, то не в силах больше злиться на обреченный лес.

— Послушай, — говорит она мягко. — Это не он. Это только я. Сильвия Верити Дюбуа²⁴.

Как обычно, представляясь, она произносит свое полное имя, которое ей очень нравится. До нее мать была Сильвия Верити, и бабушка, и прабабушка, и, возможно, пра-пра-... и так дальше, вглубь веков.

Ветер замирает, утихает шум деревьев и беличье стрекотание. Даже вороны замолкают.

— Я — Сильвия, — повторяет она, потому что это имя дает ей возможность ощутить самое себя, утраченное в повседневной жизни, в мире микроволновок.

— Я — Сильвия. Я никогда не причиню тебе зла.

Медленно, нерешительно, осторожно лесная глушь принимает ее, пропуская внутрь и открывая ей свои секреты.

Сильвия спускается по склону холма, покрытому сосновой хвоей, словно желто-серым мехом, находит ручей Бегущего Красного Лиса на дне оврага, и размышляет, водятся ли еще в этих местах лисы, затем видит на берегу длиннопалые следы енота, что вселяет надежду. Она обнаруживает ложбинку с пожухшими папоротниками, видит следы оленьих рогов на молодых кленах; она дотрагивается до тяжелых, как виноградные грозди, кистей бузины. Повсюду видны грибы: белые, как облатка церковного причастия, красные, как восковые свечи, оранжевые и светящиеся, как маленькие осенние луны.

Неожиданно она выбирается на полянку, где между ярко-красных стеблей свисают кирпично-бурые лисьи хвосты сумаха, где семена осыпаются с некошеной, по пояс, травы. В небе парит ястреб, и его ореховые крылья поблескивают в лучах солнца.

Она отыскивает местечки, где из мшистого склона пробиваются на свет ключи, где по весне — почему-то Сильвия в этом уверена — расцветут перелески и горечавки. Эти леса роскошны. Родники не упрятаны в трубы, ни развалин ферм, ни угрюмых амбаров не заметно на дне долины Пайнтер Вэлли, ни канавы, ни мельничные протоки не обезображивают ручей Бегущий Красный Лис. Дубы, вязы, каштаны стоят огромные, первозданные. Люди никогда не обитали в этих местах. Здесь действительно еще могут водиться лисы. Даже более крупный неведомый хищник, может неслышно красться где-то в зарослях Пайнтер Вэлли.

24 Сильвия (лат.) — лесная, Буа (Bois) (франц.) — лес.

Со всех сторон щебечут и перекликаются певчие птицы. Куда-то торопится бурундук. Все находится в непрерывном движении: порхают птицы, колыхается листва, снуют юркие белки и нежно ласкается теплый ветерок, — частицы жизни, света, движения, тайны... Сильвии чудится, что иногда она видит вдалеке еще какое-то неясное движение, то с одной стороны, то с другой, что-то сероватое, как прибрежная галька, или рыжеватое, или желтовато-коричневое, как охра, что-то темное, как сам лес, всегда краем глаза, нечто противоестественно молчаливое среди шуршащих осенних листьев. В надежде увидеть лису девушка часто озирается. Но рыжего меха нигде не видать. Каждый раз тень исчезает в хороводе листьев и солнечного света.

Сильвия не боится. Она до боли счастлива и польщена вниманием таинственного хозяина: он не показывается на глаза, ускользает от сознания, пугливый и робкий, как ребенок, которым когда-то была она сама.

К вечеру, вернувшись к машине, Сильвия замечает, что стало пасмурно. С серого неба слабо доносятся тоскливые голоса диких гусей. «Про-о-очь, про-о-очь! — чудится в этих протяжных криках, — про-о-очь, скоро все будет ко-о-ончено, навсегда кончено, *навсегда* ...» На придорожной лозе она обнаруживает расцвеченные осенью горько-сладкие ягоды. Повсюду осень, горько-сладкая осень в мире дикой природы.

— Я попытаюсь, — шепчет она оврагу Пайнтер Вэлли, чему-то таинственному, бесплотному, как туман, — Может быть, что и удастся сделать.

Утра ждать не стоит — как бы не потерять решимость. Она возвращается домой, кормит мужа (этот стерильный воздух нового дома, гладкость кнопок и пластиковые упаковки сушат ее кожу и душу) и отправляется к Бад.

— Ты когда-нибудь был в этих лесах?

— А?

— Пайнтер Вэлли! Ты сам туда когда-нибудь ездил?

— Зачем? Я и по карте все вижу.

— Бад, ты не можешь сравнить с землей это место!

— Что ты имеешь в виду: я не могу?

— Ты просто не можешь!

Целый час, пытаясь унять порой охватывающую ее дрожь, Сильвия повторяла то же самое на разные лады, не в силах объяснить понятнее, но не давая перебить себя. Бад посмеивается, пытается уговаривать, спорит, а затем прекращает разговор. Как обычно: неизменно вежливый, он никогда на самом деле не слушает. Сильвия думает, что же предпринять: развернуть широкую кампанию, разослать письма в газеты, выставить пикеты? Нет. Слишком молода, почти ребенок, и нет сил для ссоры с Бадом. Надо как-то убедить его согласиться.

— Поедем завтра вместе, — просит она, — и ты сам увидишь.

— Да ладно тебе, сестренка! Чепуху какую-то несешь.

— Бад!

— У меня расписаны дела на весь день. И ближайшую неделю, и ближайший месяц.

— Бад, ну *пожалуйста* !

На следующее утро, выпив кофе, Бад ловит взгляд неотступно следящих за ним глаз и неожиданно сдается. «А, какого черта!» За окном

стоит еще один осенний день, и дымка поднимается в лучах солнца. «Показывай дорогу, сестрица. Пошли, посмотрим на этот твой проклятый лес».

Пройдя первую часть склона, Бад говорит необычно тихо: — Мрачновато здесь.

Несмотря на солнечный свет и карнавальную яркость листьев сассафраса, в тени высоких сосен воздух неподвижен. Ничто не шелохнется, отовсюду доносятся странные заунывные крики птиц. Бад напряженно оглядывается по сторонам и спотыкается о гнилое бревно, в трещинах которого угнездились рыже-бурые грибы. Какой-то мелкий грызун взвизгивает и кидается наутек, заставив Бада подпрыгнуть от неожиданности. Прямо перед носом свешиваются багрово-красные листья ниссы; что-то резко захлестывает ветку, и кровь застывает в жилах: змея.

Бад шарахается с хриплым воплем. Голова пресмыкающегося покачивается всего в нескольких дюймах от его собственной.

— Прекрати это! — приказывает Сильвия лесу. — Он мой брат.

Змея медленно вытягивается назад. Листья шевелятся, бормоча и шушукаясь, хотя никакого ветра нет.

Смягчаясь, Сильвия говорит Пайнтер Вэлли:

— Я хочу показать ему, как ты прекрасна. Я хочу, чтобы он увидел, чтоб понял.

Змея исчезает, растворяясь в опавшей листве. Птичьи крики рассеиваются в нависающей тишине. Пайнтер Вэлли угрюмо пропускает путников в себя.

Краем глаза Бад следит за сестрой, будто сомневается в нормальности ее рассудка, говорит мало и вряд ли действительно понимает, что ему показывают: багряник на склоне холма, роняющий пурпурно-винные стручки; поляна, где метелки высокой травы свисают рыжими мохнатыми хвостами; ручей, где в глубоких заводях между камнями играют пятнистые форели.

— Прозрачный, чистый, неоскверненный источник, — говорит она с горечью, — и ты хочешь замуровать его в трубу?

— Хорошо, — соглашается он, — может быть я и не буду его хоронить. Может быть, я сделаю запруду и устрою тут озеро. Парусные гонки, водные лыжи. И назову это место Озерная Терраса.

Внизу, у ручья мелькнула тень — возможно, выдра? Или норка? Или лисица с выводком? И мысленно Сильвия умоляет: Рыжий Лис, Рыжий Лис, беги. Беги прочь, найди себе другое убежище. Другую долину, где мой брат позволит тебе остаться в живых. И лес глухо бормочет и шелестит, хотя ветер не колышет деревья.

Сильвия кричит:

— Бад, ты ничего с этим не можешь сделать! Взгляни на это место! Здесь нет ни одной мусорной свалки, даже ни одной пивной банки! У любой деревенщины хватило бы ума оставить Пайнтер Вэлли в покое, а ты...

Он перебивает:

— Я добьюсь своего и никто мне не указ! — Его сжатые челюсти свидетельствуют о непоколебимой уверенности. — По правде говоря, сестричка, мне не нравится это место. Аж мурашки по коже бегут. Я не собираюсь тянуть: лучше покончить с ним побыстрее.

Верхушки громадных деревьев дрогнули и зарокотали, как при

ураганном ветре. Однако никакого ветра вообще не было, а Пайнтер Вэлли шумела как в бурю.

— Пошли отсюда, — жестко говорит Бад. Но на обратном пути он то и дело вздрагивает и озирается.

— Что это было? Мне кажется, я заметил какое-то движение.

Сильвия ничего не видит, ничего и не ожидает увидеть там, где мгновение назад стояла туманная тень. Но она знает, что этот рокот, беспредельный, как осенний мир, вызван не шумом листьев под порывами ветра.

Кажется, он исходит отовсюду и ниоткуда — от плодородной шоколадной земли, от этих древних камней на откосах, от запорошенного листьями неба, громяхая будто вдалеке, ревя всей глоткой вблизи и сотрясая мир, как несущиеся в панике призраки десяти тысяч бизонов, удаляясь, но не затихая. Кажется, что у этого звука нет ни конца, ни начала, он слишком огромен, чтобы назвать его голосом.

Но тут Пайнтер Вэлли заговорила.

Высоко над головой раздался пронзительный визг, словно призыв к дьявольскому шабашу. Издалека донеслись рыдания, вопль женщины, покинутой любовником-демоном. Поблизости что-то вздыхало и причитало, словно брошенный умирать ребенок.

Вад стоит бледный и дрожащий, не в силах бежать; куда бы он ни повернулся, со всех сторон его встречает невыносимый, неземной крик.

— Пожалуйста, — Сильвия умоляет Пайнтер Вэлли, — пожалуйста, не причиняй ему зла. Он мой брат. Я постараюсь как-нибудь его образумить, обещаю тебе.

Она берет Бада за руку.

— Я — Сильвия, — она переходит на шепот, заклиная неведомой силой своего имени-талисмана, и тянет брата вверх по склону холма, прочь из глубины оврага; скорбные крики отступают перед ними, а затем обрываются с яростным ворчливым рыком.

В машине брат и сестра не разговаривают и не смотрят друг на друга. Бад отделался лишь ушибом руки. Но на следующее утро, допивая кофе, он снова полон негодования и грандиозных планов.

— Это какая-то треклятая птица издавала все эти звуки. Я уничтожу их. Отравлю этих тварей.

— Бад, выбрось это из головы. Ты не вернешься туда.

Стоя у окна на кухне и глядя на лес, Сильвия говорит без горячности, со спокойной уверенностью.

— Конечно, не вернусь. Я запущу команду моих ребят с ружьями, — заявляет Бад. — Ружья и охотничьи собаки. Или зашлю туда какого-нибудь чертова священника, если это то что там требуется! Я...

— Говорю тебе, забудь об этом, — прерывает его Сильвия, мягко, но раздраженно. — Иди сюда. Взгляни.

Он становится рядом с ней, глядя на отдаленные верхушки деревьев, на туман, поднимающийся над Пайнтер Вэлли.

Рыжевато-желтый, кремово-коричневатый, нечеткий в золотистом утреннем свете, он лежит на вершине своих владений, его длинный, толстый и пушистый хвост оборачивается вокруг неподвижных задних лап, передние расслаблены и мягки, когти втянуты, но уж точно не коротки. Оживая, он может двигаться по своей долине тихо и бесшумно, как призрак, или мчаться быстрее лесного пожара. Он может перемахнуть расстояние вчетверо больше длины своего тела, тащить

добычу вчетверо тяжелее себя, убить взрослого оленя одним ударом и закинуть тушу на дерево. Сейчас он вспоминает бурю, соперников, наводнение, людей, ранение, людей и их ружья, людей... Загнанный в угол, он снова находится перед лицом этой смертельной угрозы. Из первобытной дали он поднимает раскосую морду, демонстрируя зубы в беззвучном рыке. Сильвия наблюдает за этими узкими, лиственочно-желтыми глазами, влажной пастью и блеснувшими белой вспышкой клыками.

— Видишь? — говорит она Бад.

Тот видит, хотя еще не готов признать этого. И, заикаясь, произносит: «Я н-не — н-не могу — что это за чертовщина?»

— Местные жители звали их «пайнтерами», — поясняет Сильвия, — или пантерами. — Она мечтательно перечисляет множество других имен: — а еще пума, кугуар, королевский кот, горный ревун, катамаунт, серебряный лев, горный лев. Но обычно пайнтер. Понимаешь?

— Ты хочешь сказать, что здесь внизу водятся горные львы? — шипит Бад.

— Один, я полагаю. Один большой горный лев. Но не такой, которого можно было бы убить из ружья.

Молчание. Туман свивается в воронку и исчезает в лучах солнца, ярких, как осенняя листва.

— Я ничего не видел, — угрюмо бурчит Бад.

— Конечно нет. Так ты оставишь Пайнтер Вэлли в покое?

Не отвечая, он поворачивается и выходит из кухни. По пути он вытаскивает из кармана рубашки карту и швыряет ее в мусорное ведро.

Сильвия следит за ним с печальной улыбкой, затем начинает упаковывать вещи. Теперь сомнений нет. Она — Сильвия Верити Дюбуа, повелительница леса — неважно, сколько минуло поколений с тех пор, как ей поклонялись, — лесная богиня не может жить на верхушке плешивого холма, где не кружат ястребы и вырублены деревья.

Она неторопливо собирает вещи, и ее глаза смотрят куда-то вдаль, очень древние, очень мудрые, мягкие и глубокие глаза цвета осенней дымки.

Пол ди Филиппо Верите ли вы в чудо?²⁵

Это, вероятно, худший день моей жизни, дружище!

Семь часов утра, и я крепко и мирно сплю, проведя большую часть ночи за написанием рецензии для престижного журнала «Мэгнетик Моумент» на какую-то сверхмультимедийную дрянь, присланную Поп-Маркетплейс, — сейчас не помню, на какую именно: вся эта новая музыка звучит одинаково. Ложась спать, я не собирался вставать до полудня. Но мои блаженные грезы о днях иных разбиты вдребезги скрежетом, вслед за которым что-то брякнулось на пол.

Итак, едва мне удастся высвободиться из объятий покрывал «Уют» — я, как всегда, метался во сне, — я с трудом осознаю, что сегодня тот день, когда мне приносят продукты из бакалейной лавки. Мальчишка из

магазина только что втолкнул ящик через специальную дверцу, которая тяжело хлопнула: пневматический замок сломан.

Разбуженный всем этим, я не могу вновь уснуть и решаю встать. Внезапно меня начинает интересовать, что прислали из магазина — следовало бы разобрать ящик.

Встаю со своего старого, испятнанного временем матраса, лежащего на полу. Надеваю чистые джинсы и свитер, которые, выстирав вчера, повесил сушить на веревку на всю ночь. Они еще сырые и липкие и облепляют меня, как водоросли. Это только начало. Я выглядываю в Иллюминатор, чтобы определить погоду, хотя, как и обычно, не собираюсь выходить. (Все окна комнаты закрашены черным. Иллюминатор — та область в верхней части одного из них, откуда краска осыпалась.) Панорама, открывшаяся таким образом — клочок неба и несколько квадратных футов стены. На улице пасмурно, местами кирпично — почти как всегда.

Я плетусь босиком к ящику с провизией. Ух ты, тяжелый, зараза! Понятия не имею, где они раздобыли все эти консервы для меня. В последнее время они особо не баловали меня ассортиментом. (Не переносу на дух эти новые пластиковые банки. Либо алюминий и жесть, — либо я отказываюсь принимать пищу!) Подумай только — пластиковые банки! Конец света... К сожалению, местные продукты больше не запечатывают в жесть. Поэтому я вынужден питаться импортными, ввозимыми из стран, где традиции более сильны (можно, конечно, считать их отсталыми), а именно: португальскими и норвежскими сардинами, уэльскими пирогами с мясом, испанским осьминогом, итальянским скунгилли, северокарейской шар-рыбой²⁶, частями тела нигерийской гиены, лапками бирманских ящериц, побегами китайского бамбука — меня уже тошнит от этой экзотики.

Мне не терпится поскорее узнать, что принесли в этот раз. В полумраке я подхожу с коробкой к старому деревянному столу и тяжело опускаю ее.

Слышится душераздирающий ХРУСТ! Слишком поздно. Я понимаю, что наделал. Быстро хватаю ящик со стола и ставлю его на стул. Тихий стон срывается с моих губ:

— О-ох!

Я дергаю за цепочку и включаю голую лампочку над столом, надеясь, что ничего страшного не произошло, в виниловые осколки сейчас превратилась всего лишь какая-то чепуха, вроде пятьдесят пятого альбома Лайонела Ричи²⁷.

Не тут-то было! Со мной вечно так.

Это настоящий шедевр, выпущенный 30 лет назад, уникальное издание, самый первый альбом из купленных мною, краеугольный камень безвозвратно ушедшего десятилетия, отправная точка моей жизни... И все это теперь безвозвратно разбито на осколки, что полоснули меня по самому сердцу: пластинка группы «Lovin' Spoonful»²⁸ «Верите ли вы в

26 Шар — рыба из семейства иглобрюхих.

27 Лайонел Ричи — американский поп-певец (в прошлом — участник группы Коммодорес).

28 «Лавинг Спунфул» — созд. в 1964 г. в США. «Do you believe in Magic?» — их дебютный альбом. Современники охарактеризовали стиль группы как «музыку для

чудо?»

Я слушал этот альбом прошлой ночью, чтобы вознаградить себя за мучения и очистить слух от той дребедени, на которую мне пришлось писать рецензии. Я снял ее с проигрывателя и, ощутив специфический позыв, забыл положить обратно в конверт. Облегчившись, я упал в постель. Беззащитная пластинка пролежала всю ночь ничком на столе, обреченно ожидая своей участи...

Обрушиваюсь на стул. Просто невозможно поверить. Тридцать лет она существовала и приносила счастье, хранилась как зеница ока, — и надо же было ее упаковкой скунгилли!.. В этот момент вся еда мне ненавистна. Впору переключиться на пластиковые банки...

Я в оцепенении гляжу на бессмысленные останки. Даже бумажная этикетка изуродована. На ней желтый фон, красные лучи, зеленое индийское божество с тремя лицами и четырьмя руками — эмблема фирмы грамзаписи «Кама Сутра», диски которой распространяются «Эм Джи Эм». Представить себе: ни единой царапины, ни единого отпечатка пальцев на всей пластинке. Было так приятно держать ее в руках, такую плотную и тяжелую, в отличие от сегодняшних жалких пластиночек... Она могла просуществовать еще сто лет!

Я смотрю в другой конец комнаты, где лежат ничем не украшенный бумажный (а не пластиковый) внутренний конверт и картонная обложка диска. Из-под названия пластинки, написанного старомодным шрифтом, выглядывают и дразнят меня ухмыляющиеся лица Джона, Зэла, Джо и Стива. (Забавно, когда-то именно этот стиль называли «модерн». Но так уж повелось: сегодняшний модерн завтра превращается в ретро...). Особенно едок взгляд Джона, держащегося двумя пальцами за проволочную дужку своих очков... Внезапно со мной происходит что-то вроде припадка, даже вздохнуть не могу. Встав, я плетусь к фарфоровой раковине в ржавых пятнах, сую голову под кран и включаю холодную воду. Это немножко помогает.

Проклятие! ЭТОТ АЛЬБОМ БЫЛ СРЕДОТОЧИЕМ МОЕЙ ЖИЗНИ! МНЕ БЫЛО ШЕСТНАДЦАТЬ, КОГДА Я КУПИЛ ЕГО! ТА МУЗЫКА БЫЛА ПРЕКРАСНА! БЕЗ НЕЕ МНЕ НЕ ЖИТЬ!

Тут я осознаю, что реву в голос. К счастью, мои соседи — кем бы они ни были — привыкли к исходящему из моей квартиры шуму. Во всяком случае, похоже на то. Никто уже тысячу лет не жаловался. Несомненно, что если кто и слышал, как я тут беснуюсь, то, скорее всего, принял это за очередную запись. Внезапно на меня снисходит озарение: пора действовать! Я должен покинуть свое жилище, и обрести еще один экземпляр этой пластинки, воспроизведение оригинала. Я действительно не могу жить без нее. Вся жизнь моя — случайное собрание осязательных примет и звуковых символов. Изъять один из них — значит исказить всю музыкальную мозаику.

Картина Мироздания должна быть воссоздана!

Я уже полон энергии и отправляюсь во Вселенский Поиск!

Вытаскиваю кеды из-под груды одежды, надеваю их на босу ногу и завязываю шнурки. Теперь погода за Иллюминатором обретает более существенное значение. Я снова выглядываю. М-да... Лучше надеть куртку. Выудив несколько банкнот из жестянки, где у меня хранятся

вечеринок».

деньги и необналиченные чеки, засовываю их в карман куртки. Направляюсь к двери и останавливаюсь. Уже двадцать лет я не выходил за порог своей квартиры. Наверное, в последний раз это случилось где-то в 1972 году. Но увидев, что дела пошли в худшую сторону, я забился в нору. Половину этого срока у меня не было посетителей. Я связан с миром почтой, телефонными линиями и коаксиальными кабелями. Даже не уверен, существует ли этот мир вообще в каком-либо ином воплощении, чем те записи, которые я получаю для рецензирования.

Меня охватывает дрожь. НЕ ХОЧУ ТУДА ВЫХОДИТЬ!

Пытаюсь зацепиться хоть за какой-то признак уюта в своем жилище. Кругом беспорядочные груды книг, в основном о музыке, сломанный телевизор, не работавший со смерти Дика Кларка. Залежи аудио-оборудования: колонки разных видов, усилители, эквалайзеры²⁹ и проигрыватели для пластинок и компакт-дисков и магнитофоны для цифровых аудиокассет, обыкновенные кассетники и различные пульты дистанционного управления. А вот старое пишущее устройство, при помощи которого я строчу свои статьи для «Мэгнетик Моумент» и других изданий, которые отправляю по электронной почте. Затем, естественно, моя коллекция записей: приблизительно шесть тысяч долгоиграющих пластинок и столько же сорокопяток. Они с любовью расставлены по стеллажам, старейшие же из них защищены пластиковыми конвертами. Среди них — серия концертных записей Спрингстина³⁰ с 1985 по 1995 год из пяти пластинок, впрочем, в этом формате десятитысячный тираж так и не разошелся. Компакты и цифровые кассеты, которые получаю, я не собираю, за исключением переизданий недостающих у меня записей старых групп. В противном случае выбрасываю все в вентиляционную шахту в ванной. Наверное, я забил ее до второго этажа.

Вид моих владений придает мне силы. Я должен выстоять в этих испытаниях, хотя бы для того, чтобы сохранить все это в неприкосновенности. Мне невыносима мысль о том, что после моей смерти неизвестно кто войдет и погубит эту коллекцию.

Вновь поворачиваю к двери. На ней пять замков и засов, проходящий под скобой ручки и вогнанный в пол. Пытаюсь повернуть ручки замков, но все насмерть заклинило. Засов крепко-накрепко увяз в податливых досках пола. Приходится позорно лезть через маленькую дверцу, чтобы выбраться из своего логова.

Ну и мерзко же здесь! Полно пыли, паутины, использованных шприцов, ветоши, золы и нанесенного ветром мусора. Через весь этот сор проходит тропинка, которую протоптал посыльный из магазина. Она доходит только до моей двери. И за это, спрашивается, я плачу сто двадцать пять долларов в месяц? Надо навестить мистера Гаммиди, хозяина дома, и потребовать лучшего ухода за помещением! Ведь это не какой-нибудь заброшенный дом. Но скоро я убеждаюсь, что так и есть. Я живу в настоящих руинах! Все окна и двери, кроме моих, выбиты. Других жильцов нет, за исключением нескольких крыс, собак да, судя по некоторым признакам, редких бродяг. Ага! Этим-то и объясняется отсутствие жалоб на мою музыку! Бог знает, почему мне все еще не

29 Эквалайзеры — регуляторы тембра.

30 Брюс Спрингстин — американский певец. Любимец американских домохозяек.

отключили электричество. Как-то, пять лет назад, погас свет и всю неделю не было электроэнергии. Кто же мог спаять провода?.. Эй, если никто не приглядывал за зданием, то кто убирал мусор? Бродяги, наверное. Удивительно, что медный водопровод ни разу не испортился. А, точно! Медные трубы были заменены пластиковыми еще в 1975 году. Я тщетно протестовал, мне было противно пользоваться водой, прошедшей через ПВХ³¹. Наконец я сдался и научился довольствоваться «шоколадным напитком „Ю-ХУ“, единственным, что все еще разливают в настоящие банки...»

Наконец я выбрался на улицу. Ого! Этот район всегда был довольно неказистым, но теперь все вокруг пришло в полный упадок.

Передо мной — усыпанная щебнем местность акров в 40 величиной. Мой дом — в центре затерянного мира. Это единственное наполовину сохранившееся строение. Стена, которую я невольно осматривал каждое утро из Иллюминатора, — на самом деле единственное, что осталось от соседнего здания. Что же это, старина? Когда-то на месте этой каменоломни была Амстердам-Авеню!

Я устало бреду под серым небом через заброшенную пустыню, усыпанную обломками кирпича. Представляешь, прямо будто проснулся в поэме Т.С. Элиота³²!

На окраине моей собственной Сумеречной Зоны я обнаруживаю цивилизацию в виде жилых домов, пересекающих друг друга улиц, транспорта, магазинов, людей... Гарлем никогда не был так хорош, старина! А то думал, что это последствия Третьей Мировой войны! А выходит, что жестоким разрушениям подверглись лишь непосредственные окрестности моего дома.

Я подхожу к нескольким братьям по разуму, шатающимся перед обменным пунктом.

— Послушайте, приятели, что это тут приключилось?

Они с опаской разглядывают меня. Наконец, один из них отвечает: — Да тут мэр и полицейские бомбу сбросили зажигательную.

— Какого черта?

— Пытались остановить торговлю наркотиками.

Ого! Вот почему тогда выдался по-настоящему жаркий денек! Я думал это просто наступила обычная августовская жара. Моему дому повезло! Его как-то обошли языки пламени.

Пока я пытался уместить все это в своем сознании, эти темнокожие ребята обступили меня.

— Ты и есть тот псих, который живет в доме с призраками?

— Наверное...

— Ты, верно очень богат. Можешь поделиться с нами?

— Вот-вот, — говорит другой. Он извлекает откуда-то... пластиковый пистолет. — Или мы тебе наскипидарим задницу.

Я выбиваю у него пистолет, и тот, как погремушка, скачет по

31 ПВХ — поливинилхлорид.

32 Элиот, Томас Стернз — англо-американский поэт, литературный критик и культур-философ, лауреат Нобелевской премии (1948), эстетические взгляды которого сложились под влиянием философии абсолютного идеализма Ф. Бредли и традиции так называемой «метафизической поэзии». Одна из наиболее известных поэм называется «Бесплодная земля».

асфальту. Все вытаращились на меня, не веря глазам.

— Слабо, парень! Что это ты тыкаешь в меня своей пластиковой пипеткой? Разве не знаешь, что перед тобой сподвижник самого Кинга?

Ребята уставились друг на друга:

— Это какой Кинг?

— Наш брат, в честь которого объявили выходной.

— А!...

— Ты правда знал его, старик?

Я прерываю упорно хранимое молчание:

— Спросите у медведя, запирает ли он дверь в сортире.

Эта старая хохма повергает ребят в конвульсии. Неужели возможно, что им никогда ее не приходилось слышать? Как бы то ни было, придя в себя, они улыбаются. Пользуясь случаем, я задаю главный вопрос.

— Где теперь самый лучший магазин пластинок?

— Это «Тауэр Рекорда», на Бродвее, где-то на шестидесятих улицах.

— Ну спасибо, мужики, давайте пять!

Эти парни настолько ущербны, что не знают, как по-настоящему надо пожимать на прощание руку.

Приходится разгибать их большие пальцы, чтобы руки соединились, как это полагается. Я оставляю их упражняться в рукопожатии между собой и выхожу на Бродвей.

Господи, проезд в метро уже стоит аж два доллара! И жетончики с какими-то странными вставками. Хотя ездить так же паршиво: тот же шум, та же толпа. Правда, стена вагона не исписана. Меня занимает вопрос, почему бы это, но тут я замечаю мальчика, который выхватывает из кармана маркер и пытается писать на стене. Чернила собираются в капельки и стекают на пол, будто стена смазана жиром. Ребенок бранится:

— Черт возьми, мне сказали, что этот новый маркер пишет на всем! Пять долларов — словно в трубу! — И он садится на место. Я дотрагиваюсь до стены: она сухая. Круто, какое-нибудь тефлоновое покрытие....

Я по ошибке доезжаю до Коламбус Секл, и мне приходится вернуться немного пешком до Тауэр Рекорда. Ох, и странно же одеты эти люди. Девицы щеголяют в нижнем белье: бюстгальтерах и пестрых трико, а мужчины — прямо в каких-то жеванных костюмах и цветных майках. Значит, теперь в чем спят, в том и ходят? Почему же тогда все так вылупились на меня? Может быть, это из-за моих длинных волос. Кажется, никто уже не отращивает их до пояса. Черт бы их побрал. Ну и придурки.

А вот и «Тауэр Рекорда». Ух ты!

...Глазами больно смотреть на эту пестроту. Здесь больше неона и люминесцентной краски, чем в Грейсленде. Если хорошенько подумать, когда-то мне нравилось, когда все блестит и сверкает. Старею, верно. Все равно, не понимаю, зачем все эти телевизоры? В конце концов, это музыкальный магазин или распродажа электроприборов? На экранах повсюду — причудливые отрывки чьих-то «шедевров» под Бунюэля³³... Ладно, не важно. Только бы войти в двери, пройти под этим сканирующим устройством (просвети меня, Скотт, хи-хи), и оказаться в магазине.

Ну и толпа же тут! У каждого наушники без проводов, каждый пританцовывает в своем ритме. В этом вшивом помещении даже нет усилителей? Какое же это рок-н-рольское братство? Одно из счастливейших воспоминаний моей жизни — слушать новую запись прямо в магазине, когда все раскачивались в такт... Да и продавцов не видать, только один единственный кассир на весь магазин. А что делают эти люди? Они заказывают компакт-диски по компьютеру, и тот выбрасывает их через какую-то щель вниз! Ну, прямо конец света!

Подхожу к кассиру. Этой девушке не больше пятнадцати. У нее в ушах золотые серьги в форме скарабеев, ползающих вверх и вниз на маленьких ножках.

— Мир вам, милая леди. У вас случайно нет подборки старых пластинок для серьезного коллекционера?

— Чаво?

— Пластинки — это виниловые диски, вращающиеся на проигрывателе со скоростью 33 и 1/3 оборотов в минуту, и вот там маленькие такие дорожки, по которым бежит граммофонная игла и воспроизводит музыку.

Пигалица сердито надувает губы:

— Не морочьте мне голову! Такого не бывает!

— Могу я поговорить с кем-нибудь еще?

— Не знаю. Посмотрите в задней комнате.

Нахожу какую-то дверь, которую самонадеянно принимаю за вход на обычный склад, и, ничего не подозревая, открываю ее.

Обнаженные до пояса мускулистые и мокрые от пота рабочие огромными лопатами грузят компакт-диски и цифровые кассеты из громадной кучи на транспортер, бегущий к распределительным устройствам. Бригадир с черной повязкой на глазу щелкает бичом над их исполосованными шрамами спинами. Он видит меня и кричит:

— Чужак! Хватайте его, ребята, пока не убежал!

Я хлопаю дверью, и меня словно ветром сдувает. Ну ноженьки, не подведите!

Пробежав несколько кварталов вниз по Бродвею, я останавливаюсь. жадно ловя ртом воздух. Ну и кросс. Кажется, несмотря на все проведенные в затворничестве годы, я оторвался от своих преследователей, Приспешников Индустрии Звукозаписи. Прислоняюсь к стене дома, чтобы передохнуть, и внимательно осматриваюсь.

Адрес на другой стороне улицы кажется мне знакомым. Тут до меня доходит, что я усталился прямо на тот дом, в котором размещается редакция журнала «Мэгнетик Моумент»! Какое совпадение! Решаю плыть по течению. Я должен войти и заявить о себе. Уверен, что меня примут с энтузиазмом. Их Старший Сотрудник, Живая Энциклопедия Рока, Мистер Поп-Популяризатор Собственной Персоной.

Вхожу внутрь здания; поднимаюсь в лифте, механический голос которого осведомляется, куда меня везти, и попадаю в великолепный вестибюль. За письменным столом сидит обворожительная птичка. В нижнем белье, естественно.

— Мир вам, мэм. Не могли бы вы объявить всем и каждому, что мистер Бинер Уилкинз спустился с высот, чтобы поприветствовать преданных ему и прочистить им мозги от Запоя, Зуда и Занудства.

Крошка смотрит на меня с еле скрываемым отвращением. Она нажимает на кнопку внутренней связи и говорит в микрофон:

— Эй, охрана! Тут еще один.

Не успевает она убрать свой наманикюренный палец с кнопки, как четверо громил появляются из потайных дверей и весьма болезненно загладевают моими конечностями.

— Эй, вы, свиньи, за что? Выпустите, освободите меня, руки прочь! Я же ничего не сделал. Я — уважаемый сотрудник этого листка, я просто хочу видеть своего редактора!

— Все они так говорят, — мычит один из мордovorотов, зажавший мою шею, словно карандаш, между большим и указательным пальцами.

— Кто это «все»? Никого я знаю. Я — это я, Бинер Уилкинз, Одинокaй Волк. И я не связан ни с какими кликами, клаками и кагалами.

Все напрасно. Меня несут к лифту. На мои крики высовываются штатные сотрудники, которые толпятся у дверей своих комнат, наблюдая мое унижение.

— Эмилио! — кричу я. — Эмилио Кучилло! — Я выхватываю взглядом лоснящееся лицо своего молодого редактора. — Эмилио, это я, Бинер!

Видно, что он колеблется, но не делает попытки сдержать Громил из Охраны. Я пытаюсь вырваться.

— Ну ладно, хватит, — говорит один из охранников. — Наденьте на него наручники.

Браслеты защелкиваются на запястьях моих рук.

— БРРР! Пластик! Снимите, снимите, снимите их с меня!

Тут каким-то образом Эмилио оказывается рядом со мной:

— Все в порядке, ребята, вышло недоразумение. Этому парню назначена встреча. Сейчас я им займусь.

Толстокожие громадины неуверенно подчиняются. Меня отпускают под опеку Эмилио. Собрав все свое достоинство, я привожу в порядок повязку на голове и распутываю длинную бахрому своей кожаной куртки. Затем следую за Эмилио в его кабинет.

Мы садимся, и Эмилио, подавшись вперед и положив руки на стол, несколько минут внимательно смотрит на меня. Наконец он прерывает молчание.

— Это действительно вы. Я вижу сходство с тем старым снимком, который мы помещаем над вашей колонкой. Ну, вы знаете, групповая фотография из Вудстока³⁴, где вы испачканы в грязи. Бинер Уилкинз.... Не могу поверить. Знаете, иногда мы задумывались: вдруг вас уже нет среди живых и ваши колонки печатает компьютер?

— Я явно не мертв, дружище. Просто я дорожу своим уединением. Кроме того, ваш современный мир явно не располагает к общению. Но послушайте. Что заставило Вас вмешаться и спасти меня?

— Ну, во-первых, скажу я вам, у нас минимум раз в месяц появляется какой-нибудь псих, утверждающий что он и есть Бинер Уилкинз. Знаете, вокруг вас сложилось целая легенда. Она влечет к себе неудовлетворенных жизнью субъектов, поколение за поколением. Так что поначалу, знаете ли, я не испытывал к вам ни малейшего сочувствия. Но этот эпизод с наручниками заставил меня насторожиться. Я вспомнил, что настоящий Бинер ненавидел... — то есть ненавидит — пластик.

Теперь я немного расслабляюсь и расщедриваюсь на похвалу.

— Вы очень проникательны, Эмилио. Я рад, что у вас такая точная

34 Вудсток (Woodstock) — музыкальный фестиваль, проводившейся в 70-е годы.

память. так как меня не очень радовала перспектива вместо вас сейчас приветствовать мостовую.

— Ваша ненависть к пластику никогда не выходила у меня из головы. Мне казалось чудным, что тот, вся жизнь которого вращалась вокруг старых записей, настолько терпеть не может пластик. Какое-то противоречие....

— Я не ем пластинки и не надеваю их на себя, поэтому то, что они из пластика, меня не беспокоит. Тем не менее, меня коробит от еды, упакованной в материалы, производные от углеводов, или от одежды, сшитой из них.

Эмилио откидывается в кресле.

— Так что вас привело сюда, Бинер?

Не успеваю я ответить, как меня внезапно охватывает жгучая жажда, как в центре Сахары. События этого дня иссушили мое горло.

— Эмилио, у вас есть чего-нибудь выпить? — спрашиваю я.

Эмилио ударяет по клавише внутренней связи:

— Миз Орсон, принесите нам две коки, пожалуйста....

— Ну да, — возражаю я, — это в пластиковых-то банках?

— Ну, конечно... А-а, понимаю. Я отменяю мое распоряжение, Миз Орсон. Тогда, Бинер, я не знаю, что и делать...

Глаза мои, блуждавшие все это время по кабинету, радостно останавливаются на витрине, в которой находятся кожаная куртка, расческа, обгоревший корпус гитары... и жестяная банка с напитком «Ю-ХУ». Не спросив разрешения, я иду к витрине, запускаю туда руку — и в следующую секунду вскрываю банку.

У Эмилио вырывается вопль.

— Успокойтесь, приятель, — советую я. — В чем дело?

— Это банка!.. Знаете, кто касался ее в последний раз?

— Нет...

— Джон Леннон, всего за несколько минут перед тем, как его застрелили!

— Ой... — Я заглядываю внутрь витрины, и действительно — перед каждым предметом — маленькая табличка: куртка Лу Рида³⁵, гитара Хендрикса³⁶, расческа Элвиса³⁷, банка «Ю-ХУ», принадлежавшая Леннону³⁸...Ну вот... *Sic transit gloria...*³⁹ и все такое...

Вернувшись на свое место, я посвящаю Эмилио в суть своих Поисков. Он кивает, вытирая с глаз слезы. По окончании рассказа он уже почти в норме.

35 Лу Рид (Lou Reed), настоящее имя Луи Би Фибенк, — певец, композитор и поэт, один из создателей группы «Вельвет Андеграунд» (1966-1970 гг.) (Velvet Underground), повлиявший на альтернативный рок, панк-рок и постпанк.

36 Джимми Хендрикс (умер в 1970 г.) — рок-гитарист и изобретатель по тем временам уникальной манеры игры, композитор. Стил, в котором он работал, можно определить как психоделический хард-рок.

37 Элвис Пресли, «крестный отец» рокабилли и рок-н-рола.

38 Джон Леннон (1940-1980 гг.) — один из основателей и основных авторов песен Битлз. Затем работал с Йоко Оно.

39 *Sic transit gloria...* — «Так проходит слава...» (лат).

— Ну и задали же вы себе работенку, Бинер, — примирительно замечает он. — Эти старые пластинки никому больше не нужны, и поэтому их практически никто не продает. Единственное, что вы можете попробовать сделать, — это поискать в том магазинчике, что в Виллидже...

Вот дырявая голова! Конечно же! Виллидж! Ведь это и есть родина «Loving Spoonful», духовное пристанище всех неустроенных и мятущихся душ, каждого битника, хиппи и панка на планете! Наверняка там, в каком-нибудь магазинчике подержанных пластинок, — а там их не счесть, — я найду свой любимый альбом.

— Но, мне кажется, у вас несколько смещенный в прошлое взгляд на мир...

— Не надо! Я в курсе!

— Да, возможно... В курсе чего?..

Я пропускаю мимо ушей сарказм Эмилио, и порываюсь скорее исчезнуть.

— Эмилио, чрезвычайно хитово было с вами познакомиться, но теперь мне пора двигаться. Надеюсь, мои колонки вас удовлетворяют?..

— Да, все в порядке. Они привлекают читателей Вашего поколения, которое представляет важный сегмент рынка, а другим дают пищу для улыбки. Не могли бы вы быть чуть снисходительнее к современной музыке? Вы же ничего не хвалили со времени выхода совместного альбома Мадонны и «Grateful Dead»⁴⁰ незадолго до того, как у певицы родилась дочь — да и с тех пор минуло лет шесть!

— Я и дальше буду называть вещи своими именами, Эмилио. Пусть музыканты пишут хорошую музыку, тогда я ее похвалю. Но я не буду превозносить однотипную, шаблонную чепуху.

Эмилио, скорчив горестную гримасу, пожимает плечами и встает, чтобы проводить меня.

— Вы все так же бескомпромиссны! И я обязуюсь принимать вашу телеметрию с минимальным количеством помех. Держитесь, дружище, наш носитель славных традиций. Как вы там говорили на прощанье? НЕ сбивайся с дорожки!

— С дороги!

— А я то думал, что это намек на звукозаписывающую...

Эмилио провожает меня на улицу. Затем я снова оказываюсь в метро и направляюсь в Виллидж.

Выхожу на Юнион-Сквер.

Ну дела! Тут и впрямь что-то не так!

Виллидж окружала пластиковая крепостная стена: на башенках из искусственного камня трепыхались длинные вымпелы. Ворота, выходящие на Бродвей, охраняли Микки Маус и Гуфи⁴¹. Оба вооруженные пистолетами.

Я пытаюсь слиться с компанией туристов, чтобы они как-нибудь прикрыли меня.

40 «Grateful Dead» — рок-группа, музыкальный стиль которой определить сложно, т.к. ее участники с одинаковой легкостью играли и фолк, и джазовый авангард, и блюграсс. Дебютный альбом вышел в 1969 г. Группа существовала вплоть до смерти своего основателя Джерри Гарина 9 августа 1995 г.

41 Гуфи — диснеевский персонаж (Goofy).

Но Микки видит меня в толпе и манит к себе. Я не привык спорить с вооруженными мышами и подчиняюсь ему.

— Где, черт возьми, твой значок? — спрашивает меня Великий Мышонок.

— Ой!.. Я забыл его дома...

— Господи! Что-то вы слишком распустились, ребята! Ну ладно. Послушай: так уж и быть, я дам тебе временный при пуск, но чтобы это было в последний раз!

— Конечно, в последний, мистер Маус. Спасибо, большое спасибо!

Получив значок с голографической диснеевской эмблемой, я по милостивому знаку миную контролера.

И тотчас же переносюсь в 1967 год.

На улицах толпятся Дети Водолея, длинноволосые ребята и девушки, которые разрисовывают друг друга, позируют для фотографий туристов с пацифистскими значками и курят огромные самокрутки, набитые, похоже, настоящей марихуаной. Из каждого окна музыка Битлз.

В чем дело, черт возьми?!

Пересекаю Десятую Улицу, и меня вдруг окружают молодые люди в черном, декламирующие Аллена Гинзберга. И тут я въезжаю в происходящее.

ВЕСЬ ВИЛЛИДЖ ТЕПЕРЬ СТАЛ ЧЕМ-ТО ВРОДЕ ДИСНЕЕВСКОГО ПАРКА!

Ну конечно, на Бауэри находится территория владения панков: компания бритоголовых, танцующих бесконечный пого под заводных «Ramones»⁴².

Я опускаюсь на асфальт.

И рыдаю.

Выплакавшись, я встаю. Я только хочу найти свой альбом и выбраться отсюда. Эмилио сказал что-то о магазине подержанных пластинок...

Обнаруживаю его на Бликер-Стрит, рядом со сверкающим джазовым клубом, рекламирующим концерт Майкла Джексона, на котором он исполнит роль Чарли Паркера.

(КАЖДЫЙ ВЕЧЕР В 6 И 8 ЧАСОВ).

С разбитым сердцем я вхожу в магазин. Воздух пропитан пачулями, а на стенах развешаны плакаты 60-х годов. Из маленьких колонок слышится песня «Jefferson Airplane»⁴³ «Хотите ли вы полюбить?»

— О, да!.. У прилавка стоит молоденькая пташка, одетая соответственно времени, но я игнорирую ее, и сосредотачиваюсь на желанном предмете своих поисков.

Нужно отдать должное Империи Диснея: здесь не жалеют денег. В этом магазине подобрана вся знаменитая коллекция редких пластинок пятидесятых — шестидесятых годов, первых изданий. Все они уютно упакованы в миляровские старые добрые конверты. Цены в основном предсказуемые, и большинство пластинок стоит меньше тысячи долларов.

За черным разделителем, помеченным психоделически мерцающей буквой «Л», я нахожу искомое:

42 «Ramones» — первая панк-группа. Основана в 1974, в 1976 вышел дебютный альбом под одноименным названием, который стал краеугольным камнем не только панка, но и альтернативной поп-музыки.

43 «Jefferson Airplane» — группа, игравшая в стиле «психоделический рок».

«Верите ли вы в чудо», группы «Lovin Spoonful», всего за восемьсот бумажек.

Прижимаю эту Священную Реликвию к груди и направляюсь к прилавку. Девушка улыбается мне.

— Интересуетесь старыми записями на досуге? — спрашивает она меня. — Вам сочувствую. Все это настолько лучше того, что сейчас называют музыкой.

Кажется, она разводит обыкновенную рекламную болтовню, поэтому я просто киваю ей и принимаюсь вытаскивать деньги из кармана. Однако у меня не набирается и половины требуемой суммы. Какой облом!.. Тогда я вытаскиваю чек на три тысячи баксов за мою книгу «Дилан⁴⁴: Последние годы».

— Знаете, деточка, мне страшно необходим этот диск, и я не хочу больше здесь задерживаться. Разрешите я перепишу этот чек на вас? Можете получить деньги и оставить сдачу себе.

Девушка внимательно изучает чек и тут широко распахивает глаза:

— Бинер Уилкинз? Тот самый Бинер Уилкинз? Это и вправду вы?

Я гордо выпрямляюсь:

— Да, это и вправду я. Можете удостовериться! — Я достаю свои давно просроченные водительские права и передаю их девушке.

— О, господи! Просто не верится. Вот уж не думала, когда устраивалась на работу... то есть, что вы прямо так придете к нам в магазин. Да я читаю вашу вашу колонку каждый месяц! И каждую вашу книгу я прочла по меньшей мере дважды! Все что вы видели, чем занимались, эра вашей молодости — это так удивительно, так... так волшебно. Не то что теперь.

— Да-да, — я тороплюсь скорее убраться прочь, подальше от этого фарса, этой пародии на те самые славные годы моей молодости. — Вы возьмете чек или нет?

— Ну конечно же, мистер Уилкинз, ради вас!..

Я собираюсь надписать чек.

— Как вас зовут?

— Дженис Смиаловски.

Меня тут же охватывает любопытство:

— Случайно не в честь?!⁴⁵...

Тут она просияла:

— Да. Мои предки были от нее без ума!

Переписав чек, я подаю его девушке.

Она восхищенно разглядывает его и говорит:

— А вот не буду его менять! То есть, я сохраню это как ваш автограф! А магазину заплачу сама.

Кажется, куколка морочит меня. Просто не верится. Она — самый приятный человек из всех, кого я здесь встретил, но даже с ней мне как-то не по себе. Совсем смутившись, пытаюсь привести в порядок мысли, представив себе свою комнату, наполненную музыкой и воспоминаниями, с ее теплом, безмятежным миром и уютом.

Сразу узнаю следующую мелодию, доносившуюся как будто бы из

44 Боб Дилан — одна из самых загадочных фигур в роке (род. в 1941 г., настоящая фамилия Циммерман), певец и композитор.

45 Имеется ввиду Дженис Джоплин.

моей молодости — это «Эй, девятнадцатилетняя!» Стили Дэна — и до меня доходит, что это сборник. Проигрывание альбомов целиком запрещено: слишком большой соблазн для слушателей...

Охваченный отвращением и смущенный, я иду к выходу, крепко прижав к себе драгоценный альбом.

— Пожалуйста, останьтесь еще хоть ненадолго, мистер Уилкинз, — кричит девушка вслед.

Я направляюсь домой. На полпути к воротам останавливаюсь и возвращаюсь в магазин.

Увидев меня, Дженис просто расцветает от улыбки.

— Дженис, вам не хотелось бы отдохнуть сегодня вечером под какие-нибудь старые, добрые мелодии?

— О, мистер Уилкинз! С огромным удовольствием!!!

Это, пожалуй, лучший день моей жизни, дружище!

Пятьдесят световых лет спустя

А.Е. Сенделинг Возвращение грифонов⁴⁶

В тот вечер Гунар Фрайс, представитель европейской демократии Ш... на конференции ООН в Европе, остался в своем номере и собирался лечь спать. Он не пошел на прием, устроенный в его честь богатым соотечественником, принесся извинения по телефону. На раут Гунар послал своего помощника, пожелав ему успеха у дам и в музицировании: этот приятной наружности молодой человек, исполнявший у него обязанности секретаря и переводчика, на досуге сочинял симфонии.

Гунар поужинал в номере, подождал, когда горничная унесет поднос с посудой, запер дверь и сел за письменный стол. Как обычно, он составил конфиденциальный отчет для президента, в котором делился соображениями, слишком деликатными для передачи по телефону. Затем набросал письма жене Алисе и сыну Теодору, студенту технологического института. Когда Гунар подписал последнее письмо, была уже глубокая ночь.

Присев на край кровати, Гунар начал было стягивать носки, как вдруг какая-то сила буквально подбросила его, едва не свалив с постели. «Землетрясение!» — пронеслось в голове Гунара, пока он судорожно цеплялся за одеяло. Однако бутылки на столе не шелохнулись, с потолка не сыпалось, люстра висела неподвижно. Только кровать продолжала сотрясаться от толчков. Внезапно из-под нее высунулась огромная орлиная голова, за ней к ковру протянулись внушительного размера когтистые лапы, и наконец появилось туловище, напоминающее львиное. Значит, орел с телом льва. Впрочем, его можно было назвать и львом с орлиной головой и могучими крыльями. Орлиного в нем было больше: твердый, изогнутый клюв, голова в шапке золотистых перьев, отливающее красным оперение на груди и передних лапах. Только уши выдавали в нем

46 © 1948, A. E. Shandelng. Return of the Griffins. В сборнике «The Important Thing» L. Panther, 1962

Перевела Татьяна Волкова.

льва, но и они мягко прилегали к голове.

Пощелкивая когтями, существо расправило сначала одно крыло — перья у основания чуть потрескивали, потом другое, и направилось к середине комнаты. Передние, птичьи, лапы не сгибались в суставах, в каком-то странном ритме с ними медленно и тяжело поднимались задние лапы — лапы льва Монстр двигался как бы во сне, он привалился на бок и, слегка приподняв крыло, стал неторопливо чистить перья. Затем поднял голову, оглядел комнату и в упор поглядел на Гунара. В полутьме рубиновым огнем горели глаза.

— Спать по чему-то хочется, пробормотал он. — Это, наверное, из-за перемены климата.

Более двадцати лет назад, до того, как заняться политикой, Гунар Фрайс читал в столичном университете курс лекций по древнегреческой цивилизации, и возникшее перед ним существо было ему знакомо.

— Судя по всему, вы — грифон, — произнес он. — Не так ли?

Гунар держал на ферме нескольких кошек и ручного сокола. Он привык говорить с ними ласково, уважительно. Заговорил так и с этим гигантом. И в ответ услышал.

— Совершенно верно. Самый настоящий, в отличие от женоликого сфинкса, появившегося от любви одного из грифонов к девушке из человеческого рода. До сих пор не могу понять, что он в ней нашел.

Грифон говорил на наречии, не схожем ни с одним языком мира, и в то же время как бы со всеми сразу. Но древнегреческий пронизывал его речь, как пронзает пространство грохочущая и сверкающая колесница. И он был понятен Гунару. Так бывает, когда люди говорят на разных языках и тем не менее понимают друг друга с полуслова.

— Давненько вас не встречали на земле, — проговорил Гунар, натягивая снова носки и обуваясь. — Где же вы были и что делали все это время?

— Мы жили в Индии, в горных пещерах. Грелись на солнце и стерегли золото от одноглазых аримаспов. Но мне самому хотелось бы задать подобный вопрос людям. Что же вы наделали за все это время? Хотя — О, Аполлон! — что тут спрашивать? Вы создали нации, но совсем забыли о личности. Выпустили пар из котла — и поплыли пароходы, вместо ручьев и рек теперь повсюду города... Как все меняется с течением времени!

Комната понемногу заполнялась горячим дыханием грифона, густым и острым запахом крови.

Гунар Фрайс был довольно тепло одет, но его знобило. Повернув регулятор, он прислонился спиной к обогревателю.

— Простите, — спросил он, — вы один спустились с гор?

— Одним из первых, — ответил грифон, продолжая чистить клювом перья на груди.

Мало-помалу до Гунара Франса начал доходить смысл появления нежданного гостя. В свое время грифоны были посвящены Аполлону, возили его колесницу. Аполлон — божественный прорицатель, чьи предсказания выражались загадками. И само слово «грифон» тоже означало «загадка». Но не для Гунара Фрайса, хотя он и сделал вид, что ни о чем не догадывается. Потирая зябнувшие руки, он как можно простодушней спросил:

— Что же привело вас сюда?

Притворство дипломата не ускользнуло от внимания грифона. Он

презрительно зашипел, из ноздрей и полураскрытого клюва вырвался пар. На минуту показалось, что в комнате заработал гейзер.

— И это спрашивает представитель международной организации? Организации, призванной способствовать процветанию человечества! Как можно говорить о каком-либо процветании, если через пять лет воздух будет отравлен атомной пылью! Мир стоит на пороге страшной неизвестности. А вы еще спрашиваете о причине нашего появления!

Да, Гунар неотступно занимался проблемами человечества. Они стали для него такими же привычными, как его секретарь и портфель... Но теперь он понял, что человечество было для него некоей абстракцией, заключенной в инструкции, отчеты, резолюции конференций... Это было аккуратно запрототолированное человечество, о котором произносились возвышенные речи. После слов грифона оно вдруг проступило четче, став как бы третьим участником разговора, и Гунар как ребенок задрожал от переполнявшего его возбуждения.

Монстр зашагал из угла в угол по комнате, которая сделалась сразу маленькой, как цирковая клетка, в которую поместили льва. Приблизившись к письменному столу, он с тяжеловесной грацией медленно повернул голову и осмотрел письма. Гунар в негодовании шагнул было к столу, но остановился, устыдившись. Грифон же отвернулся от стола, всем своим видом показывая, что вовсе не собирался читать письма дипломата, а взглянул на стол случайно. Медленно, тяжело волоча одно крыло, он двинулся дальше, и Гунар, услышав странное щелканье, обратил внимание на огромные когти зверя. При каждом шаге они оставляли четкие вмятины на ковре, прокалывая его насквозь.

Существо остановилось подле окна. Кончик его хвоста вздрагивал, что-то по-женски беспокойное чувствовалось в шевелящемся оперении. И в то же время какая-то мужская, мощная, кипучая сила тянула его вперед, даже теперь, когда он был неподвижен.

— По ту сторону улицы я вижу парк, — произнес грифон. — Откройте окно и выпустите меня.

Гунар поднял жалюзи и открыл окно. В комнату ворвалась ночь, холодная, с запахами земли и трав. В парке напротив горели фонари. Их белый свет струился сквозь голые тонкие ветви деревьев. На скамейках сидели люди, разговаривали, поглядывая на отель, где остановилось много знаменитостей. Шоферы такси и репортеры, уставшие от дневной суеты и чопорности прислуги в роскошном вестибюле, грелись у огня, который разожгли в пустом мусорном баке мальчишки — газетчики.

Грифон спрыгнул на лепной выступ под окном. Во всем его облике чувствовалась надменность и врожденная уверенность в неуязвимости существа из легенды.

«Его не тронут, — подумал Гунар, — он слишком фантастичен. Любому олуху это очевидно.»

Закрыв окно, представил, как грифон, слегка приподняв крылья, движется вдоль выступа — темная скользящая масса на фоне посветлевшего неба. Затем вернулся к письменному столу, взял ручку и в постскрипуме письма, адресованного президенту, добавил:

«Мой дорогой друг!

Сегодня вечером видел одного из грифонов. Их возвращение неожиданно, но не случайно. Они останутся, я полагаю, до тех пор, пока человечество так или иначе не решит свою судьбу.»

За окном послышался странный клич: то ли львиный рык, то ли клекот орла. Гунар продолжал: «Скоро крик грифона в больших городах станет таким же обычным, как крик петуха в деревне. И так же, как петух будит нас ото сна и напоминает каждому, что он смертен, так и грифон станет призывать человечество осознать смысл своего существования, предупреждая, что мир может быть разрушен.»

Когда Гунар проснулся, его первая мысль, как всегда, была о предстоящей конференции. Возвращаясь из ванной, он заметил, что на письменном столе нет писем: вероятно, их унес помощник. И только сейчас Гунар вспомнил о грифоне. Забавный, причудливый сон! Никогда он не работал с таким напряжением, и не мудрено, что занимавшие его проблемы материализовались во сне и явились в облике этого фантастического существа.

Гунар начал одеваться. И вдруг ему стало не по себе. А что, если грифон — не сновидение? Его сон был чутким и беспокойным. Это было скорее забытье, как будто он дремал во время сильной грозы и не видел никаких снов. Если это сказочное существо вообще появлялось, то это было наяву *Но, конечно же, его не было.*

Он убедится, что это был лишь сон, увидев свое письмо к президенту. Ведь там в конце стоит его подпись и нет никакого постскриптума. Гунар медленно подошел к двери, соединявшей его номер с комнатой помощника. Он чувствовал себя усталым, как к концу рабочего дня. Сколько ему лет? Пятьдесят шесть? А какова сейчас средняя продолжительность жизни у мужчин?

— Норберт, друг мой! — Гунар постучал в приоткрытую дверь. — Вы еще не отправили почту? Мои три письма?

Помощник появился в дверях.

— Успели уйти с самолетом в семь тридцать.

— И письмо к президенту?

— Да. Ведь письма были запечатаны и надписаны. Вы хотели бы внести какие-то поправки?

— Да нет, ничего... — ответил Гунар. Он взглянул на помощника. Норберт писал музыку в современном стиле. Она была дисгармоничной, но должна была, видимо, являть собой новую, высшего порядка гармонию. «Может быть, ему рассказать о грифоне? — подумал Гунар. — Рассказать легко, смеясь, как бы не придавая этому значения? Тогда нереальность всего этого окажется очевидной.»

Но Норберт в это утро был слишком взбудоражен. Его глаза казались голубее, а шевелюра пышнее, чем обычно. Он любил светские приемы и весь был в мыслях о своем вчерашнем успехе.

— Нам пора ехать, — сказал Гунар.

В машине Норберт читал ему материалы из газет, посвященные конференции. Но вот лимузин остановился перед красным сигналом светофора, и Гунар посмотрел в окно. Напротив, в полуподвале, размещалась швейная мастерская. Он увидел портного за машинкой, женщину с чашкой в руке. В тусклом свете утра полустертые буквы вывески отливали медью. И тут Гунар увидел еще одного грифона, очевидно, женского пола — у нее не было красных перьев на груди. С приподнятой как бы в ожидании грозящей опасности орлиной головой, мифическое существо медленно двигалось вдоль заграждения перед подвальными окнами.

Гунар схватил Норберта за руку, и молодой человек остановился на полуслове.

— Посмотрите! — воскликнул Гунар, будто до этого долго убеждал его. — Вот он — грифон!

Норберт повернул голову и глянул на улицу. В это время грифонша спускалась в мастерскую портного. Она толкнула дверь когтем, и какое-то время Гунар видел и орлиную голову через стекло, и львиный хвост снаружи. Прохожие не обращали на грифона не больше внимания, будь он кошкой или воробьем. Портной и его жена продолжали заниматься своими делами: мужчина все так и шил, а женщина так и пила из чашки. Гунар Фрайс был потрясен. Люди как ни в чем ни бывало продолжали заниматься своими делами, в то время как живые пророчества бродили по улицам, стучались и звонили в двери.

— Неужели их стало так много? — спросил он.

— Кого? — Норберт уже снова уткнулся в газету, но из вежливости поднял голову.

— Грифонов. Вот только что один из них зашел в швейную мастерскую, а вы его как будто даже и не заметили.

— Я никого не видел, — ответил Норберт. — О ком вы говорите? Простите, а как он выглядит?

Гунар откинулся на сиденье.

— Вряд ли вам будет это интересно, — ответил он.

* * *

Делегаты конференции ООН уже собрались в штаб-квартире на Флашинг-Медоу, и Гунар Фрайс занял свое обычное место. Помощник сел рядом. Через минуту вошел председатель, а следом за ним — грифон. Перья его были седыми и всклокоченными. Он казался массивнее и старше того, первого, в комнате Гунара. В его глазах горел желтый огонь. Грифон сел справа от председателя и обвел присутствующих величественным взглядом.

* * *

В этот вечер позвонил президент.

— Гунар, что означает эта приписка относительно грифонов? Это, вроде, из античной мифологии? К чему вы их упомянули?

Эрнест Горгас был прекрасным человеком, и никого Гунар так не уважал, как его. Но сейчас слова президента звучали вяло и бессмысленно, будто меж ними легло не только пространство, но и время. У Гунара было такое чувство, что голос исчезает, а мир летит в небытие, где уже не будет никакой истории.

Но вот в трубке снова появился голос президента, громкий и твердый и, как всегда, исполненный доброты и уважения:

— Гунар, ваша сегодняшняя речь на конференции о международном единстве — самая впечатляющая из всех слышанных мною прежде. И как вы говорили, с каким вдохновением, с каким красноречием! Прием, который вы использовали, может показаться неожиданным, но своей цели вы достигли. Я понимаю вашу скромность... но все же — зачем вы придумали эту историю с грифонами, с их предсказаниями? Гунар, друг мой, ваше назначение было самой большой моей удачей.

— Эрнест, — ответил Гунар, — человек, недостойный похвалы, не отказывается от хвалебных слов, а просто глух к ним. Нет, грифон действительно был в моей комнате прошлой ночью. Второго, более беспокойного, женского пола, я видел сегодня на улице. А третий, старше других, преисполненный мудрости и величия, сидел на ассамблее рядом с председателем и время от времени комментировал дискуссию. Он говорил громче любого из ораторов, но его не слышали. А после моего выступления грифон подошел прямо ко мне и сказал: «Какое красноречие! Сам Демосфен мог позавидовать такой речи! Перед вами меркнет вдохновение трибунов времен американской революции.» Я не воспринял эту оценку как похвалу, ибо убежден, что история не знала более тревожного времени, нежели наше. А ведь ораторов творит время, в которое они живут.

Президент молчал. После долгой паузы он заговорил, но о другом. Он расспросил о дальнейших дискуссиях и об их возможном исходе.

* * *

На следующий день среди делегатов прошел слух, что Гунар Фрайс, представитель Ш..., страдает галлюцинациями. Слух этот не вышел за пределы зала заседаний. Не узнали о нем и журналисты. И не потому, что коллеги щадили Гунара и его близких — нельзя было бросить тень на конференцию. Если один из ее участников подвержен подобному недугу, то легко заподозрить в нем и других. Кроме того, даже самом поведении Гунара на заседаниях не наблюдалось ничего экстраординарного. Его выступления были выше любой критики, он искусно вел дела, касающиеся интересов своей страны. И активно включался в дискуссии, когда речь шла о судьбах человечества...

Тем не менее день спустя Гунара Франса отозвали домой. Объясняя журналистам причину отъезда, он сообщил, что, вероятно, президент намерен обсудить с ним вопрос особой важности, который нельзя доверить ни телефону, ни письму, ни посреднику.

Гунару прислали замену — члена Верховного суда страны, молодого человека чуть старше Норберта, но серьезного настолько, что ему можно было дать все девяносто.

Фрайс вылетел на родину. Встретил его сам президент. По приезде в президентский дворец они пообедали вдвоем, затем перешли в кабинет и сели друг напротив друга.

— Гунар, — начал Эрнест. — Я не мог бы и думать о лучшем посланнике, вы работали за десятерых. Боюсь, обо мне подумают бог знает что. Во всяком случае, скажут, что я поступил опрометчиво, заботясь больше о вашем здоровье, чем об интересах нации. Но мне хочется, чтобы вы немного отдохнули. Конечно, сейчас на конференции нашу страну представляет человек не вашего уровня, но он достаточно опытен. Отправляйтесь-ка вы на свою ферму, нахлобучьте старую шляпу, ходите на охоту, доите там коров, сейте пшеницу. В сельском хозяйстве каждая пара рук дорога! Побудьте дома какое-то время, Гунар!

Гунар не на шутку испугался. Подобный страх он испытал, пожалуй, лишь однажды, когда семнадцатилетним юношей уехал из родительского дома учиться и стал жить один.

Больше недели он был в каком-то шоке. Ему представлялось, что он навсегда заточен в своей новой комнате, никогда больше не увидит отца и

не найдет друга.

— Неужели какой-либо мой поступок, — медленно проговорил Гунар, — вызвал ваше неодобрение? Вы полагаете, моего дипломатического опыта в должности министра иностранных дел мало, чтобы представлять нашу страну в ООН?

Президент потер лоб и отвел глаза.

— Говорят, что вам являются какие-то грифоны.

— Но ведь я сам вам об этом сообщил.

— И вы не видите в этом ничего необычного?

— Вы предпочитаете считаться с мнением тех, кому это кажется странным? Друг мой, в наше время и не такое случается.

— Но ведь вы единственный, кто их видит.

— Разве это доказательство, что они не существуют?

В его голосе прозвучало внезапное раздражение. Он достал носовой платок и намеренно громко высморкался.

— Но если мнение делегатов для вас ничего не значит, проговорил президент, — вряд ли вы захотите с ними работать в дальнейшем.

— Напротив, — ответил Гунар, наклоняясь вперед, чтобы спрятать платок в задний карман брюк. — Я им нужен. Они не смогут обойтись без меня. Придет время, поверьте мне, когда каждый там, на конференции, увидит рядом с председателем это пророческое существо. Если бы вы видели его!

— Гунар! — Президент помедлил, прежде чем сказать. — Перед поездкой домой вам неплохо бы показаться хорошему психиатру. Они еще не все соблазнились тучными пастбищами Соединенных Штатов. Во Франции или Швейцарии можно еще, пожалуй, найти одного-двух толковых специалистов.

Гунар усмехнулся:

— Ну, им-то я тоже не особенно доверюсь, если они не смогут увидеть грифонов. Я уйду в отставку. Ради вас. Это избавит президента от волнений и неловкости, связанных с моей особой. Можете назначить другого на мой пост.

Он хотел подняться с кресла, что подходило бы случаю, но не смог. Сердце его учащенно билось.

Приступы тоски в молодости быстротечны. Он вновь увидел отца, у него появились друзья, он вырвался из заточения комнаты и перед ним открылся мир... Недолго длится и одиночество разжалованного дипломата: он возвращается к людям, у него больше нет врагов...

Бывший дипломат отправился домой ночным поездом, и вместе с ним путешествовал грифон. Когда Гунар вошел в купе, тот уже дремал на сиденье. Орлиная голова была спрятана под крыло, другое крыло и лапа свисали до пола. Гунар сел напротив и в тусклом свете подрагивавшей от толчков лампы долго смотрел на грифона...

От станции до своей фермы Гунар добирался в повозке соседа, которого встретил на привокзальной площади.

— Вот будет сюрприз для госпожи Фрайс! — воскликнул сосед и тут же поинтересовался: — Надолго к нам?

— Я просто вернулся домой, — ответил Гунар, — только и всего.

— Устали на конференции? — спросил сосед, заметив грустное лицо и поникшие плечи дипломата. — И куда только идет мир?

Не ожидая ответа, он тронул лошадей с места.

Склонив голову на руки, Гунар Фрайс заплакал. Он не смотрел по

сторонам, лошадь шла знакомой дорогой, утреннее солнце начало пригревать затылок.

Несколько дней Гунар вел себя так, будто и впрямь приехал на ферму отдохнуть. Возился с трактором, заходил в коровник. Неподалеку от дома был лес. Там прятался тихий глубокий пруд, куда Гунар ходил купаться. Уединенность пруда соответствовала его теперешнему душевному состоянию. Правда, начни он тонуть и звать на помощь, вряд ли кто тут услышал бы. Но после купания он ощущал чистоту тела и душевную гармонию. Когда Гунар шел из леса домой и видел вдалеке у фермы маленькие фигурки работающих там людей, сердце его охватывала внезапная нежность к ним.

Но однажды утром Гунар увидел на крыше коровника молодого грифона. Он окликнул, и тот повернул к нему свою большую, отливающую золотом голову.

— Спускайся, — ласково сказал Гунар. — Чего тебе? Молока?

Когда грифон посмотрел на него и ничего не ответил, добавил:

— Мясa?

Грифон нагнул голову и клювом почистил когти.

— Спасибо. Я сыт. Не больше двух сотен лет назад пообедал четырьмя аримаспи.

* * *

Жена хотела, чтобы Гунар повидался с сыном, собиралась вызвать Теодора.

— А может, мне лучше встретиться с ним в городе? Послушай, — вдруг воскликнул он. — Ты подала мне идею. Я выступлю перед студентами технологического института. Когда эти ребята, понимающие толк в науке, увидят моего грифона, это будет победа, поверь мне!

Алиса провожала его и плакала, Гунару тяжело было смотреть на ее искаженное страданием лицо. По другую сторону изгороди, вдоль которой они шли, двигался грифон. Он то бежал, то вдруг, едва не задевая крыльями землю, пытался лететь. «Неужели она не видит этого?» — удивлялся Гунар.

Наконец он остановился, обнял жену за плечи, отвел назад ее короткие пепельные волосы.

— Знаешь ли ты, что я люблю тебя?

— Да, — произнесла она сквозь слезы.

— Ничего страшного, если я съезжу, — сказал он. — Я делаю это для того, чтобы вернуться к тебе. А если не поеду, сможем ли мы так же любить друг друга?

Дальше Гунар пошел один, грифон большими прыжками догонял его. И так он в сопровождении грифона прибыл в столицу. Остановился Гунар в лучшем отеле.

В тот день он оделся как на ассамблею ООН: скроенный в Лондоне костюм прекрасного шотландского твида, белая рубашка, темно-красный шелковый галстук, черная фетровая шляпа и серые замшевые перчатки. Выйдя на улицу, он направился в парк, расположенный рядом с правительственными зданиями. Поднявшись на возвышение для флагштока, Гунар обратился к публике — бездомным беженцами, снующим туда-сюда посыльным, жующим свои обеденные бутерброды клеркам — с призывом обратить внимание на сидящего рядом грифона...

Наступил вечер. Людская толпа завертела Гунара: одни спешили в кино, другие — на концерт... Его беспрерывно толкали, но он упорно пытался что-то рассказывать прохожим. Те, которым некуда было особенно спешить — кто нес, скажем заполненные бланки заказов на почту — останавливались. Ночью, когда улицы опустели, Гунар вернулся в отель. Грифон переночевал поблизости.

На следующий день в городе уже знали, что человек, выступавший в парке, это сам Гунар Фрайс, прибывший поведать о каком-то непонятном существе — то ли звере, то ли птице.

...Возле отеля стала собираться толпа. Многие взбирались на пожарные лестницы, крыши домов. Гунар произносил свою речь, стоя на широких ступенях, спускающихся в парк. Чрезвычайно обрадованный столь большим количеством слушателей, он говорил на этот раз с особой страстностью. Грифон, видимо, раздраженный толпой, вздрагивал каждый раз, когда Гунар упоминал о нем, и вдруг с клекотом взмыл в небо.

— Вы видите? — закричал Гунар, показывая на грифона. Гот бил крыльями, в раскрытом его клюве трепетал алый язык, а глаза пламенели в лучах послеполуденного солнца. Грифон парил некоторое время футах в тридцати над головой Гунара, затем поднялся и сел на карнизе соседнего здания.

Люди смотрели вверх, затем опускали глаза, и на их лицах отражалось недоумение. Никто, однако, не смеялся. Люди слушали серьёзно и внимательно, — помня, кем Гунар был прежде. Между тем, привлеченные толпой, появились ещё несколько грифонов. Они покружились и сели на крыши домов. На фоне светлого неба грифоны неотличимо напоминали изваяния.

Гунар Фрайс спускался по ступеням, и люди расступались перед ним. Он не упал духом. Впереди были другие города и другие слушатели. Особенно большую аудиторию он надеялся собрать в Нью-Йорке, штаб-квартире ООН.

Грифон к этому времени опустился рядом и следовал за ним. Гунар слышал хлопанье крыльев и клацанье когтей о камень. Грифон издавал гортанные звуки — что-то его тревожило.

От толпы отделились двое полицейских и направились к Гунару.

Шли они без особого желания. Им не хотелось пресекать данный факт нарушения общественного спокойствия и вмешиваться в дело, связанное с человеком такого высокого положения. Однако их обязывал к тому телефонный звонок самого Эрнеста Горгаса: «Задержите его, — приказал он, — доставьте во Дворец Правосудия и ждите дальнейших указаний. Действуйте корректно, уважая его права гражданина и помня, что он бывший дипломат».

— Гунар Фрайс, — сказал один из полицейских, — мы выполняем волю президента.

— А если я буду сопротивляться?

Второй полицейский коснулся его локтя, и Гунар подумал: «Они не смогут ничего со мной сделать». Он протянул руку назад, положил ладонь на плечо грифона и привлек его к себе.

— Выдержишь ли ты тяжесть моего тела?

Грифон кивнул, но глаза его стали тревожными.

— Когда ты просил сопровождать тебя, разве мы договаривались, чтобы я также и нёс тебя? Мы редко переносим на себе смертных.

— Так уж получилось.

Грифон нехотя поднялся на задние лапы. Гунар шагнул было к нему, чтобы обхватить руками шею и оседлать львиную часть, но полицейские уже крепко держали его за локти.

Гунара Фрайса привели в камеру, предназначенную для политических деятелей, банкиров, знаменитых адвокатов, актрис и профессоров. Там были пепельница, маленький холодильник и коробка с туалетной бумагой. Далеко не новая мебель выглядела, тем не менее, довольно внушительно. На спинках стульев еще не окончательно выцвели вышитые там когда-то звёзды. Гунара ждали адвокат и врач-психиатр, жизнерадостный и розовощёкий молодой человек.

— Договоритесь, чтобы меня выпустили под залог, — сказал Гунар адвокату. — Завтра утром меня не будет в стране.

— Как раз этого-то и боятся власти, — ответил адвокат, человек весьма компетентный и располагающий к себе. — Вы сами рассудите, Гунар, — и в его голосе послышался упрёк. — Вы всё-таки человек с положением. Уедете за границу, там послушают ваши речи и скажут: «И он был посланником?!» Это же дискредитирует нашу страну...

Врач, который до сих пор доброжелательно слушал, покуривая сигарету, вступил в разговор.

— Господин Фрайс, президент рекомендовал подвергнуть вас психоанализу. Но я не буду этого делать. Хочу только, чтобы вы ответили мне на несколько вопросов. И не для того, чтобы помочь мне как врачу, а чтобы прояснить вашу же собственную точку зрения как человека разумного и ответственного. Вы заявляете, что видите грифонов, животных из античной мифологии. Это верно?

— Верно, — ответил Гунар. — Верно и то, что я это заявляю, и то, что я их вижу.

Он взял сигарету из серебряного портсигара, протянутого доктором.

— А почему грифонов?

— А почему бы и не их? Тем более, что это грифоны, а не змеи и не слоны... Извините, но я не стану облегчать вам задачу.

— Нет-нет, — засмеялся доктор и, щёлкнув зажигалкой, поднёс огонь к сигарете Гунара. Рука доктора чуть дрогнула от смеха, глаза, рот и маленькие усики — всё улыбалось на его круглом лице. — Я не о том. Почему они возвратились, я это имею в виду. По-вашему, они толкователи нашего времени?

«Ну вот, нашёлся хоть один человек, близкий мне по духу», — подумал Гунар, не вникая в мотивы вопроса, и рассказал миф о грифоне и значении его имени, а доктор внимательно слушал и кивал головой.

— Послушайте, — продолжал Гунар, вы когда-нибудь думали о том, что мир сейчас находится на распутье, пытаюсь разгадать величайшую загадку? Либо мы превратим планету в изобильный сад, либо истребим сами себя. Либо мы сотрём с лица земли всё, созданное человечеством, либо достигнем невиданного расцвета. И если вы осознаете весь ужас ситуации, то вам не покажется странным появление этого создания — существа с орлиными крыльями, телом льва и пламенным взором.

Гунар смолк, услышав шум крыльев за окном. Как он и ожидал, грифон последовал за ним и сейчас сел на крышу.

— Жаль, — вздохнул доктор, — что никто больше их не видит.

В разговор вмешался адвокат:

— Как частное лицо вы имеете полное право говорить всё, что хотите.

Тем не менее, президент просит, чтобы вы дали ему слово, как другу, не произносить никаких речей ни публично, ни в узком кругу об этих ваших грифонах.

— Передайте Эрнесту, что грифоны важнее него, — ответил Гунар.

— Возьмете ли вы его в лечебницу? — спросил адвокат у доктора.

Доктор встал в знак окончания разговора и вдавил сигарету в пепельницу.

— Я предпочел бы лечить людей, лишенных такого видения.

Адвокат и доктор вышли проконсультироваться по телефону с президентом. Когда они вернулись, с ними был охранник, столь же послушно выполняющий приказ об освобождении, как и о заключении под стражу.

Гунар Фрайс взял шляпу и перчатки.

— Один из них сейчас на крыше, — сообщил он доктору. — Если вам это интересно, мы можем взглянуть на него.

Они поднимались по каменной винтовой лестнице. Это была старая тюрьма. О сегодняшнем дне напоминали лишь электричество и водопроводные трубы. Охранник отпер чердачную дверь.

Грифон лежал на парапете, свесив голову вниз. Вероятно, его занимала уличная толча. Временами он поднимал голову и смотрел на голубей, которые ворковали, собирались в стайки, перелетали с места на место. На фоне жёлтого закатного неба грифон казался тёмным и большим: его перья ласково шевелил ветерок.

— Доктор, я в вас верю, вы его видите? — спросил Гунар.

— Вижу, — уверил доктор.

Адвокат в замешательстве кашлянул.

Гунар шагнул к грифону:

— Не могли бы мы попытаться взлететь?

Доктор побледнел. Гунар, заметив его реакцию, продолжал:

— Я вполне умещусь на его спине, а руками обхватчу шею. Я буду немного стеснять его движения, но это ничего. Вы удивлены? Я понимаю, вы его не видите... Но вот что я подумал еще там, в парке: «Если я боюсь лететь, значит сам не уверен в его существовании. А вот так, вверившись ему, я докажу, что он есть».

Доктору стало не по себе. Он оцепенел.

Только сейчас адвокат понял широту души Гунара. Он дотронулся до его руки:

— Гунар, — умоляюще сказал он. — Вы поедете первым классом. Я сам за всем прослежу. Вам разрешат уехать, более того, — отправят с миссией. Я буду говорить с президентом и в палате представителей.

Но Гунар был уже рядом с грифоном и взбирался на парапет. Охранник курил, прислонившись к двери. То, что происходило, было не его заботой — властям виднее. А Гунар Фрайс, представив, как через мгновение все трое рванутся к нему, бросился на спину грифона...

Они летели на запад, внизу проплывал город. Затем их догнала ночь, опустилась тьма. Земля была далеко внизу. И Гунар не знал, летят ли они еще над Европой или уже достигли Атлантического океана.

— Спустись поближе к земле, — прокричал Гунар.

Он не узнал своего голоса. Ветер не уносил звуки прочь, как можно было ожидать, слова звучали четко и ясно, будто в тихом недвижимом воздухе. Наверно, так вещают оракулы.

— Зачем? — спросил грифон.

— Можешь ли ты отсюда различить огни?

Грифон с усмешкой посмотрел по сторонам. Гунар увидел его глаза, ярко сиявшие в ночи, чистое синее пламя. В них сражались огни города. Гунар верил, что это был Нью-Йорк...

Инвариант

Продолжаем публикацию глав книги А. де Токвиля, находящейся в центре дискуссий в современной Америке.

Предыдущие главы:

Предисловие к журнальной публикации. Введение. Гл. 1. Внешние очертания Северной Америки. — № 4, 1994; Гл. II. Происхождение англоамериканцев и как оно сказалось на их будущем. — № 5, 1994; Гл. III. Общественный строй англоамериканцев. Гл. IV. О принципе народовластия в Америке. — № 6, 1994; Гл. V. Необходимость изучить происходящее в отдельных штатах, прежде чем перейти к описанию управления всем Союзом. — № 1-2, 1995; Гл. VI. Судебная власть в Соединенных Штатах и ее влияние на политическое устройство общества; Гл. VII. О федеральной конституции. — № 3. 4, 5-6. 1995; Часть вторая. Гл. I. На чем основывается утверждение, что в Соединенных Штатах страной управляет народ. Гл. II. О партиях в Соединенных Штатах. Гл. III. О свободе печати в Соединенных Штатах. Гл. IV. О политических объединениях в Соединенных Штатах. — № 1-2, 1996; Гл. V О демократическом правительстве в Америке. — № 3-4. 1996; Гл. VI. Реальные преимущества демократической формы правления для американского общества. — № 5-6, 1996; Гл. VII. О всевластии большинства в Соединенных штатах и его последствиях. — № 7, 1996; Гл. VIII. Что сдерживает тиранию большинства в Соединенных Штатах. — № 8-9, 1996 г.

Алексис де Токвиль (1805-1859) Демократия в Америке⁴⁷

Глава IX ОБ ОСНОВНЫХ ПРИЧИНАХ, СПОСОБСТВУЮЩИХ СУЩЕСТВОВАНИЮ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Соединенных Штатах демократическая республика продолжает существовать. Объяснить причины этого явления — вот основная цель этой книги. Среди причин есть такие, которые я невольно и вскользь указывал в ходе повествования. Есть и другие, которые я не имел возможности проанализировать. Те же, которым я уделил много внимания, могут остаться незамеченными из-за обилия подробностей.

Поэтому прежде чем двигаться дальше и говорить о будущем, я считаю необходимым коротко сказать о всех тех причинах, которые могут

⁴⁷ Перевела Ирина Малахова.

служить объяснением существующего положения.

Это будет краткий обзор, так как я постараюсь лишь напомнить читателю в общем виде то, что ему уже известно. Что касается фактов, о которых я еще не упоминал, то я остановлюсь лишь на самых основных.

Все причины, способствующие поддержанию демократической республики в Соединенных Штатах, можно свести к трем:

первая — особое положение, в которое американцы попали волей случая и Провидения;

вторая — законы;

третья — обычаи и нравы.

РОЛЬ СЛУЧАЯ И БОЖЕСТВЕННОГО ПРОМЫСЛА В ПОДДЕРЖАНИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

У Союза нет соседей. — В нем нет больших столиц. — Успеху американцев способствуют счастливые обстоятельства, сопутствовавшие их происхождению. — Америка — пустынная страна. — Это обстоятельство является мощным фактором поддержания демократической республики. — Каким образом в Америке заселяются пустынные места. — Страстное стремление англоамериканцев к освоению незаселенных пространств Нового Света. — Влияние материального благосостояния на политические убеждения американцев.

Множество обстоятельств, не зависящих от воли человека, облегчают существование демократической республики в Соединенных Штатах. Одни из них известны, с другими можно легко ознакомиться. Я ограничусь лишь описанием основных.

У американцев нет соседей, поэтому им не угрожают крупные войны, финансовые кризисы, опустошения и завоевания. Им нет нужды взимать большие налоги, содержать многочисленную армию, иметь крупных военачальников. Им почти не угрожает и другое бедствие, более опасное для республик, чем все вышеперечисленные вместе взятые, — военная слава.

Невозможно отрицать то огромное влияние, которое оказывает на народный дух военная слава. Генерал Джэксон, которого американцы дважды избирали главой государства, обладает необузданным характером и средними способностями. В течение всей своей карьеры он никогда не демонстрировал качеств, необходимых для управления свободным народом. Большинство просвещенных классов Союза всегда выступало против него. Что же позволило ему занять пост президента и до сих пор оставаться на нем? Только воспоминания о победе, одержанной им двадцать лет тому назад под стенами Нового Орлеана. Но ведь победа под Новым Орлеаном — это заурядное военное событие, которое не осталось бы надолго в памяти народа, которому приходится много воевать. Народ, который способен подпасть под обаяние подобной военной славы, без сомнения, самый холодный, самый расчетливый, наименее воинственный и, если можно так выразиться, самый прозаический народ в мире.

В Америке нет ни одной крупной столицы⁴⁸, которая бы

⁴⁸ В Америке пока нет крупных столиц, но там уже есть очень большие города. В Филадельфии в 1830 году проживала 161 тысяча человек, а в Нью-Йорке — 202 тысячи. Низшие слои населения, живущие в этих больших городах, представляют еще большую

распространяла свое прямое или косвенное влияние на всю территорию страны. В этом я вижу одну из основных причин существования республиканского правления в Соединенных Штатах. В городах люди неизбежно объединяются, они могут все одновременно приходить в возбуждение и принимать неожиданные, продиктованные страстями решения. Там народ оказывает огромное воздействие на назначенных им чиновников, нередко он творит свою волю сам, без посредников.

При подчинении провинций столице судьба всей страны попадает не просто в руки одной части населения, что, конечно, несправедливо. Она попадает в руки народа, который действует самостоятельно, а это представляет большую опасность. Господство столицы наносит серьезный ущерб представительной системе и порождает в современных республиках порок, который был присущ древним республикам: все они погибли из-за того, что не имели представительной системы.

Нетрудно было бы перечислить множество других, второстепенных причин, которые способствовали установлению и обеспечивают существование демократической республики в Соединенных Штатах. Но среди множества счастливых обстоятельств я вижу два основных и немедленно на них укажу.

Я уже говорил ранее, что первой, самой важной причиной, которой можно объяснить нынешнее процветание Соединенных Штатов, является происхождение американцев, то, что я назвал их началом. На заре существования американцам повезло: когда-то их отцы установили на земле, где они теперь живут, равенство условий и способностей, что послужило естественной основой для возникновения демократической республики. И это еще не все. Кроме республиканского общественного устройства, они оставили своим потомкам привычки, идеи и нравы, необходимые для процветания республики. Когда думаешь о последствиях этого первоначального факта, то кажется, что судьба Америки была predetermined тем первым ступившим на ее берег пуританином, так же, как судьба человечества была predetermined первым человеком.

Крайне важным обстоятельством, способствовавшим установлению и сохранению демократической республики в Соединенных Штатах, являются размеры территории, на которой живут американцы. От отцов они унаследовали любовь к равенству и свободе, но только Бог,

опасность, чем европейская чернь. Их составляют прежде всего свободные негры, которые в силу законов и общественного мнения обречены из поколения в поколение жить в унижении и нищете. Там можно встретить немало европейцев, которых несчастья или беспутство ежедневно гонят на берега Нового Света. Эти люди приносят в Соединенные Штаты наши самые отвратительные пороки, не имея в то же время никаких интересов, способных их смягчить. Они живут в этой стране, не будучи ее гражданами, и готовы извлекать выгоду из всех страстей, которые ее сотрясают. Именно поэтому в последнее время в Филадельфии и Нью-Йорке вспыхивали серьезные волнения. В остальной части страны подобных беспорядков не бывает, и они ее совершенно не интересуют. Дело в том, что жители городов до нынешнего времени не имели никакой власти над негородским населением и не оказывали на него никакого влияния.

Размеры некоторых американских городов, а также натура их жителей могут представлять истинную опасность для будущего демократических республик Нового света. Я беру на себя смелость предсказать, что именно они могут стать причиной их гибели, если только правительствам республик не удастся подавить эти эксцессы путем создания вооруженной силы, подчиненной воле национального большинства, но не зависящей от населения городов.

даровавший им необъятный континент, дал им возможность долго жить равными и свободными.

Всеобщее благосостояние обеспечивает стабильность любой формы правления, но оно особенно важно для демократии, основой которой являются настроения большинства и главным образом настроения тех, кто испытывает нужду. При народном правлении государство может жить без потрясений, только если народ счастлив, поскольку нищета действует на него так же, как честолюбие действует на монархов. А ведь ни одна страна мира ни в одну историческую эпоху не имела столько материальных и не зависящих от закона предпосылок благосостояния, сколько имеет Америка.

Процветание Соединенных Штатов объясняется не только демократичностью их законодательства, сама природа работает там на народ.

Человеческая память не сохранила ничего похожего на то, что происходит на наших глазах в Северной Америке.

Прославленные общества древности развивались в окружении враждебных народов, которые надо было победить для того, чтобы занять их территорию. Даже современные народы, обнаружив в Южной Америке обширные территории, столкнулись там с населением, которое хотя и уступало им по развитию, но уже овладело землей и обрабатывало ее. Для создания своих новых государств им пришлось уничтожить или поработить это население, и их победы покрыли позором цивилизованные народы.

Что касается Северной Америки, то в ней жили кочевые племена, которые еще не помышляли об использовании природных богатств. Северная Америка была еще в буквальном смысле пустынным континентом, незаселенной землей, которая ждала своих жителей.

Все необычно у американцев: и их общественное устройство, и их законы. Но самое необычное из всего, что они имеют, — это земля, на которой они живут.

Когда Создатель дал землю людям, она была молодой и богатой, но люди были слабы и невежественны. Когда же они научились извлекать пользу из таящихся в ней сокровищ, они уже заселили ее всю, и им пришлось сражаться за право обладать своей территорией и свободно жить на ней.

Именно в это время была открыта Америка, как будто Бог держал ее про запас и она только что показалась из вод потопа.

В ней, как в первые дни творения, текут полноводные реки, простираются бескрайние и незаселенные леса, болота, ее безграничных полей никогда не касался плуг пахаря. И она достается не одинокому, невежественному и примитивному человеку первобытных веков, а человеку, уже постигшему главные тайны природы, объединенному со своими ближними, обладающему пятидесятивековым опытом.

В настоящее время тринадцать миллионов цивилизованных европейцев не спеша заселяют плодородные пустынные земли, ни всех богатств, ни точных размеров которых они еще не знают. Три или четыре тысячи солдат оттесняют кочевые племена индейцев. За ними идут лесорубы, которые прокладывают в лесах дороги, отгоняют диких животных, исследуют течение рек и таким образом подготавливают триумфальное шествие цивилизации через лесную глушь.

В этой книге я уже неоднократно упоминал о материальном

благосостоянии американцев как об одной из причин успеха американских законов. Об этом многие говорили и до меня. Это единственная причина, которая бросалась в глаза европейцам и стала у нас общеизвестной. Поскольку о ней часто писали и она вполне понятна, я не буду на ней останавливаться и задержу внимание читателя на нескольких новых фактах.

Обычно считается, что пустынные земли Америки заселяются европейскими эмигрантами, ежегодно приезжающими в Новый Свет, тогда как американское население живет и увеличивается на территории, которую занимали его отцы. Это глубокое заблуждение. Европейцы, прибывающие в Соединенные Штаты, обычно не имеют ни друзей, ни денег. Для того, чтобы жить, они вынуждены продавать свой труд, и поэтому они чаще всего остаются в большой индустриальной зоне, расположенной вдоль океанского побережья. Невозможно обрабатывать пустынные земли, не имея ни денег, ни кредита; прежде чем отправиться в леса, нужно привыкнуть к новому суровому климату. Поэтому хозяевами больших земельных угодий в отдаленных местностях становятся американцы, которые ежедневно уезжают туда из мест, где они родились. Так, европейцы покидают свои хижины и едут жить на американское побережье Атлантического океана, а американцы, родившиеся на этом побережье, в свою очередь переселяются вглубь Центральной Америки. Этот двойной поток мигрантов никогда не прекращается. Одни уезжают из центра Европы и пересекают великий океан, другие движутся через пустынные земли Нового Света. Миллионы людей одновременно переселяются в одном направлении. Они говорят на разных языках, у них разные религии и нравы, но их объединяет цель. Им сказали, что богатство можно найти где-то на Западе, и они спешат за ним.

Ничто не может сравниться с этим постоянным переселением людей, кроме, может быть, того, что сопровождало падение Римской империи. В те времена массы людей также передвигались в одном направлении, и между ними происходили бурные столкновения. Но замыслы Провидения тогда были другими. Каждый вновь приходящий приносил смерть и разрушение, сегодня же каждый несет ростки процветания и жизни.

Отдаленные последствия миграции американцев на Запад еще скрыты будущим, но непосредственные результаты налицо: поскольку часть коренных жителей выезжает из штатов, где они родились, население этих штатов растет медленно, несмотря на их длительное существование. Так, штат Коннектикут насчитывает лишь пятьдесят девять жителей на квадратную милю, а его население за двадцать пять лет увеличилось лишь на одну четверть. В Англии за тот же период оно выросло на одну треть. Эмигрант из Европы попадает, таким образом, в наполовину заселенную страну, где промышленность нуждается в рабочих руках. Он становится живущим в достатке рабочим. Его сын отправляется искать счастья в пустынные земли и становится богатым собственником. Первый копит капитал, а второй пускает его в оборот, но в нищете не живет ни тот, кто эмигрировал в Америку, ни тот, кто там родился.

В Соединенных Штатах закон всеми силами способствует дроблению собственности, но существует вещь более могущественная, чем закон, которая препятствует чрезмерному ее дроблению. Это легко заметить в штатах, в которых население начинает заметно расти. Массачусетс — самый плотно населенный штат Союза, в нем насчитывается восемьдесят

жителей на квадратную милю. Это гораздо меньше, чем во Франции, где на том же пространстве проживает сто шестьдесят два человека.

Однако в Массачусетсе небольшие земельные владения дробятся уже редко. Обычно земля отходит к старшему в семье, а младшие отправляются искать счастья на новые незаселенные места.

Закон отменил право первородства, но его восстановило Провидение. Однако никто об этом не сожалеет, поскольку теперь он не оскорбляет чувства справедливости.

По одному факту можно судить о том, какое огромное количество людей переселяется вместе с семьями из Новой Англии в пустынные места. Нас уверяли, что в 1830 году в конгрессе было тридцать шесть представителей, родившихся в небольшом штате Коннектикут. Таким образом, от населения этого штата, составляющего сорок третью часть населения Соединенных Штатов, была избрана восьмая часть представителей всей страны.

Однако сам штат Коннектикут посылает лишь пять депутатов в конгресс, остальные же — тридцать один депутат — избираются от новых, западных штатов. Если бы эти люди жили в Коннектикуте, они, скорее всего, были бы не богатыми собственниками, а мелкими земледельцами, и жили бы в неизвестности. Политическая карьера никогда бы не открылась перед ними, и вместо того, чтобы стать полезными законодателями, они были бы опасными гражданами.

Эти факты замечаем не только мы, они не ускользают и от американцев.

«Нет сомнения в том, — пишет судья Кент в своих „Комментариях к американскому праву“ (т. IV. с. 380), — что дробление наделов, доведенное до крайности, могло бы привести к печальным последствиям, если бы, например, семья, владеющая одним участком не могла с него кормиться. Но в Соединенных Штатах этого никогда не было, и еще многие поколения американцев не столкнулись с такой проблемой. Размеры нашей территории, обилие простирающихся перед нами земель и постоянное переселение людей с берегов атлантического океана вглубь страны помогают и еще долго будут помогать избежать дробления передающихся по наследству земель».

Трудно описать ту алчность, с которой американцы бросаются на огромную добычу, дарованную им судьбой. Преследуя ее, они бесстрашно идут на стрелы индейцев, переносят болезни, подстерегающие их в пустыне, не боятся лесного безмолвия, не приходят в смятение при встрече со свирепыми животными. Страсть, которая гонит их вперед, сильнее любви к жизни. Перед ними простирается почти безграничный континент, а они спешат так, словно боятся прийти слишком поздно и не найти себе места. Я говорил о переселении из старых штатов, но люди переселяются и из новых. Штату Огайо нет еще и пятидесяти лет, основная часть его жителей родилась за его пределами, его столица еще не существует и тридцати лет, и на его территории есть бескрайние пустынные поля. Однако население Огайо вновь переселяются на Запад: большинство тех, кто приходит в плодородные прерии Иллинойса, — жители Огайо. Эти люди оставили свою первую родину, чтобы жить хорошо, теперь они уезжают и со второй, чтобы жить еще лучше. Они почти повсюду находят богатство, но не счастье. Их стремление к благосостоянию превратилось в горячую и беспокойную страсть, которая растет по мере ее удовлетворения. Когда-то они разорвали связи,

прикреплявшие их к родной земле, и с тех пор у них не возникло новых связей. Переселение стало для них потребностью, они видят в нем что-то вроде азартной игры, в которой они одинаково любят и переживания, и выигрыш.

Иногда люди перемещаются так быстро, что местность, в которой они побывали, возвращается к девственному состоянию. Леса лишь расступаются перед ними и вновь смыкаются, когда они проходят. Путешествуя по новым западным штатам, нередко встречаешь в лесу брошенные жилища. В самых глухих местах можно обнаружить хижину и с удивлением заметить следы корчевки, свидетельствующие одновременно о силе и непостоянстве человека. Оставленные поля и развалины недолго послуживших жилищ немедленно зарастают лесом, ушедшие животные возвращаются, природа весело и быстро скрывает за молодыми побегами и цветами следы мимолетного пребывания человека, а затем и уничтожает их.

Однажды, проезжая походному из пустынных округов, еще имеющих в штате Нью-Йорк, я подъехал к озеру, берега которого густо поросли лесом, как в незапамятные времена. Посреди озера я увидел маленький остров. Он был покрыт шапкой леса, даже берегов не было видно. На берегах озера не было ни души, на горизонте над верхушками деревьев к небу поднимался дымок. Казалось, что он свисает сверху, а не идет снизу.

На песке лежала индейская пирога, и я воспользовался ею для того, чтобы переправиться на остров, который привлек мое внимание. Вскоре я был там. Остров оказался одним из тех очаровательных нетронутых уголков, при виде которых цивилизованный человек начинает сожалеть о дикой жизни. Буйная растительность свидетельствовала о сказочном плодородии почвы. Там, как всегда в североамериканской глуши, царила глубокая тишина, которую нарушали лишь однообразное воркование диких голубей да стук дятла по дереву. Мне и в голову не могло прийти, что здесь кто-то уже побывал, настолько нетронутой казалась природа; но, дойдя до середины острова, я вдруг увидел что-то похожее на следы пребывания человека. Тогда я внимательно осмотрел все вокруг, и скоро у меня не осталось сомнения, что здесь уже жил европеец. Но как преобразилось то, что было результатом его трудов! Деревья, которые он срубил, чтобы построить себе хижину, дали новые ростки, частокол превратился в живую изгородь, а хижина — в куст. Посреди этой растительности в куче пепла лежали камни, почерневшие от копоти. Когда-то это был очаг, труба обрушилась и завалила его. Некоторое время я молча любовался силой природы и слабостью человека, а уходя из этого волшебного места, с грустью повторял: «Вот как! И здесь уже развалины!»

В Европе мы привыкли смотреть на беспокойный ум, неумеренное стремление к богатству и крайнюю тягу к независимости как на большую опасность для общества. Именно все это гарантирует американским республикам большое и мирное будущее. Если бы не все эти неумные страсти, население скопилось бы в некоторых местах и вскоре, так же как мы, начало бы испытывать потребности, удовлетворить которые ему было бы нелегко. Новый Свет — это счастливый край, пороки людей там почти так же полезны обществу, как добродетели!

Это оказывает огромное влияние на то, как судят о поступках людей в разных полушариях. Американцы часто называют похвальным занятием

то, что мы считаем жадной наживой, и видят определенную душевную трусость в том, что мы рассматриваем как умеренность желаний. Во Франции на простые вкусы, спокойные нравы, семейный дух и привязанность к месту своего рождения смотрят, как на основу незыблемости и счастья государства. В Америке подобные добродетели могли бы лишь повредить обществу. Канадские французы, которые остались верны старым нравам, уже испытывают трудности, и вскоре этот маленький, недавно появившийся народ столкнется с теми же бедами, которые переживают народы Старого Света. В Канаде самые просвещенные, самые патриотичные и гуманные люди не жалеют усилий для того, чтобы заставить народ отказаться от простого счастья, которое его все еще удовлетворяет. Живя среди нас, они, возможно восхваляли бы прелести честной посредственности, а там они прославляют богатство. Если в других местах думают о том, как успокоить человеческие страсти, то они, напротив, заботятся о том, чтобы их разжечь. Сменить чистые и спокойные удовольствия, доступные на родине даже бедняку, и уехать в чужие края в погоне за скупыми радостями, которые дает благосостояние; бросить отцовский дом и места, где покоится прах предков; расстаться с живыми и мертвыми и ехать искать счастья — вот что в их глазах заслуживает наибольшей похвалы.

Люди сейчас находят в Америке так много богатств, что у них не хватает сил, чтобы их освоить.

Поэтому никакие знания не могут быть ненужными. Кроме того, знания служат там не только тем, кто ими обладает, но и приносят пользу, тем, кто их не имеет. Возникающие вновь потребности не представляют опасности, ведь их нетрудно удовлетворить, можно не бояться и слишком бурных страстей, поскольку они легко находят благотворный выход, нет никакой нужды в малейших ограничениях свободы, люди почти никогда не склонны злоупотреблять ею.

Американские республики можно сравнить с компаниями неготиантов, созданными для совместного освоения пустынных земель Нового Света и успешно ведущими торговлю.

Американцев больше всего волнуют не политические, а коммерческие дела, или вернее, они переносят на политику привычки, приобретенные в коммерции. Они любят порядок, который необходим для успеха в делах, глубоко ценят умеренные нравы, которые лежат в основе прочной семьи. Они предпочитают здравый смысл — создатель крупных состояний — гениальности, которая их нередко пускает на ветер. Идеи общего характера пугают их ум, привыкший к конкретным расчетам, а практике они отдают предпочтение в сравнении с теорией.

Чтобы понять, какое влияние оказывает материальное благосостояние на политическую деятельность и даже на убеждения, которые, казалось бы, подчинены лишь разуму, надо поехать в Америку. Особенно хорошо это заметно в людях, недавно обосновавшихся в Соединенных Штатах. Большинство эмигрантов из Европы приезжают в Новый Свет, гонимые необузданным стремлением к независимости и переменам, которое возникает из-за наших невзгод. Мне приходилось встречать в Соединенных Штатах европейцев, вынужденный в свое время бежать из своих стран из-за политических убеждений. Я с удивлением слушал их всех, но один из них меня особенно поразил. Однажды я проезжал по одному из отдаленных округов Пенсильвании и с наступлением ночи попросился на ночлег в дом богатого плантатора,

француза. Он усадил меня у камина, и у нас завязалась непринужденная беседа, как это бывает между соотечественниками, которые встречаются в лесной глуши, вдали от своей родной страны. Мне было известно, что сорок лет тому назад мой хозяин был завзятым сторонником равенства и пылким демагогом. Его имя осталось в истории.

Я был очень удивлен, когда он, как экономист, чтобы не сказать, как собственник, заговорил о праве на собственность, о необходимости иерархии между людьми, которую она устанавливает, о повиновении существующему закону, о влиянии на республику добрых нравов, о пользе, которую приносит порядку и свободе религия. Для подтверждения одной из своих политических идей он даже, как бы невзначай, сослался на веру в Иисуса Христа.

Слушая его, я размышлял о несовершенстве человеческого разума. Верно что-либо или ложно — как понять это, если ни наука, ни опыт не дают ясного ответа? Но вот появляется новый факт, и он рассеивает все сомнения. Человек был беден, а затем стал богатым. Если бы благосостояние, определяя его поведение, не воздействовало на его суждения! Но нет, с приобретением богатства его убеждения претерпевают глубокие изменения. В своей удаче он видит тот определяющий довод, которого ему не хватало до сих пор.

На коренных американцев благосостояние оказывает еще более значительное воздействие, чем на вновь приезжающих. Американцы всегда видели, что порядок и процветание тесно связаны и всегда идут в ногу. Они и представить себе не могут, что то и другое может существовать по отдельности. Им не надо забывать то, чему их учили раньше, и переучиваться, как европейцам.

О ТОМ, КАК ЗАКОНЫ ВЛИЯЮТ НА ПОДДЕРЖАНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Три основные причины, способствующие существованию демократической республики. — Федеральная структура. — Общинные учреждения. — Судебная власть.

Основной целью этой книги было ознакомление читателя с законами Соединенных Штатов. Если она достигнута, то читатель уже сам может сделать вывод о том, какие законы действительно служат укреплению демократической республики, а какие представляют для нее опасность. Если же мне еще не удалось достичь своей цели, то невозможно рассчитывать, что это удастся сделать в одной главе.

Поэтому я не хочу возвращаться к тому, о чем я уже говорил, а сделаю лишь краткий обзор, который уместится в нескольких строках.

Три основные причины способствуют, как представляется, поддержанию демократической республики в Новом Свете.

Во-первых, это федеральная структура, избранная американцами. Благодаря ей Союз обладает силой крупной республики и долговечностью малой.

Во-вторых, это существование общинных учреждений, которые, с одной стороны, умеряют деспотизм большинства, а с другой — прививают народу вкус к свободе и учат его жить в условиях свободы.

В-третьих, это судебная власть. Я уже показал, какую роль играют суды в исправлении ошибок демократии и как им удается

приостанавливать и направлять порывы большинства, хотя они и не способны их пресечь.

О ТОМ, КАК НРАВЫ ВЛИЯЮТ НА ПОДДЕРЖАНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Я уже говорил выше, что считаю нравы одной из основных причин, которыми можно объяснить существование демократической республики в Соединенных Штатах.

Под словом «нравы» я подразумеваю то же, что древние называли словом *mores*. Я употребляю это слово не только для обозначения нравов в узком смысле, которые можно было бы назвать привычками души, но и для обозначения различных понятий, имеющихся в распоряжении человека, различных убеждений, распространенных среди людей, совокупности идей, которые определяют привычки ума.

Я подразумеваю под этим словом моральный и интеллектуальный облик народа. Я не ставлю себе целью описывать американские нравы, но хочу выделить те из них, которые способствуют укреплению американских политических учреждений.

О РЕЛИГИИ КАК ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ. ЕЕ ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ РОЛЬ В УПРОЧЕНИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Жители Северной Америки исповедуют демократическое и республиканское христианство. — Первые католики в Соединенных Штатах. — Почему в наши дни католики представляют собой слой населения, наиболее приверженный демократии и республике.

Каждая религия связана с определенными политическими убеждениями в силу своего сходства с ними.

Если дух человека развивается свободно, он стремится привести в соответствие политическое общество и религиозные институты, стремится, если мне будет позволено так сказать, привести к гармонии земную жизнь и небесную.

Основная часть английской Америки была заселена людьми, которые, выйдя из-под власти папы, ни за кем не признали права на религиозное верховенство. Поэтому они принесли в Новый Свет христианство, которое точнее всего можно определить как демократическое и республиканское. С самого начала и до нынешнего времени политика и религия жили в согласии.

Около пятидесяти лет тому назад из Ирландии в Соединенные Штаты начали переселяться католики. В свою очередь и некоторые американцы обратились в католичество. Сегодня в Союзе живет более миллиона христиан, следующих заветам католической церкви.

Американские католики очень строги в отправлении своего культа. Они веруют горячо и истово. В то же время это самый преданный республике и демократии слой населения в Соединенных Штатах. Поначалу этот факт может показаться удивительным, но, поразмыслив, легко понять его скрытые причины.

Те, кто считает, что католичество по своей природе враждебно демократии, ошибаются. Напротив, среди различных христианских

учений католичество в большей степени, чем другие. благоприятно для возникновения равенства между людьми. У католиков религиозное общество состоит из двух элементов: священник и народ. Священник возвышается над всеми верующими, все, кто стоит ниже его, равны между собой.

Католические догмы одинаковы для людей разного умственного развития, вера образованных людей и невежественных, талантливых и посредственных должна быть совершенно одинаковой. Католичество обязывает и бедных и богатых следовать одним обрядам, одинаково сурово относится к сильным и слабым, оно не вступает в сделку ни с одним смертным и подходит ко всем людям с одной меркой. Ему нравится смешивать у алтаря все классы общества так же, как они смешаны перед Господом Богом.

Католичество, приучая верующих к послушанию, готовит их к равенству. Протестантство же, напротив, обычно направляет людей не к равенству, а к независимости.

Католичество можно сравнить с абсолютной монархией. Если исключить государя, равенство условий для граждан в ней глубже, чем в республике.

Нередко бывало, что католические священники выходили за рамки чисто религиозной деятельности и становились общественной силой, занимая определенное место в социальной иерархии. В таких случаях они иногда использовали свое религиозное влияние для того, чтобы укрепить политический строй, частью которого они были. Тогда католики становились сторонниками аристократии из религиозных чувств.

Но как только священников отстраняют от управления или они сами от него отстраняются, как, например, в Соединенных Штатах, католики оказываются наиболее подготовленными своей верой к тому, чтобы перенести идею равенства в политическую жизнь.

Хотя нельзя сказать, что католическая вера с непреодолимой силой влечет своих приверженцев в Соединенных Штатах к демократическим и республиканским убеждениям, она, по крайней мере, не настраивает против этих убеждений. Принять же их они вынуждены из-за положения в обществе и своей малочисленности.

Большинство католиков бедны, поэтому они могут участвовать в управлении обществом только в том случае, если такая возможность предоставлена всем гражданам. Католики составляют меньшинство, стало быть, для того, чтобы они могли пользоваться своими правами, необходимо уважение прав всех граждан. По этим причинам они невольно становятся сторонниками политических теорий, от которых они, возможно не были бы в восторге, если бы были богаты и составляли большинство. Католическое духовенство Соединенных Штатов никогда не пыталось бороться против политических настроений своей паствы. Напротив, оно всегда стремилось оправдать их. Для американских католических священников духовный мир состоит из двух частей. Одну составляют религиозные догмы, которым они подчиняются без рассуждений, а другую — политическая жизнь, в которой, по их мнению, Бог предоставляет людям свободу творчества. Поэтому католики в Соединенных Штатах предстают и как послушные своему пастырю верующие, и как независимые граждане.

Таким образом, можно сказать, что в Соединенных Штатах ни одно религиозное учение не занимает враждебной позиции по отношению к

демократическим и республиканским учреждениям. Духовенство всех церквей придерживается по этому поводу одного мнения, убеждения не противоречат законам, в умах царит согласие.

Когда я находился в одном из крупных городов Союза, меня пригласили на политическое собрание. Его целью была организация помощи Польше, сбор и доставка оружия и денег в эту страну.

В большом зале, специально для этого подготовленном, собралось две-три тысячи человек. В начале собрания к краю возвышения, предназначенного для ораторов, подошел священник в сутане. Когда присутствующие встали и обнажили головы, он заговорил в полной тишине:

«Всемогущий Боже! Покровитель армий! Ты, поддерживавший дух и направлявший руку наших отцов, когда они отстаивали священные права национальной независимости, ты, который привел их к победе на гнусным угнетением и даровал нашему народу благодатный мир и свободу. Господи! Обрати свой милостивый взор на другой конец земли, пощади героический народ, который сегодня, как когда-то мы, борется за свои национальные права. Господи, ты, сотворивший людей по одному образу и подобию, не допусти, чтобы угнетатели портили дело рук твоих и длили неравенство на земле. Всемогущий Боже! Позаботься о судьбе поляков, сделай их достойными свободы, пусть их советы будут полны твоей мудростью, а их руки — твоей силой, повергни в ужас их врагов, раздели державы желающие их гибели, не дай опять свершиться несправедливости, свидетелем которой мир был пятьдесят лет тому назад. Господи! Ты, который держишь в своих руках сердца людей и народов, призови союзников на защиту священного и правого дела. Сделай так, чтобы французский народ стряхнул с себя оцепенение, в котором его держат правители, и опять пошел на борьбу за свободу в мире.

Господи, не отвращай от нас лица своего. Да будем мы всегда самым религиозным и самым свободным пародом.

Боже всемогущий, услышь нашу мольбу. Спаси поляков. Молим тебя во имя твоего возлюбленного сына Господа Бога нашего Иисуса Христа, который умер на кресте, чтобы спасти род человеческий. Аминь».

Все собравшиеся хором повторили: «Аминь».

КОСВЕННОЕ ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Христианская мораль, свойственная всем сектам. — Влияние религии на нравы американцев. — Уважение супружеских уз. — Ограничения, которые религия накладывает на воображение американцев, умеряя их страсть к обновлению. — Мнение американцев о благотворном воздействии религии на политику. — Их стремление расширить и укрепить ее влияние.

Я показал, каким образом религия в Соединенных Штатах непосредственно воздействует на политику. Ее косвенное влияние представляется мне значительно более могущественным, ибо она лучше всего наставляет американцев в искусстве жить свободными именно тогда, когда вовсе не говорит о свободе.

В Соединенных Штатах существует множество сект. Все они различаются формами преклонения перед Создателем, но имеют единое

мнение по поводу обязанностей людей в отношениях друг с другом. Каждая секта по-своему поклоняется Богу, но все они проповедуют одну и ту же мораль во имя Божие. Самым ценным для человека как личности является истинность его религии. Однако об обществе этого сказать нельзя. Оно не боится загробной жизни и ничего от нее не ждет; самое важное для него — это не столько истинность религии, которую исповедуют все граждане, сколько сам факт исповедания какой-либо религии. Кроме того, все секты в Соединенных штатах являются разновидностями христианской религии, а христианская мораль повсюду едина.

Можно предположить, что некоторые американцы веруют в Бога более по привычке, чем по убеждению. Ведь в Соединенных Штатах глава государства — верующий и, следовательно, вера, даже если она лицемерна, обязательна для всех. Однако Америка остается той частью света, где христианская религия в наибольшей степени сохранила подлинную власть над душами людей. И эта страна, где религия оказывает в наши дни наибольшее влияние, является в то же время самой просвещенной и свободной. Невозможно убедительнее доказать, насколько религия полезна и естественна для человека.

Я говорил, что американские священники в целом выступают за гражданскую свободу, включая даже тех, кто не признает свободы совести. В то же время они не поддерживают никакую политическую систему. Они стремятся держаться в стороне от партийных дел и не вмешиваться в борьбу партий. Поэтому нельзя сказать, что в Соединенных Штатах религия влияет на законодательную деятельность или на формирование тех или иных политических убеждений. Она руководит воспитанием нравов, занимается делами семьи и таким образом оказывает воздействие на государство.

Нет никаких сомнений в том, что царящая в Соединенных Штатах строгость нравов объясняется прежде всего религиозными верованиями. Нередко религия в этой стране не может уберечь мужчину от бесчисленного множества соблазнов, с которыми его сталкивает судьба, она не способна унять его постоянно подстегиваемую страсть к обогащению. Но она безраздельно властвует на душой женщины, а ведь именно женщина создает нравы. Америка — это, бесспорно, та страна, в которой глубоко уважаются супружеские связи и в которой сложилось наиболее возвышенное и наиболее правильное представление о семейном счастье.

В европейских странах почти все общественные волнения зарождаются у домашнего очага, недалеко от супружеского ложа. Именно здесь у людей возникает презрение к естественным привязанностям и невинным удовольствиям, склонность к беспорядку, душевная неуравновешенность, непостоянство желаний. Из-за бурных страстей, которые часто потрясают его собственное жилище, европеец лишь с трудом подчиняется суверенным властям государства. Американец же, возвращаясь из беспокойного политического мира в лоно семьи, находит там порядок и спокойствие. Дома он испытывает простые и естественные удовольствия, наслаждается невинными и спокойными радостями. Поскольку счастье ему приносит размеренная жизнь, он легко привыкает к умеренным взглядам и вкусам.

В то время как европеец стремится забыть свои домашние огорчения, внося смуту в общество, американец учится в своей домашней жизни

любви к порядку и переносит ее затем на государственные дела.

В Соединенных Штатах религия не только управляет нравами, но и распространяет свою власть на мышление.

Среди американцев английского происхождения одни исповедуют христианскую религию потому, что верят в нее, другие — потому, что боятся прослыть неверующими. Так или иначе — и с этим согласны все, — христианская религия не встречает здесь никаких препятствий. Следствием этого является, как я уже говорил выше, наличие определенных, раз и навсегда установленных законов нравственной жизни, тогда как в политической жизни преобладают дискуссия и эксперимент. Это приводит к тому, что поле мыслительной деятельности всегда имеет границы: какими бы смелыми ни были мысли человека, они время от времени наталкиваются на непреодолимые преграды. Тот, кто хочет изменить общество, вынужден считаться с определенными аксиомами и придавать своим самым дерзким замыслам определенную форму. Что умеряет и гасит его порывы.

Поэтому у американцев даже самое живое воображение отличается осторожностью и неуверенностью, ему не дают воли и не отводят важного места в жизни. Эта привычка к сдержанности наблюдается и в политической жизни общества. Она в значительной степени способствует спокойствию народа и длительному существованию созданных им институтов. Природа и обстоятельства сделали жителей Соединенных Штатов мужественными людьми. В этом легко убедиться, наблюдая за тем, каким образом они добиваются успехов. Если бы духовная деятельность американцев не была ничем ограничена, среди них, конечно, нашлись бы самые смелые в мире новаторы и реформаторы, которые никогда бы не поступались своим стремлением строить жизнь общества лишь по законам логики. Однако в Америке революционеры вынуждены с подчеркнутым уважением относиться к законам христианской морали и справедливости. И если эти законы противоречат их замыслам, то им совсем не легко переступить через них; и даже если бы им удалось побороть свои сомнения, они не смогли бы преодолеть колебаний своих сторонников. До сих пор никто в Соединенных Штатах не осмелился высказать мысль о том, что все дозволено для блага общества. Эта кощунственная идея родилась в век свободы, по-видимому, для того, чтобы оправдать всех будущих тиранов.

Итак, если закон позволяет американскому народу делать все, что ему заблагорассудится, то религия ставит заслон многим его замыслам и дерзаниям.

Поэтому религию, которая в Соединенных Штатах никогда не вмешивается непосредственно в управление обществом, следует считать первым политическим институтом этой страны. Ведь хотя она и не усиливает стремление людей к свободе, она значительно облегчает жизнь свободного общества.

Именно так жители Соединенных Штатов и смотрят на религиозные верования. Я не могу сказать, все ли американцы действительно веруют. Никому не дано читать в сердцах людей. Но я убежден, что, по их мнению, религия необходима для укрепления республиканских институтов. И это мнение принадлежит не какому-либо одному классу или партии, а всей нации, его придерживаются все слои населения.

Когда какой-нибудь американский политический деятель критикует какое-нибудь религиозное течение, то его, случается, поддерживают

даже сторонники этого течения; но если он ополчится против религии как таковой, то от него отвернутся все, и он останется в одиночестве.

Во время моего пребывания в Соединенных Штатах на заседании суда присяжных в округе Честер (штат Нью-Йорк) один свидетель заявил, что он не верит в Бога и в бессмертие души. Судья отказался привести его к присяге ввиду того, что, как он сказал, свидетель уже подорвал всякую веру в свои слова⁴⁹. Газеты сообщили об этом факте без комментариев.

В уме американца христианство и свобода переплетаются так тесно, что он почти не может представить себе одно без другого; для него эта связь не является чем-то лишенным содержания, пришедшим в настоящее из прошлого, чем-то, что, казалось бы, не живет, а прозябает в глубине души.

Мне приходилось встречать американцев, которые объединяли свои усилия и средства для того, чтобы послать в новые западные штаты священников с целью открыть там школы и построить церкви. Они опасаются, что религия может затеряться в лесах, и тогда народ, которого становится там все больше, не сможет быть таким же свободным, как тот, от которого он произошел. Я встречал богатых жителей Новой Англии, которые покинули свои родные края и поехали на берега Миссури или в прерии Иллинойса, чтобы посеять там семена христианства и свободы. Итак, в Соединенных Штатах религиозное подвижничество всегда согревается огнем патриотизма. Можно подумать, что эти люди поступают так только ради спасения души, но это заблуждение. Вечная жизнь — лишь одно из их стремлений. Побеседовав с этими миссионерами христианской цивилизации, вы будете удивлены тем, насколько часто они говорят о благах сего мира, вы обнаружите политических деятелей там, где полагали встретить религиозных. «Все американские штаты зависят один от другого, — скажут они вам. — И если бы в западных штатах возникли анархия или деспотический режим, то республиканские учреждения, процветающие на берегах Атлантического океана, также подверглись бы большой опасности. Поэтому мы заинтересованы в том, чтобы религия была сильна в новых штатах. В этом случае они позволят нам жить свободными».

Так рассуждают американцы. Но совершенно ясно, что они ошибаются, ведь мне каждый день с ученым видом доказывают, что в Америке все хорошо, кроме именно религиозного духа, который так меня восхищает. Мне говорят, что свободе и счастью рода человеческого по ту сторону океана недостает лишь веры в идею Спинозы о вечности мира, а также в гипотезу Кабаниса о том, что мысль зарождается в мозгу. По правде говоря, мне нечего на это ответить, кроме того что те, кто держит эти речи, не бывали в Америке и не видели ни религиозных, ни свободных народов. Я хотел бы с ними поговорить после того, как они там побывают.

Во Франции есть люди, которые рассматривают республиканские

49 Вот как «Нью-Йорк спектэйтор» от 23 августа 1831 года писал об этом: «Во время судебного заседания по гражданскому иску в округе Честер (штат Нью-Йорк) через несколько дней был отвергнут свидетель, который заявил о своем неверии в Бога. Судья, председательствовавший на этом процессе, заявил, что до сего времени он и не подозревал, что человек может не верить в существование Бога. Что именно на этой вере основана убежденность в правдивости всех свидетельских показаний на судебных процессах и что он не знает ни одного случая в какой-либо из христианских стран, где бы не верящему в Бога свидетелю было позволено давать показания»

институты как временные средства, служащие воплощению их великих замыслов. Они осознают, сколь большое расстояние существует между их пороками и нищетой с одной стороны, и могуществом и богатством — с другой, и хотели бы заполнить эту пропасть. Эти люди находятся в таких же отношениях со свободой, в каких средневековые ополчения находились с королем; они преследуют прежде всего свои собственные интересы, хотя и борются под знаменем свободы. Республика, полагают они, будет существовать долго, и они успеют освободиться от имеющихся у них пока недостатков. Я пишу не для них. Но есть и другие, которые в республике видят устойчивое и спокойное общество, ту неизбежную цель, к которой идеи и нравы ежедневно приближают современное общество. Эти люди искренне хотят подготовить человека к свободной жизни. И, нападая на религиозные верования, они удовлетворяют свои страсти, а отнюдь не свои интересы. Не свобода, а деспотизм может существовать без веры. Республика, за которую они выступают, значительно больше нуждается в вере, чем монархия, с которой они борются. А демократическая республика — более, чем какая-либо другая. Разве может общество избежать гибели, если при ослаблении политических связей моральные связи не будут укрепляться? И как можно управлять свободным народом, если он не послушен Богу?

Обзор

Лариса Михайлова Звёзды, Город и Артур Кларк Изменение авторской установки в трех романах Артура Кларка

Для научной фантастики семидесятые годы XX века были порой довольно бурной. Именно в эти годы особенно ощутимым стало проявление «футуршока», о котором писал приобретший всеобщую известность американский социолог Э. Тоффлер. Функция «приспособления» сознания читателей к будущему, издавна присущая научной фантастике, обрела как никогда важное значение. Резкое увеличение количества издаваемых в мире научно-фантастических произведений способствовало, с одной стороны, появлению новых писателей, а с другой — задавало темп работы, который удалось выдержать немногим. В 70-е годы отмечается невиданный дотоле всплеск интереса академического литературоведения к этому виду литературы. «Прорыв научной фантастики в сферу общественного сознания» английский писатель-фантаст Артур Кларк считает наиболее примечательной чертой того десятилетия⁵⁰.

«Нельзя вести машину без риска для жизни, глядя только в зеркальце заднего обзора — гораздо важнее наблюдать за дорогой впереди. Слишком большой упор на историческую литературу (*подразумеваются исторические параллели в „обычной“ литературе — Л.М.*) напоминает поведение той птицы, которая летела задом наперед, потому что ей было неважно, куда лететь, но зато нравилось смотреть, где

50 Из письма к автору данной статьи от 13 декабря 1980 года.

она уже побывала»⁵¹. Эти слова принадлежат другому мэтру — американцу Роберту Хайнлайну. Продолжая его мысль, можно сказать, что чем выше скорость движения, тем настоятельнее становится необходимость видеть дорогу, разворачивающуюся впереди. Видимо поэтому из множества своих премий Артур Кларк более всего ценит присужденную ЮНЕСКО премию Калинга (1961) за популяризацию идей освоения космоса.

Отношение к Кларку довольно единодушное и у зарубежных, и у отечественных исследователей — его авторитет всеми признан. Отмечаются: глубокая и прочная научная база его произведений, хорошо развитое воображение, достоверность технического мира, описываемого им.

В данной статье я на примере трех романов («Против наступления ночи», «Город и Звёзды», и «2001 год. Космическая Одиссея») прослежу художественную эволюцию образов и изменение понимания Кларком творческой задачи. Кларк часто разрабатывал в более крупных произведениях сюжет, намеченный ранее в рассказах. Названные романы — довольно редкий в научной фантастике случай переработки произведений, приоткрывающий исследователю механизм творческого процесса.

Прежде чем углубиться в художественный мир Кларка — несколько слов о самом писателе, чья жизнь, при всем своем разнообразии и экзотичности, может служить характерным примером биографии писателей-фантастов старшего поколения.

Артур Чарльз Кларк родился 16 декабря 1917 года в небольшом курортном городке Майнхед на юге Англии в графстве Сомерсет. Окончил Лондонский королевский колледж по отделению математики и физики. Во время Второй мировой войны служил в экспериментальной системе радарного обнаружения. В 40-е годы Кларк в ряде статей высказал мысль об использовании для связи искусственных спутников Земли.

Начиная с 1938 года, рассказы Кларка публиковались в выходивших тогда большими тиражами в США журналах фантастики, таких как «Startling Stories» и «Weird Tales». С журналов начинали многие из ставших впоследствии известными писателей-фантастов. Свой первый роман, «Против наступления ночи», Кларк тоже печатает в журнале. Писать Кларк начал еще будучи профессиональным астрономом (т.е. прежде всего, он был тогда астрономом, а писательский труд занимал свободное время), и довольно долго совмещал эти два занятия. В период с 1946 по 1947 и с 1930 по 1933 годы Кларк был председателем Британского Астрономического Общества, а также членом совета Британской Астрономической Ассоциации, за эти годы им было написано и издано несколько сборников рассказов, романы «Пески Марса» (1932) и «Конец детства» (1958) и повесть «Лев Комарры» (1953). С 1954 года Кларк занимается исследованием Большого Барьерного рифа у берегов Австралии, затем побережья Цейлона. С того же примерно времени он становится профессиональным писателем, читает лекции во многих странах мира как один из ведущих фантастов Англии, поселившись в конце 70-х в Коломбо. Один за другим выходят в свет романы, сборники

51 The Science-Fiction Novel. Imagination and Social Criticism. (Basil Davenport. Robert A. Heinlein, C.M. Kornbluth a.o.) — Chicago: Advent, 1964. p. 54

рассказов, на сегодняшний день Кларком написано более семидесяти книг, две трети из них — научно-фантастические. Кларк состоит действительным и почетным членом большого числа астрономических и астронавтических обществ и ассоциаций, а также английской и американской ассоциаций писателей-фантастов. В 1979 году был избран канцлером Университета Моратувы (Шри Ланка). Кларк — лауреат множества наград и премий. Есть среди этих наград и Оскар (1969), врученный ему и американскому кинорежиссеру Стэнли Кубрику за сценарий к фильму «2001 год. Космическая Одиссея».

Для многих современных писателей-фантастов космос стал довольно условным местом действия, подчас они используют экипаж космического корабля как модель замкнутого общества, а планеты далеких звезд служат им хорошим полигоном для испытания жизнеспособности героев и авторских идей. Космос как таковой их мало интересует. Научная фантастика уже достаточно хорошо обжила этот новый дом человечества. Но Кларка сильнее всего занимает вопрос: «Каким человек предстанет перед звездами?»

Циолковский писал: «Я хочу привести вас в восторг от созерцания Вселенной, от ожидающей всех судьбы, от чудесной истории прошедшего и будущего каждого атома»⁵². Эти слова всплывают в памяти, когда читаешь у Кларка описания бесконечной Вселенной, с почти магической силой притягивающей к себе мысли и устремления людей. Человек вышел в космос, чем теперь будет определяться его дальнейшая судьба — это глубокое убеждение Артура Кларка, художника и ученого.

* * *

«Город и Звёзды» («The City and the Stars») — один из наиболее интересных и значимых романов «космического» цикла, в котором философская глубина мысли сочетается с красочностью повествования.

Основой для «Города и Звёзд» послужил самый первый роман Кларка — «Против наступления ночи» («Against the Fall of Night»). Этот небольшой по объёму роман содержал в себе уже почти все основные мотивы, которые Кларк развивает в «Городе и Звёздах». Сюжеты двух романов мало чем различаются, можно найти довольно много прямых совпадений в тексте, но если внимательно присмотреться и более детально сравнить их, то станет заметно возросшее мастерство как в стилевом оформлении, так и в развитии некоторых тем. В работе над романом «Город и Звёзды» Кларк был особенно требователен к себе. Около двадцати (1935–1955) лет труда вложено в этот гимн неукротимому человеческому духу.

Полностью предложение из стихотворения А. Хаусмана, строчкой из которого Кларк назвал свой первый роман, звучит так:

*What shall I do or write
Against the fall of night?*⁵³

52 К. Циолковский. Мониизм вселенной (Конспект — Март 1925 г.), Калуга, 1925. стр. 3.

53 «Что смогу я сделать или написать, чтобы предотвратить наступление ночи?» — Arthur C. Clarke. The Lion of Comarre, and Against the Fall of Night, p.ix. — (AFN).

Этим же стихотворением была навеяна тема рассказа «Мимолетность» («Transience»). Рассказ очень грустный — ночь наступает, человеку больше не остается места на Земле. В романе же Кларк находит, что противопоставить надвигающейся ночи.

В предисловии к одному из сборников⁵⁴ Кларк рассказывает о курьезном случае, когда двое людей долго спорили о содержании одного из его романов, и у них никак не сходились концы с концами; в результате они стали склоняться к мнению, что у одного из них что-то не в порядке с психикой, но, к счастью, выяснилось, что один читал «Город и Звёзды», а другой — «Против наступления ночи». В заблуждение спорщиков ввели одинаковые имена героев. Рассказывая об этом случае, Кларк хотел подчеркнуть разницу между романами, но чтобы понять сущность этих различий, нужно рассмотреть романы в сравнении друг с другом.

Сюжет в принципе одинаков. Главный герой, Элвин, живет в чудесном, вечном городе Диаспаре. Жители этого города практически бессмертны, от скуки не страдают, ибо богатства его поистине неисчерпаемы, и одному человеку не удалось бы усвоить и познать все, что город мог ему предложить, даже за свою бессмертную жизнь. Идиллию нарушает то, что жители города боятся открытого пространства, и только Элвин стремится выйти за границы Диаспара. После долгих поисков он находит выход и попадает в Лис — страну, где люди живут в небольших поселениях посреди практически нетронутой природы. В Лисе знают о Диаспаре, но не желают устанавливать с ним постоянный контакт, так как считают его культуру более низкой; к аналогичному решению приходит и Совет Диаспара, когда Элвин рассказывает ему о своем открытии. Но Элвин не может смириться с поражением. С помощью робота, найденного им в Лисе и обладающего памятью еще о тех временах, когда Лис и Диаспар общались между собой, он отыскивает последний оставшийся на Земле космический корабль и летит к призывно сияющему на небе венку из Семи Звёзд, чтобы найти там землян, в незапамятные времена покинувших Землю. У Семи Звёзд он встречает Ванамонде, существо, когда-то созданное людьми; оно возвращает людям истинную историю взамен выдуманной ими и унижающей их. Элвин приносит возрождение Земле.

Но акценты в романах расставлены несколько по-иному. «Город и Звёзды» по объему почти в три раза больше, чем «Против наступления ночи»; были введены некоторые новые действующие лица (а с ними и новые темы), изменены, иногда довольно значительно, некоторые старые. Так, например, Элвин из юноши, единственного ребенка, рожденного в Диаспаре за долгие-долгие годы, превращается в Необычного, Неповторенного Никогда Прежде (Unique), и тема бессмертия, одна из основных в романе, получает новое развитие и звучание.

Бессмертие жителей Диаспара в первом романе никак не объяснялось, как-то само собой вытекало из миллионлетнего существования города. Но именно бессмертие провело между людьми Диаспара и Лиса черту, разделившую их на многие тысячелетия. Оно как бы делало стабильность общества вечной, а саму мысль о возможности серьезных перемен — абсурдной. В таком виде тема бессмертия играла

54 Arthur C. Clarke. Other Worlds, Other Seas. — NY: Harcourt, Brace & World. 1961.

скорее функциональную, в большей мере формальную, чем содержательную, роль, и стояла в одном ряду с упоминаниями о миллионах лет, прошедших между посещениями каких-либо мест или записями, попадающими на глаза героям романа, создавая у читателя ощущение невероятной удаленности от нашего времени, масштабности и статичности.

В «Городе и Звездах» Кларк раскрывает эту тему-метафору, она более органично входит в художественную ткань романа. Город и люди вечны по одной и той же причине, — информация о них хранится в блоках памяти Центрального Компьютера, поддерживающего Диаспар в состоянии застывшего совершенства. Люди выращиваются искусственно, или, можно сказать, воссоздаются на основе информации о строении их тела и личности, поступающей из долговременной памяти Центрального Компьютера. Такой новорожденный, или точнее будет сказать, вновь рожденный человек первые двадцать лет своей жизни знакомится с географией Диаспара и основными занятиями его жителей под руководством наставника, развлекается, обзаводится друзьями. Как только ему исполняется двадцать лет, это своеобразное детство кончается, в человеке пробуждается память о всех его прошлых жизнях, и, используя возвращенный опыт и память прошлого, он живет до тех пор, пока не иссякнет желание жить (обычно несколько тысяч лет). Тогда несколько пополненная и исправленная информация снова отправляется в блоки памяти, чтобы быть использованной для следующей «реинкарнации». Таким образом, в Диаспаре постоянно живут одни и те же люди, только в разных комбинациях, а чередование их зависит от плана (программы), заложенной в центральный Компьютер создателями Диаспара.

Когда-то, почти что в незапамятные времена, человечество входило в Галактическую Империю, и вершило судьбами всей Галактики, а Земля постепенно теряла свое влияние и значение, становилась консервативной, потому что самые дерзкие, самые инициативные, одним словом, — лучшие люди веками покидали ее и улетали к звездам. Но, чтобы чувство вины перед своими потомкам и воспоминания о собственной трусости и нерешительности не отравляли им жизнь, оставшиеся сознательно исказили историю, создав легенду о непобедимых пришельцах, якобы пощадивших Землю на том условии, что ее обитатели никогда больше не выйдут в космос. Здесь Кларк затронул тему памяти поколений, влияния истории, осознанного людьми прошлого на их дальнейшую жизнь, — тему, волнующую сейчас многих писателей и художников в разных странах, — поэтому повествование о Диаспаре звучит удивительно современно. Память часто сравнивают с совестью, а человеку мало что может принести больше вреда, чем потеря совести — она как бы цементирует личность. Кларк очень точно подмечает причину, по которой появилась легенда о пришельцах: «Человек исказил историю, чтобы избавиться от чувства неполноценности и памяти о поражении»⁵⁵. Не раз в прошлом люди пытались «забыть» о событиях, позорящих их, и тогда они повторялись, причем с более катастрофическими последствиями. Изменяя историю, искажая прошлое, человек изменяет

55 Arthur C. Clarke. The City and the Stars. — NY: Harcourt, Brace and World, Inc., p. 296. — (далее CS).

себя, лишает себя уже завоеванного опыта, а это не может пройти для него бесследно, — к такому выводу приводит Кларк читателя.

Оставшимся на Земле нужно было убежище, которое надежно защищало бы их от «страха смерти и страха Пространства» (CS, p. 301). Таким убежищем стал Диаспар. И все-таки эта замкнувшаяся на себе цивилизация была бы обречена на медленное вымирание (признаки деградации уже заметны: никто уже не знает, как устроены машины, поддерживающие жизнь города), если бы не создатели программы для Центрального Компьютера. Видимо, среди оставшихся были и такие, кто потом пожалел о своем решении и сделал все возможное, чтобы не допустить гибели земной цивилизации. Программа определяла «появление на свет» тех или иных людей в наиболее для них благоприятное время. Для того, чтобы общество не страдало от застоя (а это неизбежно, если принять во внимание его замкнутость), нужно его время от времени «встряхивать». Именно для этой цели был запланирован элемент неожиданности (оказывается, даже неожиданность можно запланировать!). Среди многочисленных должностей и занятий жителей была и такая полуофициальная должность — Шут. Его обязанностью было нарушать слишком устоявшееся спокойствие.

Только он еще как-то разбирался в сложном подземном хозяйстве города, и это умение помогало ему подстраивать очередную шутку, которая неизменно была безобидна, но весьма впечатляюща. О таких шутках еще очень долго вспоминали. Так, например, около сотни лет назад на улицах Диаспара вдруг появился отвратительный дракон, принявшийся поедать все произведения известного тогда скульптора. Когда скульптору стало ясно столь определенное пристрастие дракона к его творениям, он с перепугу долго никуда не выходил из дома, а дракон через некоторое время исчез так же таинственно, как и появился.

Образа Шута нет в первом романе. Там его функцию частично выполняет Хранитель Записей Рорден (можно отметить и сходство имен, указывающее на это: Кедрон и Рорден). И тот и другой помогают Элвину в поисках выхода из города, но если Рорден выступает как пассивное начало (хранить записи вполне может и машина, что она с успехом и делает в «Городе и Звездах»; он сопровождает Элвина, но скорее не мешает ему, чем помогает; Элвин сам его находит и приходит к нему за советом), Кедрон более активен. Так сказать, по долгу службы он интересуется всем необычным, что случается в городе, и если это необычное не содержит в себе угрозы, старается его поддержать и развить. Элвин в силу одного только его существования (ведь он — Особенный) интересен для Шута, а когда он замечает, что Элвин часто поднимается на Лоранскую Башню на границе Диаспара, в которой уже давным-давно никто не бывал, и подолгу задерживается там, то решает, что пришло время познакомиться с этим молодым человеком поближе. Как мы видим, уже с самого начала образ Кедрона обладает большей активностью и самостоятельностью. Кедрон живет затворником, подолгу не показываясь на люди, сограждане недолюбливают его за несколько отстраненный взгляд на вещи и саркастический склад ума. И именно он становится первым другом Элвина, понимающим его желание вырваться из Диаспара и узнать, что лежит за его стенами. Правда, до конца проникнуться духом перемен он не может и поэтому остается как был на ступеньку ниже Элвина; Кларк говорит нем: «Он был критиком, а не революционером» (CS, p. 63).

По своему замыслу «Против наступления ночи» и «Город и Звёзды» — серьезные романы о судьбе человечества, и никто там не играет с фантастическими ситуациями, перекручивая их по собственному усмотрению. Но все же они были бы гораздо скучнее, если бы не были оживлены игрой воображения и тем смешным, до которого, как известно, от великого один шаг. Надо отметить также умение Кларка ввести юмористический элемент там, где надо подчеркнуть отличие в восприятии одних и тех же событий разными людьми или существами. Юмор Кларка обычно беззлобен и вызывает симпатию к тому, о ком идет речь.

Кларк обладает хорошо развитым чувством меры и очень экономно использует комическое как средство эстетического воздействия.

Как уже говорилось, Шут не способен на решительные действия, которые могли бы привести к серьезным переменам в жизни города, он только может его время от времени будоражить — этим и исчерпывается его роль. Поэтому через определенные промежутки времени, так решили создатели программы для Центрального Компьютера, будут появляться Особенные, а Шуты будут им помогать. Особенные будут обладать самым драгоценным (по мнению Кларка) качеством человека, поддерживающим в нем интерес к жизни — любопытством и жадой знаний. Остальные жители Диаспара давно уже утратили это качество, они счастливы в своем городе, и им нет никакого дела до окружающего их мира. За стенами Диаспара лежит пустыня, занимающая почти всю Землю, но даже если бы вокруг была цветущая страна, горожане об этом бы даже не узнали, они были слишком заняты собой.

В предисловии к роману «Город и Звёзды» Кларк писал, что одной из основных причин, побудивших его переработать свой первый роман, были значительные успехи новой науки об информации. Такое заявление и сравнительный анализ двух романов дает хороший материал для разговора о взаимоотношениях научного и художественного в научной фантастике Кларка.

Особенные в романе «Город и Звёзды» являются частью сложной программы, заданной Центральному Компьютеру его создателями, информация о строении их личности хранится в его блоках памяти. Казалось бы, все ясно — образ Элвина вызван к жизни революцией в информатике и является проекцией научной идеи. Но это не так. Новые научные факты, ставшие известными Кларку и повлиявшие в какой-то мере на его взгляды, дали тот материал, который был необходим для более полного художественного воплощения замысла романа. Основные черты Элвина были намечены уже в романе «Против наступления ночи», где еще не было ни Центрального Компьютера, ни заранее запрограммированного появления Особенных. Уже тогда хотел он вырваться из стен Диаспара, видел звезды и стремился к ним всей душой. Для окружающих его поведение было проявлением атавизма, но вот что пишет Кларк об этом атавизме: «Без сомнения, поведение мальчика было проявлением атавизма — возврата к великим временам. Через каждые несколько поколений появлялись умы, равные по силе любому из творивших в глубоком прошлом» (AFN, p. 80). Научная идея оказалась очень кстати, чтобы обосновать возможность появления людей героического прошлого в застывшем Диаспаре. В «Городе и Звёздах», размышляя о себе, Элвин говорит: «Мне только что пришло в голову — может быть, я и есть Ярлан Зей. Это вполне возможно. Он мог вложить

информацию о себе в банки памяти, чтобы потом нарушить образ жизни в Диаспаре прежде, чем он прочно устоится»⁵⁶. Эти слова мало чем отличаются от сказанного об Элвине в первом романе. Можно утверждать, что экстраполяция успехов информатики в будущее и «применение» такой науки будущего в «Городе и Звёздах» дали единую основу, объединили основные образы романа и его темы, такие, как тема бессмертия, образы Элвина и Кедрона, тема стабильного общества, — то есть укрепили художественную целостность произведения.

В одном из самых известных рассказов Клиффорда Саймака «Поколение, достигшее цели», повествуется о первом межзвездном перелете, длящемся тысячу лет. Создатели Корабля (так же как и создатели Диаспара у Кларка) предусмотрели все трудности, которые могут возникнуть во время полета; они предвидели, что люди могут впасть в невежество, ибо в таком состоянии перенести полет было бы легче, но верили в силу человеческого разума и в его конечную победу. Описывая Диаспар, Кларк сравнивает его в «Городе и Звёздах» с космическим кораблем: «Он был как огромный космический корабль, несущий в качестве груза все, что осталось от человечества» (CS, p. 49). Чтобы такой корабль достиг предначертанной цели, надо, чтобы летящие на нем вспомнили, что она есть. Несомненно, надо обладать мужеством, чтобы признать, что прежние убеждения ложны, что человек был слеп, не видя за стенами своего корабля звёзд. Но без этого мужества невозможно дальнейшее развитие человечества. Нужно преодолеть инерцию мышления и устремиться в неведомое, иначе — медленное угасание. Кларк писал о вечной, «священной» неудовлетворенности достигнутым, которая движет всеми поступками главного героя романов «Против наступления ночи» и «Город и Звёзды» Элвина, так: «Это священное беспокойство — часть нашего предначертания. Это еще один и, возможно, самый великий из даров, которые мы унаследовали от Океана, так неустанно движущегося вокруг нашего мира.

Оно будет заставлять наших потомков стремиться к достижению мириадом всевозможных целей, когда моря высохнут навсегда, а сама Земля станет только легендой, затерянной среди звезд»⁵⁷, о этом сила человека, которому всегда будет тесно в любых рамках.

Кларк изображает два варианта стабильного общества: Диаспар и Лис. В уже цитированном предисловии к нью-йоркскому изданию 1968 года Кларк писал о том, что большое эмоциональное воздействие на него оказал переезд в 1953 году из провинции (Сомерсет) в столицу (Лондон). Тогда его поразил контраст между городской жизнью и жизнью за городом. В какой-то мере, конечно, резкое отличие Лиса от Диаспара вызвано представлением о том, во что может вырасти этот конфликт в отдаленном будущем, но не одним только этим.

Раздумывая о том, как сложится дальнейшая судьба Диаспара, друг Элвина Хилвар (который приехал в Вечный Город с делегацией из Лиса), приходит к выводу, что наилучшим выходом из положения было бы разрушить блоки памяти Центрального Компьютера как порождение больной культуры. Но из этого эпизода неверно было бы заключить, что

56 Arthur C. Clarke. From the Ocean, from the Stars. — p. 470.

57 «Across the Sea of Stars» — In: Arthur C. Clarke. The Challenge of Space: Previews of Tomorrow's World. — NY: Harper & Brothers, 1959, p. 130.

Кларк считает технический путь развития цивилизации губительным и ратует за возвращение к природе. Этап развития «или-или» фантастика уже давно миновала: можно вспомнить непримиримые точки зрения на этот вопрос Бульвер-Литтона («Грядущая раса» — «The Coming Race», 1871) и Сэмюэля Батлера («Едгин» — «Erehwon», 1872). Чужда Кларку и пессимистическая позиция Олдоса Хаксли, признававшего и тот, и другой путь одинаково безысходными («Бравый новый мир» — «Brave New World», 1932).

Лис достиг расцвета и продолжает существовать благодаря необычайно хорошо развитым телепатическим способностям его жителей. Телепатия для Кларка — это не только гипотетическая возможность передавать и принимать мысли на расстоянии. Благодаря постоянному телепатическому общению жители Лиса не перестают ощущать «теплое чувство общности» (CS, p. 283), которого так не хватает упакованным в отдельные комнаты и отгородившимся от остального мира обитателям Диаспара и многим нашим современникам. Для Кларка-гуманиста развитие у человека телепатических способностей отмечает новую стадию развития интеллекта, но, что более важно, обладание ими является высшим проявлением человеческой восприимчивости и способности понимать мысли и чувства друг друга. Конечно, как всякое умение и знание, овладение телепатическими способами воздействия на личность может быть использовано как на благо, так и во зло. Но Кларк уверен, что разум гуманен (что он будет еще не раз повторять в своих произведениях), поэтому попытка Серанис, одной из старейшин Лиса, задержать Элвина насильно, парализовав волю, и изменить его память о пребывании в Лисе терпит поражение.

Цивилизация Лиса — это не естественная цивилизация в ее традиционном понимании. Знание не утеряно, людям здесь известно устройство и принцип действия многих машин и механизмов, хотя они и предпочитают не пользоваться техникой, если и без ее помощи можно справиться с начатым делом. Особенное развитие получили биологические науки, выведение самых разнообразных видов животных. Так же как и в Диаспаре, в Лисе любят искусство и увлеченно занимаются им.

В романе «Против наступления ночи» Кларк прямо говорит, что Лис богаче Диаспара, что жизнь там полнее и разнообразнее. В Диаспаре утратили способность телепатического общения, которой тоже когда-то обладали. Уже это — немалая потеря, если вспомнить, какое значение Кларк придает телепатии, какую роль отводит ей в обществе будущего. Еще об одной потере уже говорилось — в душах жителей Диаспара угасла искра «священного беспокойства». Но самой дорогой платой за бессмертие оказалось то, что из жизни ушли навсегда любовь, дети, нежность.

В первом романе темы любви нет совсем, если не считать упоминаемых вскользь чувств материнской и сыновней любви Серанис и Теона (в «Городе и Звёздах» переименованного в Хилвара). Но при переработке Кларк гораздо больше внимания уделил обрисовке образа жизни граждан Диаспара и Лиса, и тема любви приобрела гораздо большее значение. Английский исследователь научной фантастики Джеймс О. Бейли, написавший одну из первых основательных

литературоведческих работ по фантастике⁵⁸, считал, что введение любовной интриги и вообще темы любви в научно-фантастическое произведение вызвано скорее коммерческими интересами, желанием расширить круг читателей, чем художественной целесообразностью. Я привожу его мнение как типичное, характерное для пишущих о фантастике литературоведов. Основываясь на анализе довольно большого числа научно-фантастических произведений, Бейли выделяет несколько основных функций, которые тема любви может выполнять:

1) Герой влюбляется в прекрасную дочь хозяина дома, где его радушно приняли. Действие может происходить на любой планете любой звездной системы, причем мужское население может быть сколь угодно уродливым, но женщины всегда очаровательны. — Наиболее часто встречающийся вариант.

2) Любовный треугольник и все проблемы, вытекающие из этого.

3) Любовь воодушевляет героя на подвиги.

4) Любовь обеспечивает мотивы действий, необходимых для развития сюжета.

Но то развитие, которое дает Кларк теме любви в романе «Город и звезды», не укладывается в рамки ни одного из вариантов, перечисленных Бейли. У Кларка она смыкается с темой бессмертия, Кларк предлагает читателю посмотреть на жизнь Диаспара еще под одним углом зрения, наиболее близким его сердцу, и определить внутреннюю ценность бессмертия. В одной из научно-популярных книг он так говорит о бессмертии: «... простое увеличение продолжительности жизни, и даже увеличение отдачи организма не важны сами по себе... Что действительно важно — это богатство и разнообразие жизненного опыта и то, как это богатство будет использовано людьми и обществами, в которые они входят»⁵⁹. А жизнь без любви — это жизнь обедненная.

Искусственное воспроизведение жизни, синтезирование людей на основе записанной в блоках памяти Центрального Компьютера информации лишило любовь ее внутренней цели, завершенности. Больше не рождаются в городе дети, а вместе с детьми исчезла и нежность. Истинная любовь умерла, осталась только сексуальная жизнь. Правда, существуют еще более или менее продолжительные привязанности, так, например, Алистра долго ищет исчезнувшего Элвина. Но, вернувшись из Лиса, он не обращает на нее особенного внимания, он слишком увлечен открывшимися ему новыми горизонтами, и она успокаивается, не пытается ни вернуть его, ни понять новые мысли и чувства, наполняющие его душу. Воплощение сил молодого мира, Элвин пробудил в Алистре более глубокое чувство, чем поверхностные увлечения, обычные в среде их сверстников, но даже оно не оказалось прочным.

И все же люди любят по-настоящему в том мире будущего, который рисует Кларк. По дороге в Шалмиран (древнюю крепость) Хилвар и Элвин остановились в селении, где жила любимая Хилвара Ниара. Любовь, основанная на небывалой для прошлого степени взаимопонимания, доверия и самоотверженности, жила в телепатическом обществе Лиса.

В Лисе много детей, без них даже улицы многолюдного Диаспара

58 James Osier Bailey. *Pilgrims Through Space and Time*. — NY: 2-nd Greenwood Reprinting, 1973.

59 Arthur C. Clarke. *The Challenge of Space: Previews of Tomorrow's World*. — p. 127.

кажутся Хилвару пустыми. Дети придают жизни в Лисе цель, потому что на каждом из его обитателей лежит ответственность за сохранение и развитие своей цивилизации. Ребенок богат своими потенциальными возможностями, но его еще надо превратить в человека; только нежность и забота людей и общение с ними могут это сделать, тогда цепь жизни не прервется. Надо отметить, что в произведениях Кларка дети символизируют изменчивость и развитие неизвестных или не до конца раскрытых возможностей («Конец детства» — «Childhood's End», «2001 год. Космическая Одиссея» «2001: A Space Odyssey», «Империя Земля» — «Imperial Earth. A Fantasy of Love and Discord»).

Герберт Уэллс говорил о своем подходе к изображению человека: «Если человек должен быть дан полностью, он должен быть дан сначала в его отношении ко Вселенной, затем — к истории и только после этого — к другим людям и всему человечеству»⁶⁰. Именно так подходит Кларк к стоящей перед ним задаче в «Городе и Звездах». Грандиозность масштабов и событий, которыми он оперирует в этом романе, поистине необычайна. Между посещениями отдельными людьми некоторых мест проходят миллионы (!!) лет; путешествие к центру Галактики совершается за два часа; срываются с места и улетают в совершенно невообразимые дали, оставив о себе только легенды, целые цивилизации; из Семи Звёзд создается самое величественное произведение искусства во все времена — кольцо, в котором сами звёзды сияют гигантскими самоцветами. Но когда читаешь роман, оказывается, что эти поражающие воображение «детали» соразмерны масштабности проблем, затрагиваемых в нем.

В романах «Город и Звёзды» и, особенно, «Против наступления ночи» чувствуется влияние космических эпосов Олафа Стейплдона. Огромные расстояния в пространстве и времени были освоены сначала вдумчивыми, настоящими писателями, и только потом отданы на «откуп» ремесленникам, мастерящим космические оперы, но это не значит, что теперь они заказаны всем, кто претендует на большее, чем развлечение. Творчество Кларка может служить доказательством того, что масштабность повествования не вредит художественным достоинствам произведения, если глубина содержания выдержана в тех же масштабах. Кларк рассматривает продвижение человека в космос как объективный процесс, который бессмысленно пытаться остановить или задержать, если он уже начался.

Для того, чтобы подчеркнуть идею могущества человека, Кларк ввел символический образ Великих. Как раз в то время, когда Диаспар решил отрезать себя от всего остального мира, там появился Учитель, прилетевший на одном из последних кораблей. Его учение состояло в том, что когда-нибудь Великие вернутся, и все изменится к лучшему. Великие — это люди славных былых времен; дерзновенность их дел принесла им равенство и уважение цивилизаций, культура которых была много старше. Но это не обязательно должны быть те самые люди, когда-то покинувшие Галактику. Великим может стать и житель Диаспара с пытливым умом и смелым сердцем, который не побоится вернуть человечеству Земли его былую славу. В романе «Против наступления ночи» Учитель — философ, и выдающийся (AFN. p. 211), но многочисленные последователи извратили

60 Г. Уэллс. Мир Вильяма Клиссольда. — М.-Л.: Гос. изд., 1928. стр. 140.

его учение и превратили его в религиозный культ — это было характерно для смутных времен и Переходных Веков, когда люди хотели не знаний, а веры, и культы возникали как грибы после дождя. В «Городе и Звездах» акценты переставлены. Оставив само учение без изменений, Кларк усилил мессианские черты Учителя. Высказывания о религии становятся очень резкими, по отношению к ней употребляются такие слова, как «болезнь», «религиозная мания». Но одновременно, из-за усиления критики религии как таковой и стремления Кларка в этом романе добавить или подчеркнуть элемент неизвестности и таинственности, сама суть учения как бы затуманивается, читатель волен строить о ней догадки. Вряд ли это стоит считать недостатком; таинственность стимулирует воображение, а в тексте есть намеки для правильной трактовки. Но эпизод, связанный с Учителем, показателен и помогает уяснить характер различий, делающих «Город и Звёзды» и «Против наступления ночи» двумя разными романами.

Можно выделить три линии, по которым намечаются эти различия. Во-первых, надо отметить усиление заданности, «запрограммированности» некоторых героев. Это относится прежде всего к образу Элвина и Кедрона и было вызвано тем, что в новой трактовке они стали частью системы жизнеобеспечения Диаспара, своего рода «предохранительными устройствами», как называет их Кларк. Элвин постоянно пытается понять, кто он такой, разобраться в причинах непреодолимости желания познать мир. Джезерак призывает Элвина задуматься над истинной ценностью добытого им знания: «Я испытываю искушение сказать, что всякое знание ценно, а ты, без сомнения, значительно увеличил наши знания. Но ты также увеличил и число наших опасностей, а что в конце концов перевесит? Как часто ты задумывался над этим?» (CS, p. 191).

Постепенно Элвин становится менее эгоистичным, начинает замечать вокруг себя других людей и думать об их интересах тоже. На одной из планет Семи Звёзд он увидел последствия катастрофы, происшедшей из-за того, что во имя знания пренебрегли предупреждениями об опасности (эпизод на «упакованной» планете). А взять с собой на Землю встреченное среди звезд существо Ванамонде Элвин согласился лишь тогда, когда Хилвар его уверил, что это существо настроено дружелюбно и опасности для населения Земли не представляет. В странствиях сложился характер Элвина; на Землю он возвращается, уже твердо зная, что будет делать дальше. Он совершил подвиг, вернув Земле звезды, но жизнь ведь не кончилась, и он найдет себе дело в этом измененном мире, а не уйдет из жизни, как Кедрон, который не смог перенести стремительности надвигающихся событий. Кларк говорит об Элвине: «Он исполнил предначертанное ему судьбой; теперь, возможно, он сможет начать жить» (CS, p. 304).

Во-вторых, в «Городе и Звёздах» грандиозность происходящего еще увеличивается за счет сгущения таинственности. Происходит это вполне естественно, потому что знание утеряно, приходится выяснять по кусочкам подлинную историю. Никто из людей этой истории не знает. Поэтому появляются удивительные существа, такие как Полип и Ванамонде, от которых люди узнаю огромную массу фактов. Отрицаются наиболее очевидные ходы, снижающие пафос повествования (в первом романе Серанис сообщает Рор дену о своем решении оставить Элвина в Лисе... по визифону; хорошо, но буднично — столько трудов было

положено, чтобы достичь Лиса, а оказывается, что было достаточно нажать кнопку и спросить, как туда проехать.), почти исчезают реплики «всезнающего» автора — там, где это усиливает ощущение таинственности (но не оставляет читателя в полном недоумении о сути происходящего). Для развития действия неважно, куда улетели Великие, поэтому Кларк в «Городе и Звёздах» ничего не говорит о сигнале другой цивилизации, принятом ими, как это было в первом романе. Но причудливое создание воображения — «чистый разум» Ванамонде, как бы олицетворяющее собой Непредвиденное, с которым человеку предстоит встретиться в космосе — осталось и в переработанной версии, потому что способствовало созданию атмосферы таинственности.

И, наконец, третья черта — более тщательная обусловленность действий героев. На первый взгляд, это противоречит той тенденции, о которой говорилось только что. Но на самом деле противоречия нет, потому что одно дело — дать читателю почувствовать грандиозность мироздания, и совсем другое — создать художественную иллюзию достоверности происходящего. Поэтому Кларк вводит в «Город и Звёзды» описание событий на планете Семи Звёзд, чтобы Элвин стал осторожным не вдруг, а сначала узнал, что такое опасность. Логика развития образа Джезерака входила в противоречие с его слишком быстрой адаптацией в Лисе («Против наступления ночи») — его боязнь покинуть Диаспар была ничуть не слабее, чем у остальных жителей Вечного Города. В «Городе и Звёздах» Кларк находит более убедительный и оправданный путь преобразования психики жителей Диаспара. Как уже было сказано, он подробно описывает их образ жизни, пишет он и о развлечениях горожан. Одним из самых популярных развлечений было участие в сагах. Сага — это путешествие в иллюзорном мире, особым образом сконструированном и внушенном гипнотическим методом его участникам. Действие саг обычно происходило в замкнутом пространстве (недра горы, узкое ущелье и т. п.), и Элвин впервые осознал свое отличие от сверстников, когда не смог «проигрывать» саги вместе с ними до конца — ему всегда хотелось вырваться за границы предлагаемого сагой мира. Но одно из правил запрещаю участникам саги пытаться нарушить целостность ее замысла — иллюзия тут же исчезала. Поэтому ученые Лиса решили искать причину своеобразной клаустрофобии жителей Диаспара в сюжетах многочисленных саг. В результате они составили свою сагу, которая призывала выйти наружу и придавала уверенность тем, кто на это осмелится.

Кларк широко пользуется художественной деталью для передачи эмоций героев, многоцветного изображения мира, в котором они живут. Из всех произведений искусства Диаспара Элвину, стремящемуся нарушить однообразие повторений и найти какой-нибудь выход, больше всего по душе пришелся прекрасный Цветок: «Скульптура была соткана из игры света и немного напоминала распускающийся цветок. Медленно, вырастая как бы из зерна цвета, он разрастался сложными спиралями и колышущимися световыми завесами, потом вдруг сжимался, и все начиналось снова. Но не совсем так, как прежде — ни один из циклов не повторял предыдущего. Хотя Элвин видел около сорока пульсаций, каждый раз между ними были едва различимые различия, хотя основной рисунок не менялся»⁶¹. Элвина привлекала в Цветке изменчивость жизни.

61 Arthur C. Clarke. From the Ocean, from the Stars. — pp. 334–335.

Описание Цветка, столь созвучное душевному состоянию героя — только один из наиболее ярких примеров применения выразительной художественной детали в романах «Против наступления ночи» и «Город и Звёзды». Еще один штрих как бы приближает к нам Ванамонде. Существо с огромными потенциальными интеллектуальными возможностями, — по своим стандартам Ванамонде еще только ребенок. На уровне информации «свыкнуться» с таким существом довольно трудно и деталь для изображения тоже не подобрать — как изобразить «чистый разум»? Поэтому Кларк показывает образ, сложившийся в сознании Элвина, которому стало известно, что историки Лиса вступили в контакт с Ванамонде и «расспрашивают» его: «нетрудно вообразить, какое впечатление Ванамонде должно было произвести на этих людей, с их обостренным восприятием и чудесным образом общающимися разумами. Они реагировали на все с потрясающей скоростью; и Элвин вдруг зримо представил себе удивительную картину — Ванамонде, немного испуганное, окруженное со всех сторон нетерпеливыми интеллектами Лиса»⁶². Такие человеческие чувства как испуг и радость, перенесенные на неведомое существо, сразу вызывают у читателя симпатию к нему. Кларк поселяет в «Городе и Звёздах» еще несколько симпатичных и трогательных существ: Полип из озера в Шалмиране; Криф — любимец Хилвара; небольшие зверюшки в горах — все они доброжелательны. В том космосе, который Кларк изображает в романах «Против наступления ночи» и «Город и Звёзды», нет ничего зловещего, угрозу создает только сам человек (например, Безумный Разум — Mad Mind). Поэтично изображая последнюю на Земле радугу, одинокое облачко, которое можно увидеть лишь раз за всю жизнь, Кларк помогает читателю острее почувствовать красоту его родной планеты, полной грудью вдохнуть живые запахи Земли, чтобы возродить ее к новой жизни — слишком жаль отдавать пустыне родину звездного человечества. Элвин вернет родной планете краски, океаны, леса и горы, которые когда-то пытался изобразить на экране своей комнаты в Диаспаре.

* * *

Пожалуй, самый известный роман Артура Кларка — «2001 год. Космическая Одиссея», именно этот роман вновь привлек внимание любителей научной фантастики и критики к его творчеству.

Роман необычен. История его создания — это бесконечный перебор вариантов, многие из которых были занесены на бумагу, но затем по разным причинам отвергнуты.

На титульном листе книги написано: «2001 год. Космическая Одиссея. Роман Артура Ч. Кларка, написанный на основе сценария Артура Ч. Кларка и Стэнли Кубрика». То есть сначала был Фильм — начало 1968 года, а потом уже Слово — лето 1968 года. Обычно мы встречаем экранизации широко (или не очень широко) известных литературных произведений, а здесь — обратный процесс, но вместе с тем и не «романизация» снятой ленты.

Американский кинорежиссер Стэнли Кубрик (его наиболее

62 Там же, р. 493.

известные фильмы — «Paths of Glory», «Dr. Strangelove», «Napoleon», «A Clockwork Orange»), задумав в 1964 году снять грандиозный научно-фантастический фильм о связи и взаимозависимости человека и Вселенной, решил пригласить в качестве сценариста Артура Кларка. Кларк согласился, и в мае 1964 года они приступили к работе. В основу сценария был положен рассказ Кларка «Часовой», написанный в 1948 году. Перед тем, как приступить к собственному сценарию, Кларк и Кубрик решили «дать волю» фантазии и написали первый вариант романа, который заканчивался сценой у Звёздных Врат. О дальнейшей работе над романом и над фильмом Кларк писал в книге «Утерянные миры 2001-го»: «...ближе к концу и роман, и сценарий писались одновременно, влияя друг на друга. Некоторые части романа снова пересматривались и перерабатывались после просмотров материала, отснятого по сценарию, основанному на более ранних вариантах романа... и т. д.»⁶³. Название фильма и романа выбрал Кубрик (в апреле 1965 года), до этого их было несколько, но все не удовлетворяли соавторов по тем или иным причинам. Фильм получился действительно грандиозным. В его создании принимали участие 36 дизайнеров из 12 стран, более сорока лучших научных и технических фирм Америки и Европы, эксперты НАСА; он обошелся в десять с половиной миллионов долларов. Фильм, несомненно, стимулирует мысль, заставляет задуматься о судьбе человека и его роли во Вселенной.

Но все же роман написан Кларком, так же как и фильм сделан Кубриком, ибо (общеизвестная истина) литература и кино — это разные виды искусства со специфическими средствами выражения. Этим отчасти объясняются и различия между романом и фильмом.

В русском переводе роман был напечатан без конца, то есть конец был «сокращен». Боумэн засыпает в комнате «отеля» — и все. За этим ничего не следует. Попробуем разобраться, чем вызвано подобное сокращение.

И.А. Ефремов в комментарии к роману объяснял это так: «Совершенно фантастичны и противоречат всему строю романа его заключительные главы. Из них явствует, что высший космический разум не имеет вещественной оболочки и представляет собой чистую энергетическую „субстанцию“, свободно перемещающуюся в пространстве. Боумэн засыпает, претерпевает во сне таинственные метаморфозы, приобщается к высшей мудрости Вселенной и, утратив свой телесный облик, летит к родной Земле, чтобы предотвратить нависшую над ней ядерную катастрофу.

Роман, как и фильм, по существу, не закончен. Повествование о подвиге и свершениях живого человека не доведено Кларком до развязки. Последние страницы совершенно чужды, я бы сказал — антагонистичны реалистичной атмосфере романа, не согласуются с собственным, вполне научным мировоззрением Кларка, что и вызвало отсечение их в русском переводе»⁶⁴.

Таким образом, репутацию Кларка-ученого как бы спасали от него

63 Arthur C. Clarke. The Lost Worlds of 2001. — L.: Sidgwick & Jackson, 1973, p. 31. — Книга вышла в свет, к сожалению, уже когда И.А. Ефремова не стало.

64 И.А. Ефремов. О романе Артура Кларка «Космическая Одиссея 2001 года» — «Молодая Гвардия», 1970, № 10.

самого.

Первоначально у романа и у фильма было несколько вариантов окончания. В дневниковых записях Кларка несколько раз встречаются восклицания «Наконец-то я понял, как должен заканчиваться роман!» Так, в одном из вариантов Боумэн должен был в конце стоять перед внеземным космическим кораблем, вариант со Звёздным Ребёнком появился только в октябре 1965 года, то есть через полтора года после начала работы. Многообразие вариантов объяснимо, если вспомнить, как возник замысел романа. В маленьком рассказе «Часовой» содержалась только исходная ситуация романа — сведения о внеземной цивилизации, в далеком прошлом посетившей Луну (а может быть, и Землю). Додумывать пришлось не отдельные моменты, а всю предысторию и последствия этого факта. И нужно сказать, что начало и конец романа написаны в одном ключе и взаимно дополняют друг друга. Функциональное сходство Смотрящего-на-Луну и Звёздного Ребёнка подчеркивается даже лексическим сходством в описании их мыслей и чувств:

Смотрящий-на-Луну: «Несколько секунд Смотрящий-на-Луну не двигаясь, стоял над своей жертвой, пытаясь осознать странную и удивительную способность мертвого леопарда убивать снова. Теперь он был хозяином этого мира и не знал как следует, что предпринять дальше. Но он обязательно придумает»⁶⁵.

Звёздный Ребёнок: «Затем он остановился, разбираясь в мыслях и размышляя о своих еще не опробованных силах. Хотя он был хозяином этого мира, он не знал как следует, что предпринять дальше. Но он обязательно придумает.» (SO, p. 224).

Смотрящий-на-Луну и Звёздный Ребёнок олицетворяют собой начало двух стадий в развитии человечества, причем стадий, качественно отличающихся от предыдущих. Может быть, для этого и нужно было полное перерождение Боумэна?

В одном из последних вариантов окончания есть сцена, очень похожая на «раскручивание ленты памяти» в романе. Герой попадает на планету, где его по какому-то силовому каналу транспортируют к космическому вокзалу, он видит множество представителей иных цивилизаций, наконец его корабль останавливается, и он чувствует присутствие всепроникающего и всеобъемлющего мощного интеллекта. Но когда его «лента памяти» раскрутилась до конца, его отпустили, ничего не изменив во внешнем облике. В этом варианте Боумэн только обогащается впечатлениями, осознает могущество и мудрость замыслов тех, на чьей планете он побывал. Ему предоставлена только роль свидетеля — он вернется и расскажет о том, что видел и чувствовал. А в романе он — деятель. Правда, из посланника людей он становится посланником внеземного разума, но все же возвращается на свою родную Землю.

История людей (какими они были до сих пор) заканчивается, говорится в книге. Видимо, Звёздный Ребёнок выступит учителем человечества; изменившись, люди, как и он сам, приобщатся к высшему разуму.

Можно спорить о том, возможен ли такой путь развития человечества вообще, но логических неувязок в развитии действия романа нет.

65 Arthur C. Clarke. 2001: A Space Odyssey. — L.: Gollancz, 1968, p. 33 далее SO.

В финале романа говорится, что Звёздный Ребёнок еще не знает, что он будет делать с миром, но он обязательно придумает. Фраза звучит жутковато, особенно если принять во внимание его новоприобретенные возможности. Сам Кларк писал, что не знает, что должно произойти дальше. Он говорит только, что Ребёнок просто предпочитал иметь над головой чистое небо. Следовательно, здесь широкие возможности для толкований и догадок. Ефремов, например, посчитал, что Боумэн, «утратив свой телесный облик, летит к родной земле, чтобы предотвратить нависшую над ней ядерную катастрофу». Но вряд ли при столь широком замысле романа вся перестройка Земли закончилась бы только предотвращением возможности возникновения войн. Это, конечно, очень благородная задача, но слишком уж легко разрешимая для Звёздного Ребёнка. Когда в книге «Утерянные миры 2001-го» Кларк говорит о его возможных действиях, он сравнивает его возвращение с возвращением Одиссея на Итаку. Ведь когда Одиссей доказал всем, что он вернулся, натянув свой лук, он убил женихов Пенелопы и слуг, которые долгие годы растрачивали и портили его состояние. А мы, пока безнаказанно, до сих пор растрачиваем богатства нашей прекрасной Земли. Так что возможно и такое решение проблемы. Ясно только одно — перемена будет коренной.

Сама метаморфоза вызывает неосознанный протест в душе у читателя. Он успевает привыкнуть к Дэвиду Боумэну — человеку с сильной волей, мужественному, деятельному. С развитым чувством ответственности. И вдруг — ребёнок, пусть даже и Звёздный. Это человек еще без индивидуальности. Прошлое разрушено, новое еще не создано. Получается, что из всего, что составляет понятие «человек», из всех достижений человека важно только одно — то, что он вышел в космос, как бы сдал экзамен за первую ступень обучения и теперь можно приступить ко второй. Можно даже сказать, что такая метаморфоза негуманна. Почему же контакт у Кларка проявляет себя именно в такой форме?

Вероятны несколько причин. Одна из них, довольно важная, — это влияние фильма. В предварительных вариантах была масса образов, достойных воплощения и разработки. Была запланирована встреча Боумэна с представителями (или представителем) внеземной цивилизации. В одном варианте это был гуманоид по имени Клиндар, обладающий бессмертием. Это именно он обучал миллионы лет назад племя Смотрящего-на-Луну. Он хранит в памяти и в любую минуту может снова представить себе сцену их прощания. И вот он готов встретить потомка Смотрящего-на-Луну, прилетевшего на неуклюжем и нелепом, по его мнению, космическом корабле. Но он рад, что разум на той планете, где он когда-то побывал, не погиб. Происходит волнующая встреча. Это наиболее конкретный и довольно традиционный вариант. Видимо, в силу традиционности от него и отказались. В других вариантах были такие виды разумных существ: разумная рыба-прилипала, разумное растение, затем существо с такой наружностью: упругая кожа с металлическим блеском, напоминающая кольчугу, два огромных фасеточных глаза, небольшой завернутый кверху хобот, какие-то воздушные, похожие на перья, конструкции вместо ушей. Кроме этих созданий фантазии почти во всех вариантах присутствовало функционально совершенное разумное существо. Биологи, дискутировавшие по этой проблеме, пришли к выводу, что в организме человека много несовершенных или совмещающих несколько функций органов. А функционально совершенное существо

должно быть примерно таким: органы зрения должны находиться на верхней точке туловища, мозг — в непосредственной близости от органов зрения, чтобы быстрее доходили сигналы, зрение должно быть панорамным (т. е. как минимум четыре глаза), тогда исчезнет необходимость в поворачивающейся шее, наиболее уязвимом месте человека; ноздри должны быть неподалеку от органов дыхания, рот — от органов пищеварения, количество ног и рук — такое же, как и у человека. Но если в романе все эти довольно милые, но странные существа все-таки имели бы право на существование, в фильме они выглядели бы либо марионетками, либо монстрами, но никак не представителями внеземных цивилизаций. Для более сильного эмоционального воздействия нужно было что-то совершенно необычное и потрясающее, идущее в русле всего фильма и достойно завершающее его. Всем этим требованиям отвечало только разумное Нечто, или Ничто, превращающее человека в Звёздного Ребёнка.

Кларк подчеркивает, что при превращении ничего не было потеряно. Просто все воспоминания Боумэна, мельчайшие подробности его жизни как бы перешли на хранение во вместилище более надежное, чем его теперешняя брэнная оболочка. Но все дальнейшее развитие действия говорит о другом. Звёздный Ребёнок — это совершенно новое существо. Нет у него больше «мелких» чувств и желаний капитана космического корабля Дэвида Боумэна, все способности его по масштабам способны соперничать с масштабами Вселенной. Но что же это за высший разум, способный так трансформировать человека? Может быть, это видоизмененный и перенесенный с небес в центр галактики Бог?

Но нигде в книге не подчеркивается божественная сущность этого высшего космического разума. Единственное место, где Бог вообще упоминается, это в главе «Concerning E.T.'s». Там речь идет о возможном внешнем виде и эволюции внеземных разумных существ, приводятся гипотезы различных биологов, и, в том числе, группы мистически настроенных биологов, считавших, что так же, как разумное существо может отказаться от телесной оболочки, и стать киборгом, оно может отказаться и от этой второй оболочки, то есть сознание освободится от материи. «За этим может быть только Бог (если есть что-то вообще)». (SO, p. 176). Но Кларк никак не комментирует такой взгляд и не развивает его. И по-моему, нет никаких оснований считать, что Кларк здесь противоречит сам себе, своему реалистическому мировоззрению. Приведенную выше фразу можно трактовать и как ироническую оценку взглядов «мистически настроенной группы биологов». А можно здесь видеть влияние Стэнли Кубрика. Но опять же очень слабое, потому что сам Кубрик был гораздо более мистически настроен.

Отвечая на вопрос председателя Нью-Йоркского общества кинокритиков Джозефа Гелмиса о том, почему фильм кажется настолько определенно религиозным, он сказал: «Идея Бога — центральная в фильме. Это неизбежно, если допустить, что вселенная полна высокоразвитыми формами разумной жизни. Эти космические разумные существа, обогащающиеся знаниями на протяжении вечности, будут от нас так же далеки, как мы от муравьев. Они могли бы поддерживать телепатическую связь через всю вселенную; обрести абсолютную власть над материей и телекинетически переноситься в мгновение ока через миллиарды световых лет; и, наконец, они смогли бы отбросить материальную оболочку совершенно и существовать во вселенной как

бестелесное бессмертное сознание. Если начать обсуждать подобные возможности, мы неизбежно придем к выводам, по сути своей религиозным, так как необходимыми свойствами подобных разумных существ будут те, которыми мы наделяем Бога. То, чем мы занимались на самом деле — попытка дать научное определение Бога»⁶⁶. То есть Кубрик считает, что о столь далеко вперед ушедшей от нас цивилизации нельзя говорить иначе, чем применив понятие «Бог». Кларк же, напротив, так не считал. В наиболее полно и хорошо разработанном предварительном варианте, о котором здесь уже говорилось (там, где представителем внеземной цивилизации является гуманоид Клиндар), Кларк специально останавливается на этом вопросе. Клиндар смотрит на космический корабль землян и думает о том, достаточно ли они уже развиты, чтобы принять два самых тяжелых дара — «дар истины» и «дар времени». «Дар времени» — это бессмертие, а о «даре времени» сказано так: «И если они, как члены многих примитивных обществ, еще верили в богов и духов, они должны будут оставить свои фантазии и посмотреть жестокой правде в глаза»⁶⁷. Значит, Кларк считает, что никак нельзя применять термины и понятия религии к высшим формам жизни, а нужно рассматривать их как таковые. И если Кларк выходит за границы известного сейчас, он это делает для того, чтобы познать непознанное, а не для того, чтобы в ужасе и восхищении преклониться перед ним. Он выработал для себя Три закона Кларка⁶⁸ и руководствуется ими в своей деятельности. Суть этих законов состоит в том, что не надо слепо бояться авторитетов, запрещающих что-либо; а чтобы познать границы возможного, нужно вторгнуться в невозможное.

Поэтому правильнее будет рассматривать превращение Боумэна в Звёздного Ребёнка в конце романа как метафору, олицетворяющую новую стадию развития человечества, обогащенную новым Знанием.

Если тема Контакта встречается во многих произведениях Кларка, то тема взаимоотношений человека и искусственного разума для него не столь характерна.

В космическом полете невозможно обойтись без автоматики. Это сейчас общепризнано. Зависит это и от недостаточной быстроты нервно-психических процессов человека, и от отсутствия привычных ориентиров космосе, и еще от многих других факторов. Полеты пилотируемых космических кораблей в околоземном пространстве убедительно продемонстрировали это. Но уже в полете за пределами земной орбиты автоматики и даже обыкновенной вычислительной машины будет мало.

Поэтому у Кларка «мозгом и нервной системой» корабля «Дискавери» является эвристически запрограммированный алгоритмический компьютер ЭАЛ-9000 — последнее достижение науки и

66 Joseph Gelmis. The Film Director as Superstar. — Garden City, NY: Doubleday & Co, Inc., 1970, p. 305.

67 Arthur C. Clarke. «The Lost Worlds of 2001», p. 198.

68 Три закона Кларка:

1. Когда уважаемый, но пожилой ученый утверждает, что что-либо возможно, — он почти всегда прав. Если он утверждает, что что-нибудь невозможно, — он скорее всего неправ.

2. Единственный способ определить границы возможного — углубиться в невозможное.

3. Любая достаточно высокоразвитая технология неотличима от волшебства.

техники 2001 года. Кларк вводит его как шестого члена экипажа. И это не преувеличение. Потому что компьютер действительно обладает индивидуальностью. Причем он становится не просто одним из персонажей романа, а одним из главных персонажей.

Когда ищут причины поступков людей, как в жизни, так и в литературе обращаются к истокам формирования личности — происхождению, воспитанию, событиям их жизни. Обратимся к истокам личности ЭАЛа. Самый важный ее компонент заложен уже в имени компьютера — это эвристически запрограммированная вычислительная машина. В психологии существует понятие «проблемная ситуация». Так называют сложную ситуацию, в которой существующие условия не подсказывают решения задачи, а накопленный опыт не дает возможности использовать какую-либо известную заранее готовую схему поведения. Психологический процесс, приводящий к решению проблемных ситуаций и к формированию новых типов поведения, называется продуктивным мышлением, или эвристической деятельностью. Значит, ЭАА мог, в зависимости от обстановки, принимать нестандартные, творческие решения, а также самостоятельно решать вставшие перед ним неожиданные задачи. Оставаясь машиной (по Норберту Винеру, машина — это преобразователь со множеством входов и выходов), ЭАЛ был разумным существом. Именно поэтому Боумэн чувствовал, что совершает убийство, когда вынимал один за другим блоки памяти ЭАЛа. Морально-этические проблемы возникают, только когда речь идет о внутренней ценности и правоте личности.

Конфликт «человек — искусственный разум» развивается в романе в максимально чистом виде. Поясню, что я имею в виду. Для этого еще раз придется вернуться к предварительным вариантам романа. Сначала вместо ЭАЛа было роботоподобное существо с женским именем Афина, затем оно преобразилось и стало называться Сократ. Это имя и существо сохранялось довольно долго. Имена указывают на мудрость, как на очень существенное, но не единственно важное качество. Все они, и Афина, и Сократ и еще один вариант — *Autonomus Mobile Explorer 5* были сравнительно небольшими и подвижными системами, то есть они были больше приближены к человеку, были более антропоморфны. ЭАЛ постепенно терял пол, подвижность, даже его голос изменялся и становился более нейтральным. В уже упоминавшемся выше интервью Кубрик говорил, что у Мартина Бэлзема, который сначала читал роль ЭАЛа в фильме, голос слишком напоминал обычную разговорную американскую манеру. У Дугласа Рейна, голос которого звучит в прокатном варианте фильма, мягкий среднеатлантический говор. Следовательно, голос ЭАЛа достаточно эмоционален, но без сильно выраженных ареальных особенностей. Предваряя описание всех этих вариантов, Кларк писал в «Утерянных мирах 2001-го»: «Станет ясно, что в процессе работы над романом ЭАЛ потерял подвижность, но стал гораздо разумнее». (р. 78). Если говорить абсолютно точно, ЭАЛ подвижность не потерял, потому что ЭАЛ, его тело — это весь космический корабль, с его многочисленными системами и службами, летящий в бесконечном пространстве и впитывающий своими электронными органами восприятия излучения Вселенной. Здесь Кларк имел в виду именно отказ от антропоморфности ЭАЛа. Так же как кораблю в космическом пространстве не нужна обтекаемая форма, так и разумное существо необязательно должно быть похоже на человека. Важна функциональная

целесообразность (к такому же выводу Кларк приходит и в рассуждениях о внеземных цивилизациях). Почему же так выиграв в разуме, ЭАЛ все-таки сорвался, ошибся? Ошибка его повлекла за собой смерть людей. Является ли психоз неизбежным следствием повышения и развития творческих способностей машины?

Нарушения и сбои в работе, внешне бессмысленные действия, то есть машинные психозы, возможны скорее у жестко запрограммированных машин. Такой жесткой программой для мыслящей машины являются и три правила Роботехники у Айзека Азимова. Требуются бесконечные дополнения, оговорки, возможность совершения самостоятельных действий уменьшается. Первые варианты ЭАЛа были построены по правилам Азимова; ЭАЛу в книге предоставлены более широкие возможности для действия. Его «нервный срыв» произошел по вине людей, заставивших его скрывать от Боумэна и Пула истинную цель полета. Машине чуждо чувство национального престижа, которым руководствовались ее создатели. Она стоит на принципиально ином уровне и рассматривает людей в их единстве; национальные, расовые и тому подобные различия для нее совершенно несущественны. Поэтому ЭАЛ не может понять логики запрета. Заставляет же его принять вообще какое-то решение только угроза отсоединения от источника питания. Решение оказывается негуманным. Значит ли это, что машинный разум, созданный человеком, в принципе негуманен? ЭАЛ сознательно никого не хотел убивать, во всяком случае, Пул погиб только потому, что оказался между космическим ботом и блоком АЕ-35, который ЭАЛ хотел уничтожить как улику. Кларк постоянно подчеркивает вынужденность его действий, даже глава, которая в русском переводе называется «Бунт робота», звучит по-английски гораздо мягче, «оправдательно» по отношению к ЭАЛу: «Need to Know» — «Потребность знать». Причиной всех несчастий явились люди, подошедшие к общечеловеческой проблеме с узконациональных позиций. Они забыли о том, что писал основоположник кибернетики Нор-берт Винер; «Помочь они (машины) нам могут, но при условии, что наши честь и разум будут удовлетворять требованиям самой высокой морали»⁶⁹.

А что из себя представляет единственный «человеческий» главный персонаж романа? Это командир космического корабля «Дискавери» Дэвид Боумэн, возраст — около тридцати пяти лет. Он мужественный и волевой человек, который не раз испытывал чувство страха, но умел победить его и остаться в живых. Он выполняет свою миссию до конца. Но он не просто исполнитель, если бы он был таким, то не опустил бы в Око Япета, у него ведь не было таких распоряжений. Можно было лечь в анабиозную ванну и дожидаться прихода «Дискавери-2». Боумэн — самый настоящий исследователь. Это качество появилось у него не сразу. Например, в одном из вариантов сенатор Флойд характеризует его так: «Боумэн непримирим к недостаткам. Он не выносит людей и машин, которые не работают — это затрудняет жизнь его коллегам... Он обладает тем трудноопределимым качеством, которое мы называем „способность руководить“⁷⁰». В романе же Боумэн, напротив, очень спокойный и

69 Н. Винер. Творец и робот. — М.: Прогресс, 1966, стр. 80.

70 Arthur C. Clarke. «The Lost Worlds of 2001», p. 118.

уживчивый человек. Вообще, при рассмотрении вариантов приходишь к выводу, что развитие образов и мыслей шло по пути сокращения многообразия качеств и проявлений к выделению, причем очень четкому выделению, доминирующей черты или качества. То же относится и к количеству героев. Первоначально в экипаж «Дискавери» должно было входить шесть человек:

Дэвид Боумэн — биофизик и кибернетик,

Питер Уайтхэд — инженер систем жизнеобеспечения, Виктор Камински — астроном и планетолог,

Уильям Хантер — инженер силовых установок,

Джек Кимбелл — род занятий не определен.

Келвин Пул — астрофизиолог и психолог.

Джек Кимбелл как-то сразу оказался лишним, а судьба остальных астронавтов изменялась постепенно. В одном из первых вариантов никто из них не погибал. Они все вместе обследовали тайны одного из спутников Юпитера — Юпитера-5 (он играл роль Япета окончательного варианта). Погибали они затем тоже по разным причинам. В одном варианте Боумэн включает систему пробуждения Келвина Пула, обнаружив неполадки в работе компьютера, но Пул гибнет от внезапного сердечного приступа. Когда Питер Уайтхэд выходит в космос на космическом боте, тот вдруг начинает удаляться от корабля, нагнать его уже невозможно, иначе Боумэн и сам не вернется на «Дискавери». Происходит трагическое прощание. Уайтхэд до самой смерти сохраняет самообладание. Образ Питера Уайтхэда разработан в этом варианте не хуже, если не лучше, чем образ Дэвида Боумэна, он привлекает к себе читательские симпатии. Но в результате, после всех этих вариантов, мы видим, что выживает один Боумэн. Его ничто, кроме любви к родине, не связывает с Землей. Он не женат, у него нет детей. На этом пункте я хочу специально остановиться.

И.А. Ефремов в своем послесловии писал: «К сожалению, в „Космической Одиссее“, как и в большинстве произведений Кларка, отсутствует лирическая тема. В его романах и рассказах почти нет женских персонажей. Возможно, это своего рода протест против изобилия секса в современной западной научной фантастике, но нельзя не отметить, что ограничивая героев в естественных человеческих чувствах, Кларк неизменно обедняет их образы»⁷¹. Можно понять И.А. Ефремова, который всегда стремился к изображению всей полноты человеческой личности в научно-фантастических произведениях, Ефремова-рыцаря, автора «Таис Афинской». Но в данном случае это обусловлено всем построением романа и расстановкой акцентов в нем. Кларк намеренно оставляет Боумэна одного, выделяет его из человеческого общества, усиливает его исследовательские качества, делает его идеальным объектом для контакта и перестройки. Он в расцвете умственных и физических сил. В дневнике Кларк специально отмечал: «2 февраля 1966 г. Гэри Локвуд и Кейр Даллеа — пробы грима (мы хотим, чтобы они выглядели тридцатипятилетними)»⁷². Боумэн уравновешен, в тридцать пять лет уже не страдают от неопытности и

71 И.А. Ефремов. О романе Артура Кларка «Космическая Одиссея 2001 года». — «Молодая Гвардия», 1970, № 10, стр. 260.

72 «The Lost Worlds of 2001», p. 45.

порывов юности, нет еще и разочарований и недостатка сил старости. Одним словом, Боумэн такой же прекрасный экземпляр человека, каким в свое время был Смотрящий-на-Луну.

Еще одна причина того, что Боумэн остался один, лежит в названии книги. Он — космический Одиссей, а Одиссей один выжил и один вернулся. Здесь снова наблюдается обратное влияние названия (как в высказывании Кларка о Звёздном Рёбенке). Нельзя проводить аналогию с гомеровской «Одиссеей» на протяжении всего романа — основные проблемы этих двух произведений разные, но некоторые чисто сюжетные ходы хорошо объясняются такой аналогией. Я все время повторяю, что влияние названия обратное, потому что в дневнике Кларка часто встречаются такие высказывания: «Стэн предложил то-то» (или «Мне пришло в голову, что...» — «А почему бы и нет, ведь Одиссей тоже...»). Боумэн много читает, увлекается книгами о великих исследователях и путешественниках прошлого, проходит вместе с ними по материкам и морям Земли разных веков. Читал он и «Одиссею», которая была ему много ближе и понятнее других книг (SO, p. 101).

Когда он остался один, то сначала слушал классические пьесы и стихи из библиотеки «Дискавери», потому что ему нужны были голоса людей, чтобы не чувствовать себя таким одиноким. Потом стал слушать оперы, но почувствовал одиночество еще острее. Кларк описывает, как потряс Боумэна «Реквием» Верди, «гремящий в пустом корабле с ужасающей уместностью» (SO, p. 177). Остановился же он на музыке Баха и Моцарта, действовавшей на него умиротворяюще. Кларк не случайно описывает так подробно влияние музыки. Он уделял большое внимание и музыкальному сопровождению фильма, отмечая в дневнике, что в сценах, происходящих в невесомости, звучала музыка Мендельсона — «Сон в летнюю ночь», в сценах на Луне и у Звездных Врат — «Антарктическая симфония» Вогана Уильямса, монолит обучает обезьянолюдей под звуки «Заратуштры» Рихарда Штрауса. Музыкальное сопровождение во многом определяет эмоциональную окраску сцены, фильма в целом. Из-за обилия музыки недоброжелательные критики окрестили его даже «космическим вальсом».

Помимо музыкальных рефренов в памяти надолго остаются подносы с космической едой.

Кларк тщательно детализирует мир, окружающий героев его произведений. Это характерно и для всех частей «Одиссеи», только в самом конце предметы обстановки пропадают, исчезают за ненужностью, и превращение Боумэна в Звёздного Ребёнка происходит под покровом тайны. Но возвращается он опять к вполне реальной Земле с ее материками и океанами, и с ракетами, оснащенными ядерными боеголовками. По часам расписывается порядок дня космонавтов; если построить такой корабль, как «Дискавери», на нем действительно можно полететь в космос; способ, каким отмечено местонахождение лунного монолита, действительно достоин того, чтобы его применила какая-нибудь внеземная цивилизация или наша, если она когда-нибудь достигнет подобного уровня развития.

В «Космической Одиссее» Кларка цепь эволюции разума такова: Смотрящий-на-Луну + внеземной разум —> человечество с его историей —> искусственный разум, как продукт человеческого разума —> Дэвид Боумэн + внеземной разум —> Звёздный Ребёнок. Человечеству были даны два урока с перерывом между ними в три

миллиона лет. Для того, чтобы удостоиться второго урока, человечеству надо было выйти в космос. Выход в космос для Кларка не только и не столько показатель степени технического развития цивилизации, а, как и в «Городе и Звёздах», показатель того, что обитатели планеты вышли за рамки мира, окружавшего их с рождения и теперь перешли на новый уровень сознания. Они воочию убедились или, по крайней мере, должны были убедиться в том, что Вселенная безразлична к возникновению жизни и разума, и поэтому каждую искру разума нужно бережно поддерживать и хранить.

Обоснованием сюжетных ходов в традиционном научно-фантастическом произведении чаще всего служит какое-нибудь научное положение или гипотеза и вытекающие из этого следствия. Следствия эти влияют на жизнь вовлеченных в действие людей. Поведение людей в сложившихся обстоятельствах зависит от их убеждений, воспитания, идеалов, ответственности, возложенной на них. При ближайшем рассмотрении оказывается, что сообщенного о героях вполне достаточно для объяснения их поступков.

Действительно, не всегда в центре произведений Кларка стоит герой.

Заняв выжидательную позицию в споре о герое, разгоревшемся в научной фантастике в семидесятые годы, Кларк, тем не менее, своим творчеством упрочивал реалистические принципы характеристики в научной фантастике — это главный вывод, который можно сделать из проведенного сопоставления.

Однако и на ограниченном материале, вошедшем в данную статью, можно заметить, что, хотя принципы характеристики практически не отличаются от применяемых в «обычной» литературе, психологизм в научной фантастике особенный. Его условно можно назвать расширенным, или внешним. Герой научно-фантастического произведения становится полнокровным характером только тогда, когда его внутренний мир расширяется до охвата и постижения внутреннего мира других людей или существ. Творчество Артура Кларка наглядно демонстрирует справедливость этого положения, выведенного применительно к современной научной фантастике в целом.

Голоса пространства

Артур Кларк — Ивану Ефремову

475, Грегори Роуд,
Коломбо 7, Цейлон.
28 июня 1968 года.

Ивану Ефремову,
Изд-во иностр. языков,
Москва, СССР.

Уважаемый д-р Ефремов,
Вернувшись на Цейлон по прошествии пяти месяцев, я с восторгом обнаружил столь любезно присланные Вами экземпляры «Андромеды» и

«The Land of Foam»⁷³. Мне неизвестен Ваш адрес, но надеюсь, что письмо мое благополучно дойдет, и как только получу ответ, с удовольствием пошлю Вам что-нибудь из своих собственных книг.

В августе я ненадолго отправляюсь в Вену на проводимую в рамках ООН конференцию по вопросам использования космического пространства в мирных целях. На ней состоится демонстрация киноленты «2001: Космическая Одиссея».

Я был поглощен этой картиной последние четыре с половиной года, и, как Вы, вероятно, знаете, это самый крупномасштабный научно-фантастический фильм из всех, когда-либо создававшихся. Полагаю, у Вас будет шанс посмотреть его в СССР.

С нетерпением жду Ваших новых книг — я уже имел удовольствие прочесть несколько Ваших рассказов — и надеюсь в ближайшем будущем получить от Вас известия. Я указал свой постоянный адрес, хоть и бываю по нему только четыре-пять месяцев в году.

*С самыми добрыми пожеланиями, искренне Ваш,
Артур Кларк.*

12.09.68

Уважаемый д-р Ефремов,

Я был чрезвычайно рад получить Ваше письмо — и надеюсь, Вы сможете прочесть этот ответ. Сейчас я нахожусь с лекционным туром в Соединенных Штатах и не имею доступа к печатной машинке. Вернусь домой на Цейлон, увы, не раньше декабря!

Сегодня я послал Вам «Космическую Одиссею». Фильм имеет потрясающий успех. Его показывали в Вене на конференции ООН по проблемам космоса, и позднее он неоднократно демонстрировался вновь. Космонавт Леонов сказал мне, что чувствует себя так, будто побывал в космосе дважды!

Кстати, вчера я присутствовал при запуске «Аполлона-7» на мысе Кеннеди — потрясающее зрелище.

В Москве уже состоялся просмотр «Космической Одиссеи» в узком кругу — и я надеюсь, что когда-нибудь этот фильм выйдет в Советском Союзе на широкий экран. Кажется, он произвел неизгладимое впечатление на делегатов в Вене: доктор Масевич рассказывала мне, как сильно ей понравилась картина. Однако лишенные воображения и консервативно настроенные инженеры и ученые чуть ли не возненавидели этот фильм!

Завтра здесь открывается конгресс Международной Авиационной Федерации, и я снова увижу Седова, Газенко, Михайловича и др.

Надеюсь, мое следующее письмо будет отпечатано на машинке!! (и выйдет длиннее!)

*Пожалуйста, извините мою поспешность.
С наилучшими пожеланиями,
Артур Кларк.*

47/5, Грегори Роуд,

⁷³ «Страна пены морской» — под этим названием на английском языке была издана повесть «На краю Ойкумены» (Houghton Mifflin Co Edit, Riverside Press, Cambridge, 1959, 304 pp.)

Коломбо 7, Цейлон.
13 декабря 1968 года.

Д-ру И.А. Ефремову,
ул. Губкина, 4, кв. 40,
3333, СССР.

Уважаемый д-р Ефремов,

Спасибо за ноябрьское письмо. Я прочел его сразу по возвращении из США на Цейлон. Все это время я был крайне занят, мне удалось наблюдать запуск «Аполлона-7», оставивший неизгладимое впечатление. Кроме того, я удостоился чести представить «2001» в ООН секретарю У Тану.

Я рад, что Вам понравился «Конец детства», и, возможно, Вам небезынтересно узнать, что скоро это произведение будет экранизировано.

Я с сожалением узнал, что у Вас нет моей собственной любимой книги «Город и Звёзды», так что я ее Вам посылаю вместе с несколькими другими книгами, которых нет в Вашем списке.

Совсем недавно я получил красивую иллюстрированную статью о себе из русского научного журнала, но, к сожалению, не знаю его выходных данных. Статья озаглавлена «Год 2463» и начинается с фотографии, где я сижу с моим телескопом «Квестар», — интересно, видели ли Вы эту статью. Иллюстрации смотрятся великолепно, но, к сожалению, они черно-белые и воспроизведены в слишком мелком масштабе.

Я пробуду здесь всего лишь два месяца, и в течение этого времени мне необходимо написать сценарий еще одного широкоэкранного фильма продолжительностью два с половиной часа. Должна получиться документальная кинолента о программе освоения космоса человеком. В ней будут задействованы американские астронавты, и мы предполагаем использовать доставленные ими с Луны кино-фотоматериалы. Думаю, также можно будет вставить широкоформатные снимки космических запусков в СССР, поскольку хотелось бы осветить?) тему полнее.

Я огорчен по поводу перенесенной Вами болезни и надеюсь, что теперь Вы окончательно поправились. Не думаю, чтобы отстранение от печатной машинки было подходящей терапией для писателя! Это может его еще больше расстроить.

С наилучшими пожеланиями к Рождеству и на Новый год.

Искренне Ваш, Артур Кларк.

47/5, Грегори Роуд,
Коломбо 7, Цейлон.
28 июня 1969 года.

Проф. И.А.Ефремову,
ул. Губкина 4, кв. 40,
Москва V — 333, СССР.

Уважаемый профессор Ефремов,

Я был невероятно рад получить Ваше письмо от 15 июня, которое застало меня буквально накануне моего отъезда на запуск «Аполлона-11».

Я присутствовал и при запуске «Аполлона-10» — изумительное зрелище — и теперь вновь лечу в США для подготовки передач об «Аполлоне-11» для телевидения. Мы будем регулярно выходить в эфир во все время пребывания космического аппарата на Луне.

Затем я отправлюсь в лекционный тур по Соединенным Штатам и вернусь домой только в декабре, однако планирую пробыть здесь всю зиму и, начиная с 1970 года, большую часть времени проводить в Цейлоне. Но, в любом случае, письма мне всегда будут пересылаться.

Меня заинтриговала Ваша реакция на «2001», и могу Вас заверить — она весьма необычна! Благодаря своему духовному контексту, вызвавшему неимоверное количество дискуссий, картина, по сути дела, положила начало новой религии, — об этом фильме уже написана масса статей и даже книги! Он обращен к людям самых различных вероисповеданий — католическое ведомство Ватикана по киноискусству на днях присудило ему свою высшую награду, а буддисты приняли его близко к сердцу из-за темы реинкарнации. На самом деле, многие люди сочли его первым поистине религиозным фильмом — именно по этой причине он подвергся нападкам со стороны материалистов! Так что я действительно удивлен Вашей реакцией, и мне остается только надеяться, что у Вас еще будет шанс посмотреть его снова. Кстати, мы были в восторге, когда узнали, что наш фильм выбран в качестве официального участника от Соединенных Штатов на Московский кинофестиваль, который состоится через месяц — а значит, вскоре у Вас появится еще одна возможность его посмотреть.

Нас с Кубриком обоих буквально забросали письмами люди, предлагавшие свои интерпретации философского и религиозного аспектов фильма, — и теперь просто невозможно ответить им всем. Очень скоро выйдет сборник эссе, посвященный фильму, и я непременно перешлю Вам по почте экземпляр, когда буду в Соединенных Штатах.

Прошлой ночью я посмотрел картину шестнадцатый раз (с премьер-министром Цейлона), а перед этим — в Нью-Йорке с генеральным секретарем У Таном. Впрочем, сколько я ее ни смотрю — такое впечатление, будто с каждым разом она становится только лучше; и я говорю это без самодовольства, поскольку успех фильма считаю в гораздо большей степени достижением Стэнли Кубрика, нежели своим собственным.

Вы спрашиваете, есть ли различие между западным и русским восприятием, но, в сущности, Ваше же письмо доказывает обратное! Мне крайне редко встречались отзывы, подобные Вашему, среди мнений западных коллег — впрочем, доктор Алла Масевич, которая, я уверен, является достойным членом партии, подошла ко мне после просмотра в Вене и рассказала, какое сильное впечатление произвело на нее философское содержание фильма!

Кстати, Вам, вероятно, уже известно, что в Голливуде он завоевал четыре «Оскара» и, в соответствии с оценками мировой критики, был признан лучшим фильмом 1968 года. Об этом только что заявили итальянцы, и мне придется ехать в Рим для получения награды. (Я также слышал, что сам Папа Римский одобрил это решение!)

Но, в любом случае, я очень рад, что Вы искренне выразили свои чувства, ибо друзьям должно так поступать даже в том случае, когда их мнения расходятся.

Я надеюсь, что Вы пребываете в добром здравии и снова с

нетерпением жду от Вас вестей. Как мы говорим по-английски, давайте вместе 20 июля «держат пальцы скрещенными на удачу».

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш, Артур Кларк.

3 января 1970 года.

Уважаемый профессор Ефремов,

Премного благодарен Вам за письмо от 22 ноября, ожидавшее меня до моего возвращения из Америки в середине декабря. Я, безусловно, ответил бы на него раньше, но по приезде меня свалила неистовая атака гриппа, вероятно, усугубленная утомлением после лекционного тура, во время которого я объехал все Соединенные Штаты. Кроме того, мне пришлось вести телевизионные передачи об обоих «Аполлонах», 11-ом и 12-ом, а это означало полуночные возвращения в студию специальными чартерными рейсами и невероятно напряженный график работы. Тем не менее это было замечательное время, которое я ни на что бы не променял.

Мне, разумеется, уже сообщили с том, что «2001» опубликован на русском, — надеюсь, не только в периодике, но и в виде книги. Я попросил компанию М.Г.М. Переслать Вам верстку антологии о фильме, которая вот-вот выйдет из печати. Она могла бы Вам очень пригодиться в качестве материала, содержащего разнообразные отзывы публики и критики.

Возможно, я не так выразился, когда сказал, что фильм положил начало новой религии, но тем не менее он, несомненно, заключал в себе мощный философский импульс. Во время своего лекционного тура иногда я выступал перед многотысячными аудиториями — в основном студентами университетов — вдохновленными этим фильмом. Их энтузиазм меня поражал, а порой даже настораживал.

Конечно, я бы не сказал, что фильм создал новую религию в ортодоксальном смысле, но все же он наложил глубокий отпечаток на мировоззрение многих молодых людей, которые пытались найти во Вселенной нечто более могущественное, чем Человек. Я получил множество писем от людей, на кого этот фильм повлиял сильнее всего в жизни.

Между прочим, это еще и самый *посещаемый* фильм в истории кино — многие люди ходили смотреть его по 20–30 раз. Разовый просмотр абсолютно бесполезен, но после второго и третьего — я сам стал видеть в нем гораздо больше! Искренне надеюсь на то, что скоро у Вас появится возможность посмотреть его вновь.

Конечно же, Вы правы в отношении недостатка человеческого фактора в фильме — однако это в точности соответствовало нашему космическому замыслу. В романе я постарался более контрастно осветить те моменты, которые не могли быть полностью раскрыты в фильме.

В заключение хотелось бы сказать о Ваших фотографиях 1948 года, которые я с интересом обнаружил в очаровательной книге Эдвина Х. Колберта «Человек и динозавры» — полагаю, она у Вас есть.

Желаю Вам всего самого наилучшего в 1970 году.

Искренне Ваш, Артур Кларк.

И.А. Ефремов
Спасение из бездны
О повести Артура Кларка «2001: Космическая Одиссея»

Творчество одного из крупнейших писателей-фантастов современности Артура Кларка хорошо принято советскими читателями. Известны и важнейшие черты его биографии. Следует лишь добавить, что на русский язык не переведены крупные научно-фантастические произведения, а только короткие рассказы и новеллы и некоторые научно-популярные очерки А. Кларка («Профили Будущего», «Рифы Тапробана»). Поэтому мы знаем Артура Кларка скорее как научного популяризатора, увенчанного премией Калинги. На самом деле. Артуру Кларку принадлежат выдающиеся научно-фантастические повести и романы и среди них такие знаменитые, как «Конец Детства», «Город и Звёзды», «Пески Марса», «Экспедиция на Землю». «Достижение Будущего». А. Кларк всегда был самым ярким представителем так называемой «чистой» научной фантастики, основанной на строгих научных данных. Что А. Кларк умеет предвидеть, он доказал уже давно, поставив вопрос об искусственных спутниках как средствах мировых коммуникаций, тогда когда еще и сами-то спутники только снились инженерам.

Фантастика Кларка гуманистична. Его картины будущего, нередко печальные, никогда не были «приправлены» убийственными катастрофами, разгулом ненависти и угнетения, о которых любят писать многие фантасты.

Артур Кларк всегда проявлял интерес и дружественные чувства к борьбе за новое общество в социалистических странах и, в частности, в СССР.

Предлагаемая читателю последняя вещь А. Кларка — переработанный в повесть литературный киносценарий, — является его первым крупным научно-фантастическим произведением на русском языке, к сожалению на мой взгляд, не лучшим. Решение издательства (журнала) ознакомить нашего читателя именно с «Космической Одиссеей» вызвано тем большим резонансом, какой имел во всем мире одноименный фильм, поставленный знаменитым американским режиссером Стэнли Кубриком с небывалым для этого жанра размахом.

В отрыве от фильма нельзя рассматривать повесть, поскольку новые для А. Кларка тенденции, в ней проявленные, обязаны, безусловно, влиянию С. Кубрика.

«Космическая Одиссея» по существу — расширенное продолжение одного из прежних рассказов Кларка «Часовой» («Сентинл»). Земные исследователи находят на Луне, в глубине кратера Тихо, монолитную пирамиду из несокрушимого вещества, излучающую поляризованную энергию. Выясняется, что пирамида — это аппарат, установленный миллионы лет назад высокой и древней цивилизацией Галактики. Представители этого, практически всемогущего, мира, прилетели на Землю до появления человека. Поняв неизбежность возникновения здесь разумных существ и высокой культуры, они поставили на Луне, как часового, аппарат-робот, который, едва только его коснутся руки разумного существа, пошлет направленный сигнал о том, что еще один остров разума появился в Галактике.

Контакт с всемогущей цивилизацией стал центральной идеей фильма и новой повести «2001: Космическая Одиссея».

Начало новой повести — часть первая («Первобытная Ночь») отнесено на миллионы лет назад в эпоху пралюдей или человекообезьян. «Часовой» — огромная пирамида, своим излучением способствует изменению мозга пралюдей и превращению их в разумного человека. Вторая часть — это собственно «Часовой» — открытие и разгадка ЛМА — «следящей» пирамиды на Луне.

Третья часть — «Между Планетами» — детальное и красочное описание первого этапа полета межпланетного корабля «Открытие», отправляющегося к Сатурну, сделанное с убедительной достоверностью. Здесь блестяще проявилось все мастерство Артура Кларка в технических проблемах. Четвертая часть повести — «Бездна», посвящена конфликту между взбунтовавшимся роботом ЭАЛ — электронным мозгом корабля и его экипажем, заканчивающемуся гибелью всех членов экипажа, кроме командира. Только здесь командир Боумен, восстановив прерванную роботом связь с Землей, узнает о секретной миссии, возложенной на его экспедицию центром космических полетов — найти на спутнике Сатурна Япете аналогичного ЛМА «Часового». Япет среди всех других спутников обладает необъяснимой яркостью. Ученые подозревают, что именно там находится станция сверхгалактической цивилизации и что туда адресованы позывные лунного «Часового».

Боумен решает выполнить миссию в одиночку. Кое-как наладив управление кораблем, он пробивается через ледяной пояс к Япету, в драматической пятой части «Луны Сатурна». Воздух в испорченном корабле становится все хуже. Боумен покидает его в маленькой космической «гондоле», направляясь к сверкающему «глазу» Япета. Внезапно он понимает, что перед ним — ворота к бездне миров, ведущие в область, обитаемую той самой древнейшей цивилизацией, которая поставила «часовых» на Земле и Луне. Это как бы «отверстие» в пространстве, где немислимые расстояния могут быть мгновенно преодолены.

Шестая и последняя часть повести так и называется: «Сквозь звездные ворота». Миновав ворота, Боумен оказывается в безмерно удаленном от Земли звездном мире, встречаясь с мертвым колоссальным космопортом, плывущим в пространстве, проносится в хрупкой гондоле сквозь могучее излучение красного солнца. Наконец, его встречают таинственные сгустки света, направляющие гондолу в убежище. Боумен оказывается в странном помещении, обставленном современной мебелью и картинами, с макетами книг, телефона, с консервными банками, которые под различными этикетками содержат один род синей пищи. Боумен принят всемогущей цивилизацией и претерпевает необычайное превращение. Следуя как бы назад во времени, командир становится ребёнком, но ребенком «Звёздным», столь же всемогущим, как и существа сверхцивилизации, неподчиненным законам физического пространства и времени, как бы представляющим собою чистый разум или дух, владычествующий над материальным миром. Он направляется обратно к Земле и поспекает как раз вовремя, чтобы одной своей волей разрушить страшные спутники с ядерными зарядами, окружившие планету накануне всеобщей гибельной войны. Этой кульминацией заканчивается повесть, а в фильме появляется гигантский человеческий эмбрион, взирающий на планету с космической высоты.

Я пересказал полностью сюжетную линию повести (и фильма). чтобы читатель мог видеть, что подверглось, сокращению при переводе и представить себе произведение, равно как и фильм целиком, без чего нельзя обсуждать идейное содержание. Я — против распространенной у нас и в США тенденции обязательного уменьшения произведений, но, сокращая, я выбрал бы те самые части, как и редакция.

Превращение пралюдей в разумные существа с помощью излучения в какой-то одной точке гигантских пространств нашей планеты — научная нелепость, несвойственная Артуру Кларку. Вообще вся первая часть повести выпадает из общей линии развития сюжета, не говоря уже о заложенной в ней идее вмешательства высших сил в эволюцию человека на Земле.

Шестая, заключительная, часть также не может быть названа научной фантастикой. Мистическая трансформация человека показана сюрреалистически через пришедшие из фильма инфернальные плазменные вихри, таинственную комнату с макетом человеческого обихода, которая постепенно растворяется, пока герой спит, претерпевая метаморфозу.

Шестая часть несомненно покажется нелепой для нашего читателя, воспитанного в атеистическом мировоззрении. Сокращение концовки и начало позволяет сконцентрироваться на собственно космической одиссее — путешествии к дальней планете и, как подготовительном этапе, связанных с поисками «часового» исследованиях на Луне. Заметим попутно, что Артур Кларк еще раз оказался пророком, предсказав аномалии силы тяжести на Луне, открытые ныне, правда в гораздо большем масштабе.

Великолепные страницы, насыщенные описаниями технических проблем, подготовки космического корабля, работы исследователей в космосе, сменяются не менее впечатляющими описаниями пояса астероидов, Юпитера, Сатурна, страшной бездны межпланетного пространства. Это — самые сильные и интересные части повести и фильма, грандиозность постановки которого намного превзошла все, что было до сих пор сделано. Скрупулезная «точность» технических устройств, созданная Кларком, заставила режиссера выполнить обстановку корабля и космоса с похожей достоверностью, даже снабдив каждый прибор на «Дискавери» маркой фирмы (кстати, на пользу рекламе современных фирм США). Велик размах технической фантазии автора (и режиссера). С этой стороны повесть и фильм очень интересны.

Однако изображение людей, исследователей, покорителей космоса, не убоявшихся бездны пространства, ученых, создавших и пославших гигантский корабль с тайной миссией (кстати, почему тайной?) явно не удалась автору. Как писали американские критики (Гарри Стайн, Шайлер-Миллер) в ведущем научно-фантастическом журнале США «Аналог», машины и приборы в повести и фильме гораздо выразительнее, чем характеры людей и, соответственно, актеры. Шайлер-Миллер даже сказал, что он «думает, не пожелал ли Кубрик показать, что электронный мозг корабля более человечен, чем люди». Гарри Стайн, который вообще низко расценил и повесть, и фильм, заметил, что «плохо, если „Космическая Одиссея“ называется научной фантастикой. На 90 % она — научный инструмент и на 10 % малоосмысленное фантазирование».

Я привел наиболее резкие и авторитетные отрицательные отзывы (были сотни хвалебных и десятки восторженных, не считая громобойной

рекламы), чтобы показать, что сюрреалистическая тенденция режиссера Стэнли Кубрика, с его известным недоброжелательством к науке, отразилась на киноповести Артура Кларка и заставила этого корифея «чисто» научной фантастики в какой-то степени изменить самому себе. В самом деле, «конфликт» астронавтов с ЭАЛ — электронным мозгом корабля — надуман. Не веришь, что создатели столь сложного универсального робота не смогли предусмотреть простецких охранительных устройств и мгновенного переключения на «человеческое» управление. В плане эмоциональном конфликт «человек — машина» не дает читателю психологического эффекта. Робот, даже самый сложный — всегда лишь механизм, созданный человеком, и его ошибки — лишь недочеты конструкции, вроде, скажем, досадной неисправности телевизора. Серия новелл о роботах Айзека Азимова производит куда большее впечатление, так как в них противоречия недодуманных конструкций разрешаются за счет машины благодаря трем охранительным законам, положенным в основу действия электронного мозга. Возникает живой технический интерес, даже становится жаль робота. Но и в этом случае не получается драматический эффект, на какой рассчитывал Артур Кларк, сделавший конфликт с электронным мозгом стержневым в своей повести.

Еще одной особенностью «Космической Одиссеи» является отсутствие женщин. Неопределенность женских персонажей и стремление избегать сексуальных тем проходит через все творчество А. Кларка, может быть, как протест против изобилия примитивного «секса» в современной научной фантастике. Однако полная элиминация половины рода человеческого, притом весьма важной эмоционально, дорого обошлась автору, сделав его повесть бедной чувствами, бесцветной в характеристике персонажей, которым оставлена лишь работа и борьба с крупными и мелкими техническими неисправностями. Правда, эта борьба изображена столь достоверно, с глубоко проникающей фантазией, что наши читатели примут повесть с большим интересом.

Однако, прочитав «Космическую Одиссею» целиком, трудно отделаться от ощущения огромной печали, проявляющейся как итог всего повествования от дикого прачеловека до сверхсущества, подобно Люциферу, носящегося в Космосе. Тоскливое чувство вообще свойственно многим крупным произведениям Артура Кларка. Будущее человечества представляется ему печальным, если человек не победит физический мир, подобно высшим воплощениям восточных религий, и не сможет стать властелином космоса силой своего разума и воли. Таковы, например, его концепции в лучшем романе «Конец Детства» или в повести «Город и Звёзды». Но если там печаль порождается тупиком дальнейшего развития человечества на Земле, то в «Космической Одиссее», несмотря на победный конец, она вызвана, на мой взгляд, духовной пустотой повести (и фильма). В ней полностью отсутствует подлинное становление современного человека, его морально-этическое восхождение, его высшие цели и долг по отношению к своим братьям.

Если пралюди могут превратиться в разумных людей путем радиоактивного или телепатического воздействия «часового», то почему сверхчеловечество Галактики бросило их на полпути, предоставив кровавой и жестокой истории доделывать начатое? Почему экспедиция для контакта со сверхцивилизацией задумана как секретное предприятие военного типа, и герои «Космической Одиссеи», с хорошей технической

выучкой, действуют только по полученным приказам, неизвестно во имя чего? Колоссальные усилия и затраты на экспедицию в конце концов сводятся к тому, что один земной человек становится бесплотным огненным духом. Артур Кларк, видимо, и сам почувствовал, что результат ничтожен для оправдания всей эпопеи, и ввел конечный эпизод со спасением планеты от ядерного уничтожения вмешательством бывшего командира «Дискавери», ставшего всемогущим. Этот новый владыка мира, взирая с высоты на родную планету не знает, что же делать дальше. «Ничего, он подумает кое-о-чем» — такими «утешительными» словами заканчивается повесть.

Под впечатлением духовной пустоты повести и фильма, я написал Артуру Кларку. Д-р Кларк ответил мне, не соглашаясь, и защищая философскую позицию «Космической Одиссеи». Я не успел получить разрешения А. Кларка на цитирование его писем, поэтому ограничусь лишь общими положениями.

Д-р Кларк утверждает, что «Космическая Одиссея», (конечно — фильм) произвела громадное впечатление именно на религиозных людей. Католическая Кинокомиссия в Риме присудила фильму высшую награду. Буддисты Цейлона приняли «Космическую Одиссею» близко к сердцу благодаря теме перевоплощения. Во всяком случае, по мнению д-ра Кларка, фильм имел громадное философско-религиозное влияние. Многие люди смотрели его по двадцать и даже тридцать раз! Однократный просмотр его А. Кларк считает даже бесполезным!

Мне кажется, что оба явления — идейная пустота повести (и фильма) и успех последнего, — диалектически взаимосвязаны. Отсутствие человеческих судеб и «дегероизация» астронавтов сводит тему человека и космоса к чисто технической борьбе машин с силами вселенной. Будет техника — будет и взлет в космос. Какие угодно люди способны на это — будь лишь дисциплина и выучка обращения с приборами. Какое будет от этого благо и помощь человечеству? Какой ценой? Эти вопросы столь же мало интересуют астронавтов «Космической Одиссеи», как и авантюристов разных времен и народов, шедших на пески Индии, Эльдорадо или иных обетованных земель, где молочные реки в кисельных берегах. Стародавняя эскапистская тенденция кочевника — испортив одно место, перебежать на другое.

С достижением «Звездных Ворот» совершается перевоплощение вне долгого и трудного воспитания, самосовершенствования, вне служения людям, только силой соприкосновения с всемогущими звездными духами, человек превращается в подобного же духа, не уступавшего в могуществе любому божеству. Так раскрывается духовная подоплека повести (и еще более — фильма), ничем не отличающаяся от положения христианской церкви, немало напортившей человечеству учением о всепрощающем благодетельном божестве. Что бы ты ни натворил в жизни, исполняй определенные обряды и молитвы и получи прощение. Исполни определенные технические обряды в космическом полете и получишь перевоплощение! Я понимаю, почему «Космическая Одиссея» одобрена римско-католической церковью, но удивлен ее приятием буддистами — последователями религиозного учения о Пути и Карме, признающими закон воздаяния и необходимость отказа от всех благ во имя служения людям. Даже на самой высшей ступени перевоплощения, ушедший с Земли дух обязан снова воплощаться в мире, чтобы в качестве бодисаттвы помогать духовно возвыситься. «Космическая Одиссея» как раз

антагонистична этому верованию.

Думается, что огромный успех «Космической Одиссеи» не случаен и не обязан исключительно искусным трюкам дорого стоявшей постановки. Он является показателем глубокой духовной депрессии капиталистической цивилизации. Момент, когда старые религии отмирают, уже не удовлетворяя мыслящего и научно образованного человека. А новая «религия», в исконном значении этого латинского слова — научно обоснованной морали, правил общественного поведения и служения обществу, не божеству, еще не настолько проникла в сознание людей западного мира, чтобы духовная пустота и безысходность внешне блестящих произведений раскрывалась бы без замедления.

10 мая 1970 г.

Артур Ч. Кларк Послание на Марс

Меня зовут Артур Кларк, и я говорю с вами с острова Шри-Ланка, некогда известного под именем Цейлон, расположенного в Индийском Океане на планете Земля. Сейчас ранняя весна 1993 года, но это послание предназначено будущему. Я обращаюсь к мужчинам и женщинам — некоторые из вас уже, возможно, родились — которые услышат эти слова, живя на Марсе.

По мере приближения к новому тысячелетию растет интерес к планете, которая может стать первым домом для человечества за пределами родного мира. Мне посчастливилось наблюдать развитие наших познаний о Марсе от полного неведения — хуже того, антинаучных выдумок, — к настоящему пониманию его географии и климата. Конечно, во многом мы все еще очень невежественны и не обладаем даже той информацией, которую вы считаете вполне очевидной. Но теперь у нас есть карты вашего прекрасного мира, и мы можем представить, как можно изменить — терраформировать — его, чтобы приблизить к сердцу. Может статься, вы уже вовлечены в этот многовековой процесс.

Между Марсом и моим нынешним домом существует связь, которую я описал в своем, скорее всего последнем, романе «Молот Бога». В начале этого столетия астроном-любитель по имени Перси Моулсворт жил здесь, на Цейлоне. Много времени он проводил в наблюдениях за Марсом, а сейчас в вашем южном полушарии есть огромный, 175 километров в диаметре, кратер, названный в честь этого человека. В своей книге я представил, как Новомарсианский астроном, однажды взглянув на мир предков, разглядит там крохотный остров, с которого Моулсворт — и я — часто заглядывались на вашу планету.

Было время, вскоре после высадки человека на Луну, когда в нас хватало оптимизма, чтобы предположить возможность достижения Марса уже к 1990 году. В другом рассказе я описал участника первой несостоявшейся экспедиции, наблюдающего за прохождением Земли через солнечный диск одиннадцатого мая 1984 года! Что ж, тогда на Марсе не оказалось никого, чтобы увидеть это событие, Впрочем, оно повторится десятого ноября 2084 года. К тому времени, надеюсь, уже многие глаза будут направлены в сторону Земли, выглядящей крохотным, идеально ровным черным шариком, медленно пересекающим огненно-

желтое поле. Я предложил, чтобы мы здесь, на Земле, просигналили бы вам тогда мощными лазерами, и вы бы увидели звездочку, посылающую вам свое послание прямо с лица Солнца.

Я тоже приветствую вас через океаны пространства — посылая свои приветствия и добрые пожелания из завершающего десятилетия века, в котором человечество открыло дорогу в космос и отправилось в путешествие, которое не завершится, пока существует Вселенная.

Артур Ч. Кларк

Коломбо, Шри-Ланка

20 марта 1993 года.

Теперь вы знаете...

**Грегори Бенфорд
Отсюда в вечность⁷⁴**

До последнего времени лишь научные фантасты задумывались о такой далекой перспективе, как, скажем, десять тысяч лет. Теперь она заинтересовала и правительство.

В предыдущих статьях я уже упоминал о проекте «Пилот» по захоронению ядерных отходов на соляной равнине в южной части штата Нью-Мексико⁷⁵. Я был консультантом министерства энергетики по прогнозированию долговременных последствий существования подобной ядерной гробницы. Основной задачей стало решить, что установить в качестве постоянного предупредительного знака для будущих поколений — всех трехсот, которые должны народиться за это время, — об опасности, затаившейся на глубине более полукилометра у них под ногами.

Я спросил у одного помешанного на компьютерах приятеля, чем, по его мнению, стоит обозначить место захоронения, на что тот не замедлил ответить:

— Да разбросать вокруг CD-диски. Люди будут их подбирать и из любопытства считывать — вот и все.

Когда я отсмеялся, он обиженно осведомился:

— А что, должно сработать. Цифровая передача информации — это знамение будущего.

На самом деле, это — знамение нашего времени. Но такой взгляд на вещи заставил меня задуматься о современном поклонении скорости и компактности как воплощении идеи коммуникации.

Я представил себе, как какой-нибудь ученый будущего (если таковые сохранятся), интересующийся хрупкими, позабытыми документами конца двадцатого века, наткнется на мои сочинения в хранилище одной из библиотек. Помятый профессор вытащит из пыльного подвала картонный ящик и откроет моё собрание сочинений: сотни трёхдюймовых дискет для

74 © Gregory Benford. From Here To Eternity. F&SF, June 1994.

Перевел Андрей Колобанов.

75 Еще одну статью о проекте «Пилот» мы планируем опубликовать в одном из ближайших номеров.

персоналки под DOS, с файлами в редакторе Word Perfect 6.0.

И где ему найти такую машину в 2094-ом году? Такое программное обеспечение? А что станется с отшлифованными абзацами, должным образом запечатленными в магнитных ячейках, пронеси он эти дискеты в поисках нужного оборудования мимо какого-нибудь магнитного сканера в магазине?

Со времен древних шумеров в технологии передачи информации был сделан выбор в пользу непрочных носителей, быстроты считывания и прогресса. Отказаться от глиняных табличек в пользу эфемерной бумаги, на которой так легко смазываются нанесенные знаки, которая так уязвима для огня и воды и к тому же легко превращается в подтирку, им, шумерам, показалось бы полным безумием.

И все же бумага одержала победу над глиной, так что, хотя Моисей выбивал божественные заповеди на каменных скрижалях, читаем мы их на бумаге. Она, а в последнее время и наши верные компьютеры, удешевили передачу и облегчили хранение информации.

Бумага не вечна. Но даже надписи на могильных камнях со временем истираются, и даже сами языки исчезают. Как же пронести предупреждение через века? Как же привлечь внимание потомков? Необходимо научиться писать крупно, понятно, на веки вечные. И может статься, главное все-таки — крупно.

Постройки религиозного и мемориального характера, воздействующие на чувства людей, сохраняются надолго. Кладбища, к примеру, успешно противостоят напору города. Огромное старинное кладбище на самом въезде в Манхеттен просто поражает воображение, — и ведь сохранилось же, несмотря на соседство с одним из самых дорогих участков земли в мире. В Азии и Европе храмы и церкви надолго переживают гигантские каменные монументы, воздвигнутые в честь всяческих правителей мира.

Конечно, храмы зачастую построены с большим старанием, да и люди не решаются сносить их. Часто служители новых культов просто используют старые здания. Парфенон существовал поначалу как храм Афины, затем в Византии как христианская церковь, позже стал мечетью, а сейчас является всемирно почитаемым памятником величию воздвигших его древних греков.

Порой завоеватели разрушают и святые места, как римляне, в 70-м году н. э. стершие с лица земли храм Соломона. Возможно, какой-нибудь завоеватель будущих тысячелетий наткнется на гигантские плиты, стелы и саркофаги проекта «Пилот» (если, разумеется, саркофаги не будут выставлены на всеобщее обозрение или превращены в аттракцион для туристов...). Видя в них святыни поверженной культуры, полководец может отдать приказ снести, закопать их, стереть все надписи.

Что-то подобное случалось уже неоднократно, когда европейцы несколько сот лет назад прокатились по планете, уничтожая духовное и культурное наследие целых народов. Майя писали и на бумаге, и на глине, но почти все их труды пропали.

Министерством энергетики нам была поставлена задача предотвратить присутствие на территории проекта «Пилот» людей. Очень важное дополнение.

Я лично не думаю, что род человеческий останется в целостности и сохранности даже через тысячу лет, тем более через десять тысяч. Если

только мы вскоре не прекратим бурное развитие биотехнологии и не перестанем вмешиваться в структуру собственных генов, думаю не замедлят появиться вариации на нашу кроманьонскую тему.

Способ мышления других пост-человеческих видов будет значительно отличаться от нашего. Хотя, даже если они получают дополнительные физические свойства (палец вроде отвертки? желудок, способный перерабатывать целлюлозу напрямую в сахар? поясницу покрепче?), надеюсь, они сохраняют внутреннюю программу, полученную нами, приматами, еще в давние времена в африканских саваннах.

Частью этого древнего наследия является выраженное предпочтение к определенным чертам ландшафта. Поэтому все люди в чем-то имеют общие вкусы, поскольку в свое время именно они давали наибольший шанс выжить. Эти «ландшафтные архетипы» столь сильны, так как их дарвинирование⁷⁶ заняло многие сотни тысяч лет, по мере того, как маленькие группы охотников-собирателей перемещались по пересеченной местности.

Развитие сознания происходило в результате чрезвычайно быстрого процесса интеграции разума и тела. Ежесекундно завися от природных катаклизмов и милости других видов животных, наши предки ощущали себя частью живого сообщества, замечательного единства природы. Наша невероятная привязанность к этому ощущению — форма ностальгии, ничуть не менее сильная из-за удаленности первоисточника.

Предки людей, предпочитавшие саванны, процветали, те, кому нравились болота или горы, жили хуже. Эти «впаянные» предпочтения не имеют сегодня большой важности с точки зрения выживания, но в коре нашего головного мозга громогласный зов прошлого перекрывает шепот будущего.

Биолог Джон Эпплтон верит в существование трех типов обозначений, вознаграждавших доисторических людей, сумевших разгадать их: признаков опасности, возможной находки и убежища. Полные опасностей образы или запахи проникают прямо в мозг, возбуждая беспокойство, которое можно разрешить, лишь действуя: рефлекс «бежать/сражаться».

Действие расслабляет нас, поглощает энергию, может даже доставлять наслаждение. Люди, сильно зависимые от этого, ходят на фильмы ужасов или катаются на американских горках и получают подлинное, обусловленное эволюцией наслаждение. Большинство из нас просто предпочитает знакомые ландшафты: они уравнивают восприятие и предлагают убежище. Однако, иным интересно бывает также исследовать незнакомые, т.е. *нескучные* места.

Такой образ мышления, в свою очередь, закладывается в мифологическое сознание. По-видимому, наши представления, сложившиеся в процессе эволюции, заложены в базовые мифы, потому что когда-то они были правдой. Теперь они засели в подсознании, и готовы выскочить в любой момент, чтобы придать смысл окружающему.

Кандидатами на эту роль могут являться: представления об отце, матери, главенстве, детстве, осознание себя, представления о женственности и мужественности, собирании пищи, вечности, кругах и

76 Мы сохранили авторский неологизм, означающий складывание архетипов в процессе естественного отбора, дабы не слишком далеко отступать от киберпанковской стилистики Г. Бенфорда. (Прим. ред.)

квадратах (эти благородные формы Платона каким-то образом были полезны и в саванне), образы дьявол/зло, бог/богиня/добро (обратите внимание на сходство этих слов по звучанию даже в таком развитом языке, как английский⁷⁷), понятие о сне, боли, смерти, общности. Я бы добавил сюда понятия числа, пространства и времени — но только потому, что являюсь математическим физиком. Возможно, именно перечисленное и составляет самое основание человеческого опыта, порождающего значения, в мифах, языке, религии, искусстве — или заложено в артефактах.

Джозеф Кэмпбелл приобрел широкую известность благодаря популяризации им всеобщих мифологических тем, куда входят: непорочное зачатие; Великая Мать; Мироздание, сотворенное из хаоса пустоты; похищение огня; изобилие Эдема и великолепие рая; возвращение хаоса в виде наводнения или потопа; земля мертвых; умирающий и воскресающий герой/бог; Великий Путь исканий; священное как противовес мирскому; искупление путем страданий и самопожертвования.

Мы вычленим эти выразительные элементы из окружающего нас мира, потому что запрограммированы «видеть» их, как узор, организующий хаос бытия. Доводом здесь служит следующее: то, что кажется нам значением в мире, на самом деле является нашим проецированием этого значения *внутри* мира. Но происходит это от использования именно тех фильтров, которые преобразуют реалии саванны в базовые категории.

Информация на месте захоронения должна сообщать о четырёх главных моментах: просто сообщать («это сделано людьми»), предупреждать («опасно!»), определять («это древнее и технологическое»), и уточнять («радиоактивно — не приближаться»). Первый — главный, потому что до остальных очередь доходит, только если абсолютно точно известно, что всё сооружение — дело рук человека.

Конструкция с первого взгляда должна поразить любого. (Огромный каменный круг в Авесбери, недалеко от Стоунхенджа, не обладает таким качеством. Он не так широко известен, потому что составляющие его камни малы по сравнению со всем сооружением, вследствие чего можно стоять прямо посередине и не осознавать все целое). К тому же наряду со знаком Проекта, будет существовать огромное количество всех современных памятников и несомненное множество будущих: статуи времен Гражданской и грядущих войн; опоры скоростных шоссе; остовы банков и стадионов.

Большинство памятников с гордостью заявляют, что тут, мол, побывал великий Килрой, так что извольте проявить почтение. Сооружения проекта «Пилот» должны отталкивать: «Здесь побывали мы, так что извольте не приближаться». Как же донести наше необычное послание, чтобы победить заведомо почтительную реакцию потомков?

И кое-какие разработки появились. Чтобы отдать дань памяти великим людям или событиям, мы воздвигаем прекрасные, устремленные ввысь монументы, отражающие порывы нашей души, — пирамиды, Игла Клеопатры, обелиск Вашингтона, да и монолит 2001-го года. Площадка

77 Devil/evil и god/goddess/good.

над захоронением должна сообщать об обратном, адресуясь прямо к общественному подсознательному, должна притягивать взгляд, но отвращать душу. Возможно, чему-то можно поучиться у мемориала жертвам геноцида в Берлине, построенного в виде ломаных резких линий, острые края которых дисгармоничны, не дают успокоиться.

Рассмотрим Черную Дыру: большой черный базальтовый монолит, который невыносимо раскаляется под палящими лучами солнца. Во все стороны, под немислимыми углами расползаются бесформенные выступы, словно трещины, разламывающие сожженную солнцем равнину, предупреждая о бесполезности попыток возделывать или бурить эту землю.

Или Ландшафт Свалки: развороченные динамитом местные камни, сдвинутые бульдозером в огромное каре над площадкой Проекта. Груда грубых обломков главенствует над окружающей местностью, по ней трудно пробираться, — уничтоженный, а не созданный ландшафт.

Соорудить Запретные Блоки будет чуть тяжелее: грубые блоки из глыб камня и бетона, со стороны около двадцати пяти футов, выкрашенные в черный цвет. Очерчивают собой квадрат с хаотично разбросанными «улицами» пяти футов в ширину. Но улицы ведут в никуда, и никто не сможет жить там и возделывать эту землю. Блоки сильно нагреваются, и все это нагромождение категорически противится использованию. Особняком стоят гранитные блоки, покрытые надписями-предупреждениями.

Равнина Шипов по замыслу усеяна гранитными пиками восьмидесяти футов высотой, проклевывающимися прямо из земли. Они выступают под произвольными углами, что может ускорить растрескивание и эрозию. Тем не менее, чтобы сохранить изначальное значение, добавим Поле Шпилей, абсолютно вертикально установленных между Шипами. Если Шипы, упав, не повредят Шпили, то очевидно последние останутся стоять посреди поля развалин.

Большинству членов комиссии больше всего понравился пятидесяти футов в высоту Угрожающий Знак, представляющий собой рвы, которые разбегаются во все стороны из пустого центра площадки. Формой они напоминают молнии, зазубрены, словно стискивают крошечного путника. В центре находится разрушающаяся бетонная камера Проекта «Пилот».

Рядом — огромная напольная карта всех мировых захоронений отходов. И карта Нью-Мексико с указанием местоположения этой точки. Карта выбита на граните и слегка выпукла, чтобы песок сдувало ветром и не застаивалась вода. Расположенная ниже комната содержит детальную информацию о том, что лежит внизу, в глубине соляных копей, так же, как четыре меньших комнаты под самыми большими Рвами. «Говорящие стены» из гранита стоят тут и там по всей площадке.

Общей идеей здесь является неправильная геометрия и ангиэстетизм незавершённости. Она входит в противоречие с людскими архетипами совершенства в нашем несовершенном мире, которое все же проскальзывает в кругах, квадратах, пирамидах и шпилях. Использование неправильных форм, вопреки устремлениям дизайнеров, сознательно нацелено на отход от идеалов, исключение всякой ценности этого места.

Люди всегда ценят мастерство, а тут всё намеренно сделано грубо, как бы начерно, из щебня и куч земли. И вместе с тем сооружения огромны по размеру, впечатляют, — но вовсе не совершенством, что наводит на мысль об отсутствии культурной ценности.

Эта тема должна прослеживаться во всех надписях. Благоговейный страх, мрачное предчувствие, неконтролируемый ужас — для всех, независимо от языка или культуры. Человеческие фигуры и особенно лица, выступающие барельефами из камня. Лицо с руками, простертыми в неопишемом страхе, как в известной картине Эдварда Мунка «Крик». Или, возможно, искаженное приступом рвоты лицо.

Свист ветра меж монолитов, его скорбные завывания в мрачных закоулках рвов окружают всю долину тревожной и зловещей аурой. Культура каждого народа, заселяющего здешние края, должна будет таким образом нести легенду о проклятии, нависшем над этим местом — даже если и утратится память об истинной причине его появления.

Предусмотрено захоронение целого ряда предметов специально для тех, кто попытается копать там. Каждый из разработчиков помещал в центр сооружения саркофаг. В нем должно находиться большое количество материала разъяснительного свойства: от списков радиоактивных элементов, захороненных в этом месте, до самой периодической таблицы элементов, для сравнения с надписями на стенах.

И все же подземные склепы могут быть разграблены. Но тут стоит обратиться к опыту шумеров. Около третьего тысячелетия до н. э. они начали вести записи на маленьких глиняных табличках, которых к началу нашей эры накопилось видимо-невидимо. Благодаря этому мы имеем теперь непрерывную цепь документов, подробно описывающих религию, верования, экономику, обычаи шумеров.

Подобным же образом мы должны усеять площадку захоронения маленькими керамическими табличками, насыщенными предупреждающей информацией. Так можно перехитрить, с одной стороны, вандалов, всегда покушающихся на большие, внушительные памятники, а с другой стороны, — стихии природы. Под влиянием эрозии таблички выйдут на поверхность: освобожденная временем информация.

С условием, конечно, что местные жители смогут прочесть их. Но современным языкам не суждено без изменений пересечь моря тысячелетий.

Языки меняются непредсказуемо. Они так сложны, что склонность к упрощению какой-то одной части (скажем, английский свел в одно артикли и глагольные формы всех трех родов), неизбежно приведет к усложнению другой (в том же английском стало больше неправильных глаголов). Исторические события вносят свои коррективы. Основная причина столь значительных отличий фризского языка, на котором разговаривают на севере Нидерландов, от его ближайшего родственника в германской группе языков — английского — в том, что англы подверглись завоеванию норманнов, а фризы — нет.

Даже искусственно сконструированные языки не могут избежать внешних воздействий. Эсперанто, на котором в свое время разговаривали около 50 000 человек, был раз и навсегда лишен будущего, когда США и СССР наложили вето на его использование в качестве рабочего языка ООН. Кроме того, ни один «естественный» язык не появляется сам по себе, в изоляции, с самых древних времен. Наш мир покрыт сетью всевозможных коммуникаций, поэтому эволюция языков будет идти по иному, более сложному пути. Какому же? Предсказать невозможно, потому что еще не разработана общая теория эволюции словесных искусств.

Таким образом, и ожидать нечего возникновения науки, предсказывающей будущие языковые формы, и проблема надписей на строениях проекта «Пилот» приобретает огромное значение. По прошествии нескольких столетий лишь эксперты смогут прочесть ранние формы даже их собственного языка; мы с грехом пополам разбираемся в оригинальных текстах Чосера, но сдаемся перед «Беовульфом». Если не произойдет слишком большого культурного разрыва, возможно, паратройка знатоков древности будут в состоянии расшифровать английский или какой другой современный язык. Но вандалы редко приглашают в консультанты ученых.

Те, кто найдут это множество захороненных посланий, возможно, не смогут прочитать их, но поймут, что они представляют собой некие знаки. Наше эволюционное наследство — определенная предрасположенность к видению образных значений: к примеру, мы группируем в сознании предметы, если они обведены линией. Мы четко определяем края и выделяем фигуры из общей картины. И с такой же легкостью расчленим большие объемы информации на меньшие кусочки.

Символы должны отвечать этой нашей способности. На протяжении тысячелетий людям нравятся истории с продолжением. 11 500 лет назад с наскальных росписей Левантин в Испании начался настоящий бум первобытного искусства. Существуют пиктограммы, где изображена охота, разнообразное оружие, всякая одежда, древние мужчины и женщины.

Похожие упрощенные рисунки сегодня могут изображать схематические фигурки людей, закапывающих контейнеры с отходами, в то время, как остальные держатся на расстоянии.

На других рисунках можно изобразить людей, которые раскапывают или бурят площадку, фонтан грунтовых вод, а затем искривленные фигурки падающих на землю людей, и, наконец, сцену похорон.

История должна развиваться по-разному, где возможно напоминая великие древние мифы. Гобелены Байо во Франции, японский свиток «Вторжение Монголов», и повествование в картинках индейцев лакотсиу «Битва на Скользяй Траве» (которую мы знаем как «Последний Оплот Кастера») — все они черпают свою выразительную силу в последовательности образов.

Былинное повествование само по себе очень сильно связывает различные эпохи. Почему бы не использовать местную традицию, чтобы донести наше послание? В конце концов, «Илиада» и «Одиссея» Гомера дошли до нас через тысячелетия как устно передаваемые истории. Даже будучи записаны в шестом веке до н. э., они подвергались изменениям еще много веков. Великая сага, которая должна придать проекту «Пилот» мифический статус, может выжить так же долго.

Но, разумеется, никто не в силах в достаточной мере надежно упорядочить миф. Даже если он выживет, пересказываемый вновь и вновь, развиваясь, он может потерять своё предупреждающее значение. Опыт показывает, что записанные устные предания перестают быть великими сказаниями. Книги заставляют исчезнуть рассказчиков.

Так что нам остается история в картинках. И хотя образ может стоять тысячи слов, не всегда сразу понятно *каких именно*. Прямо в нашем столетии свастика из положительного религиозного символа Индии превратилась в ненавистную нацистскую эмблему. Нам хочется, перебив тысячелетия, сообщить будущим поколениям: «яд —

радиоактивные материалы — не приближаться».

Наиболее распространенным символом, обозначающим радиоактивные материалы, является для нас изображение атома урана в виде трех эллипсов, имеющих общий геометрический центр. Но он лишь описателен и ни о чем не предупреждает. Некоторые думают, что это изображение солнечной системы.

Символ «радиация» международен: «трилистник» из черного кружка с тремя усеченными конусами вокруг. Но это не картинка, а лишь искусственный образ, и он никак не связан с радиацией. Некоторые видят в нем цветок или японский *мон* — герб клана. Один член нашей команды сострил: «Мм, зачем это им было закапывать все эти винты подводных лодок?»

Череп и скрещенные кости относятся ко временам средневековых алхимиков, видевших в этом символе череп и кости Адама, обещающие воскрешение. Лишь позже так стали обозначать яды, и хотя это изображение международно, оно имеет свои недостатки. Когда с трехлетними малышами провели опыт, показав им этот символ, они сразу же закричали: «Пираты!» Как только его приклеили на бутылку, дети стали кричать: «Яд!»

Хотя в образе отделенных от тела голов заложен какой-то первичный ужас. Стив Харрис, физик-исследователь из Калифорнийского университета, заметил мне, что мотив черепа вызывает примитивный страх, подобный боязни змей. Обезьяны всегда возбуждаются при виде отрезанных обезьяньих голов или других частей тела. Это понятно в рамках эволюции, потому что хищники, охотящиеся на приматов, часто оставляют за собой такие «знаки». Людям также свойственен подобный страх. (На самом деле я убежден, что «Озимандии» Шелли черпают часть своей силы в огромном образе отделенной от тела головы).

Даже если ни один символ не просуществует десять тысяч лет, возможно, поможет их совокупность. «Мистер Фу», недавно принятое обозначение ядов, выглядит как Счастливое личико, с оскалом вместо улыбки, глазами навывкате и высунутым языком. Совместить его можно, скажем, с перечеркнутым кругом и другими зачеркнутыми картинками.

Но что зачеркивать? Буровую установку легко перепутать с нашим Знаком. Пиктограмма копающего человечка не подходит, потому что на самом деле никто не сможет добраться до захоронения подобным образом.

Большую проблему представляет то, что для проявления воздействия радиации требуется долгое время. Один из способов передать эту информацию — составить рассказ в картинках, начинающийся с образа ребенка, нашедшего захоронение, представленное, скажем, трилистником. Затем панель, где радиоактивный символ изображен уже на груди фигурки, вокруг которой выросли молодые низкие деревца. На следующей панели деревья выросли, а ребенок стал взрослым, который лежит на земле, оскалившись, болезненно скорчившись. Просто, доходчиво — Смотри, Дик, Беги От Радиоактивной Смерти.

Это может помочь передать послание даже после того, как всякая языковая связь с нами будет утеряна потомками. Несколько историков, возможно, будут в состоянии расшифровать надписи, но кочевые разбойники вряд ли обратятся за помощью в университет.

Некоторые члены группы считали, что, будучи негармоничными, монументы, чтобы нести свое основное угрожающее послание, должны

быть эстетически выдержаны. «Прекрасное сохраняется, а уродливое исчезает», — сказал один из них. Пирамиды выжили, возможно, и потому, что поражают воображение, — они единственное из древних чудес света, дожившее до наших дней, — такая же мощь может оказаться полезной и для Знаков Проекта «Пилот». «Дар нашего века будущему», — предположил другой. Еще один предложил поручить художникам создание крупномасштабной природной скульптуры.

Но мне кажется, что здесь кроется беда. То же показалось и другому члену нашей группы, Джону Ломбергу, разрабатывавшему вместе с Карлом Саганом некоторые из межпланетных диаграмм, погруженных на борт «Вояджера». «Даже если нам кажется, что эти строения некрасивы. — сказал Джон, — откуда известно, что их не примут в будущем за произведения искусства?»

Искусство часто двусмысленно. В качестве универсального языка оно мало что говорит о намерениях художника. Наскальные изображения животных не объясняют причины их создания. Изобразительное искусство справляется с этим лучше, чем символическое, но все дизайны Знаков довольно символичны, как и вся крупномасштабная скульптура. Вспомните, как часто зрители подолгу пытаются разгадать намерения абстрактных художников.

— Далее, — продолжал Ломберг, — даже если мы сможем создать достаточно великий памятник, чтобы он превратился в чудо света, слава которого будет жить три сотни поколений, сам факт такой значимости памятника приведет скорее к мысли о его культурном, а не коммуникативном значении.

Огромная, мощная скульптура, изолированная посреди пустыни, будет выглядеть скорее, как гора Рашмор⁷⁸, место с единственным, возвышенным значением. Туристический аттракцион.

Искусство часто лишено назначения; это факт. Даже, когда оно пытается быть ужасающим, как в случае с искаженными лицами, то не всегда достигает цели. «Герника» Пикассо на самом деле предупреждала не об испанской гражданской войне. В ней идет речь о более общем ужасе и страдании.

Хуже того, искусство привлекает толпу. «Мы же хотим, чтобы люди не приближались к этому месту, а вовсе не приезжали издалека увидеть его», — заметил Ломберг. Что, если оно и вправду привлечет туристов, желающих увидеть древнее чудо. Им понадобится гостиница, которой нужна вода, начнется бурение скважин...

И можно ли ожидать, что правительство может управиться с созданием великого произведения искусства? У него и так достаточно проблем в согласовании взглядов на всего лишь интересное, но уже очень противоречивое творчество фотографов и художников. Ломберг отметил, что на каждый удачный проект приходится сотня провалов, от мемориала принца Альберта в Лондоне («архитектурной комнаты смеха») до мемориала летчиков в Торонто, известного в округе под именем «Гамби едет в небеса».

Ломберг подчеркнул, что искусство во многом антинаучно, не представительно, благоволит разобщенности, нигилизму. Джон поставил

⁷⁸ Рашмор — скала, на которой высечены гигантские барельефы четырех президентов США — Вашингтона, Джефферсона, Линкольна, Рузвельта.

под сомнение способность нашего современного художественного сообщества к созданию или даже простому выбору дизайна, соответствующего многим научным и техническим требованиям, связанным, к примеру, с наступлением пустыни, выносливостью материалов, технологиями будущего.

Объявление большого конкурса идей подразумевает, что одна из них, подходящая или нет, все равно будет выбрана.

— Они там решат отметить захоронение гигантским надувным гамбургером, — сказал Ломберг, улыбаясь.

Предположим далее, что проект «Пилот» станет моделью для будущих ему подобных. Станут ли французы или китайцы использовать такую же систему знаков, — символов, изображений и всего остального, — как мы? Или соперничество между государствами сыграет свою роль? Через две тысячи лет тяжело будет догадаться, что все эти поразному спроектированные и построенные монументы несут общее значение.

Поэтому современное человечество должно, задумавшись о далеком будущем, избавиться от расовых предрассудков. Проект «Пилот» будет завершен только в 2030 году, и лишь тогда ему понадобится предупредительная табличка, но ее проектирование началось уже сейчас, потому что мы должны пробить себе путь в незримое будущее — в котором исчезнем не только мы, но и, возможно, вся наша культура. Это первый могильник радиоактивных отходов в мире, и он может стать образцом для всех последующих, погребут ли в них радионуклиды или ещё что.

Это всего лишь наша первая сознательная попытка наладить связь сквозь тьму времен. Будут и другие, а бессознательные способы самопредставления могут оказаться нашим самым надежным завещанием будущему. Люди того времени будут знать нас в основном по нашему мусору — и нашему проектированию.

А может мы и кинем туда пару Си-Ди Ромов, ну на всякий случай.

Комментарии (и возражения!) к данной колонке ожидаются с нетерпением. Посылайте их, пожалуйста, Грегори Бенфорду по адресу: Gregory Benford, Department of Physics, California. Irwin, CA 92111.